

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1899.

№ 24.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово Преосвященнаго АМВРОСІЯ, Архіепископа Харьковскаго, на новый 1900-й годъ. О преданности волѣ Божіей	765—767
Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи (окончаніе). <i>Ив. Гамбова.</i>	768—790
Религія Московитянъ или подробное описаніе начала, продолженія и теперешняго состоянія ихъ религіи, равно какъ ихъ нравовъ, обычаевъ и церемоній (по рукописи 1702 года) (окончаніе). * * *	791—808
Памяти ординарнаго профессора Московской духовной Академіи <i>Ив. Н. Корюковаго. П. Вагренцова</i>	809—824
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви. <i>Профессоры С. С. Глаголева</i>	455—472
Законъ достаточнаго основанія и законъ причинности. <i>Н. Горюхино</i>	473—508
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Правила для образцовой учебной партіи съ курсами для сельскихъ учителей и практикантовъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изложеніе церковныхъ законовъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, покуда свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ человѣка и во время язычества оставило предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень таковыхъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихода въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗВОРОТКА въ уплату денегъ не допроваляется.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Петковской, Петровскія глин., контора В. Гиларовскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзеникина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Павликій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. „Оправедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри насъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Палатство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго. К. Истомана. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА И РАЗУМЪ ВЪ 1900 ГОДУ.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1900 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Лиотка для Харьковской епархiи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанiя до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россiи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакцiи журнала «Вѣра и Разумъ» при харьковской духовной семинарiи, при свѣчной лавкѣ харьковскаго Покровскаго монастыря, въ харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Потровскiя линiи, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперiи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакцiи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданiя за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890—1894 г., и по 9 р. за 1895—1897 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 80 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакцiи продаются слѣдующiя книги:

1. „Древнiе и современные софисты“. Сочиненiе Т. Ф. Брептапо. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкiй. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
2. Справедливы ли обвиненiя, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненiи „Церковь и государство?“ Сочиненiе А. Рождественца. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
3. Последнее сочиненiе графа Л. Н. Толстого „Царствiе Воже вънутри васъ“. Критическiй разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
4. „Папство, какъ причина раздѣленiя Церквей, или Римъ въ своихъ сношенiяхъ съ Восточною Церковiю“. Докторское сочиненiе о. Владимира Гетто. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Пістє: вообрен.
Върою разумъваемъ.

Бвр. XI,

Довволено цензурою. Харьковъ, 31 Декабря 1899 года.

Цензоръ Протоіерей Павелъ Солтєевъ.

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьновснаго,

НА НОВЫЙ 1900 ГОДЪ,

О преданности волѣ Божіей.

Открый ко Господу путь твой, и уповай на Него, и Той сотворитъ. И изведетъ яко свѣтъ правду твою и судьбу твою яко полудне. (Пс. 36, 5—6).

Всѣмъ извѣстно, какъ у насъ люди свѣтскіе и особенно образованные встрѣчаютъ новый годъ. Еще наканунѣ учреждаются вечернія собранія и пиршества. На этихъ собраніяхъ въ полночь, въ наступленіе первой минуты новаго года, съ бакаломъ въ рукахъ поднимаются радостные возгласы, привѣтствія, благожеланія; произносятся рѣчи, въ которыхъ восхваляются успѣхи прошедшихъ лѣтъ и предрекаются будущіе. Обѣщается торжество науки, умноженіе государственнаго богатства, развитіе промышленности, улучшеніе общежитія, уничтоженіе бѣдности и преступленій и пр. Если всё это высказывалось съ громкими восклицаніями при наступленіи каждаго новаго года, то, конечно, еще громче и шумнѣе было возглашаемо при наступленіи новаго двадцатаго столѣтія. Эти громкія обѣщанія всемірнаго благоденствія въ наступающемъ

столѣтїи задолго были провозглашаемы въ сочиненїяхъ всѣхъ образованныхъ народовъ; поэтому очень естественно, что вчера они были съ увлеченїемъ повторены и нашими проповѣдниками всемірнаго прогресса.

А намъ служителямъ Церкви Христовой, какъ и всѣмъ изучающимъ жизнь человѣческую съ внутренней, духовной ея стороны и обсуждающимъ ее по началамъ христіанскимъ, при видѣ этихъ торжествъ, свѣтлыхъ надеждъ и радостныхъ обѣщаній и ожиданій, становится страшно. Почему? По причинамъ самымъ основательнымъ, по опытамъ самымъ убѣдительнымъ, по предчувствїямъ самымъ тревожнымъ.

Слабость природы человѣческой и недолговѣчность нашей жизни слишкомъ извѣстны; заблужденія нашего ума и уклоненія человѣческаго знанія на ложные пути въ разныя столѣтїя неопровержимо доказаны исторїею; неизвѣстность для насъ будущаго и неспособность прозрѣвать его всѣмъ понятны; современное невѣріе и развращеніе не язычниковъ только, но и христіанскихъ народовъ у всѣхъ на виду; а повѣствованія о паденїи великихъ народовъ и сильныхъ государствъ отъ развращенія и пороковъ повторяются дѣтьми на урокахъ исторїи. При размышленїи о всемъ этомъ намъ хочется сказать, шумно привѣтствующимъ наступленіе новаго столѣтїя: „остерегитесь, войдите въ себя, сознайте свою слабость и ограниченность своихъ силъ, вдумайтесь въ современное теченіе жизни, оцѣните какъ должно обольстительныя обѣщанія современной науки, поймите разрушительную силу зла и порока, всмотритесь въ современныя бѣдствїя народовъ, утратившихъ вѣру и нравственныя начала жизни,—и умѣрятся ваши восторги. Дрогнетъ ваше сердце, и вы со страхомъ посмотрите въ будущее, какъ приморскіе жители смотрятъ въ темную ночь на бушующее море и

думаютъ о бѣдныхъ пловцахъ и объ опасностяхъ, угрожающихъ какъ утлымъ ладьямъ, такъ и великолѣпнымъ кораблямъ, устроеннымъ по всѣмъ правиламъ современнаго искусства, но одинаково безсильнымъ предъ силою разъяреннаго моря“.

Иную картину представляетъ намъ общество вѣрующихъ и истинныхъ христіанъ. Они, задумчивые и сосредоточенные, не съ шумомъ и смѣхомъ, а съ скромностію и благоговѣніемъ спѣшатъ предъ наступленіемъ новаго года не въ свѣтскія собранія, а въ храмы Божіи. Они вспоминаютъ прошедшій годъ не съ гордостію и самовосхваленіемъ, а съ благодарностію за дарованныя имъ блага и за Божіе долготерпѣніе къ ихъ согрѣшеніямъ. Они надѣются на будущее не по обѣщаніямъ сомнительнаго человѣческаго знанія, не по скопленнымъ богатствамъ, не по силѣ оружія и военной науки, не по изобрѣтательности и проницательности умовъ человѣческихъ, а по явленнымъ въ вѣкахъ опытамъ всеблагаго и премудраго промышленія Божія о народахъ благочестивыхъ, наконецъ—по непреложнымъ обѣтованіямъ Божіимъ и по дарованному имъ праву упованія на неизмѣнную любовь и всемогущую силу Живаго Бога, благоволившаго назвать Себя Отцемъ ихъ. Итакъ, эти достойные люди не на хрупкихъ человѣческихъ подпорахъ утверждаютъ свое будущее благополучіе, а на преданности волѣ Божіей, которая именуется въ Словѣ Божіемъ *благою и совершенною* (Рим. 12, 2). Эта совершенная преданность и покорность водительство Божію въ нашей жизни проявляется въ истинно вѣрующихъ не въ нарочитые только дни, но постоянно, и обнимаетъ все существо, всю дѣятельность и всѣ надежды христіанина.

Прекрасно изображаетъ ее пророкъ Давидъ въ приведенномъ нами изреченіи: „предай Господу путь твой,

и уповай на Него, и Онъ совершитъ, и выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень“, т. е. иди путемъ твоей жизни предъ очами всевидящаго Бога, соображай дѣла свои съ Его волею, и всѣ представляющія тебѣ недоумѣнія Онъ разъяснитъ, всѣ затрудненія онъ побѣдитъ и твою сердечную вѣру, твои труды во славу Его, невидимые людямъ, а иногда унижаемые ими, Онъ откроетъ въ свое время „какъ свѣтъ“, бывший подъ снудомъ, и „правду“, или правоту твоихъ мыслей и дѣлъ, въ утѣшеніе твоимъ братіямъ и въ обличеніе враговъ, явитъ міру, какъ яркій „полдень“.

Точное ученіе о преданности волѣ Божіей подробно и ясно преподано намъ въ Божественномъ откровеніи. Прежде всего мы видимъ, что воля Божія въ немъ раздѣляется—на извѣстную и постигаемую умомъ нашимъ и—тайнственную,— или на время, или навсегда,— и совершенно для насъ непостижимую. Такъ св. апостоль Павелъ учитъ насъ: „испытывайте, въ чемъ состоитъ воля Божія“ (Ефес. 5, 17), т. е., старайтесь съ усердіемъ познать, чего отъ васъ требуетъ Богъ, и что нужно для вашего спасенія, не только по отношенію ко всѣмъ людямъ, но и въ частности для каждаго изъ васъ, по вашему нравственному состоянію. Такъ намъ извѣстно, что мы сотворены для блаженства въ общеніи съ Богомъ и послѣ трѣхъпаденія искуплены крестною жертвою Сына Божія; но неизвѣстно, въ какой мѣрѣ каждый изъ насъ удостоивается милости и благодати Создателя и Искупителя нашего, и близко или далеко отъ насъ прощеніе грѣховъ нашихъ и помилованіе. Намъ извѣстно, что праведникамъ и покающимся грѣшникамъ обѣщана вѣчная блаженная жизнь, но въ какомъ видѣ, въ какой мѣрѣ, въ какомъ мѣстѣ,— это неизвѣстно, кромѣ того, что истинные послѣдова-

тели Христовы будутъ подобны Ему: *не у явится что будемъ, вѣмы же, яко егда явится подобни Ему будемъ* (1 Иоанн. 3, 2). Намъ извѣстно, что люди добродѣтельные награждаются и въ земной жизни благосостояніемъ и счастіемъ, но неизвѣстно, не есть-ли наше благосостояніе, при скудости нашей вѣры и добродѣтелей, окончательное воздаяніе за малое добро содѣланное нами и несоставляющее заслуги достойной вѣчнаго блаженства. какъ указано въ притчѣ Спасителя о богатѣ и бѣдномъ Лазарѣ (Лук. 16, 25). Мы знаемъ, что за грѣхи люди наказываются и въ здѣшней жизни бѣдностію, болѣзнями и другими бѣдствіями, но не знаемъ, не есть-ли посылаемая намъ скорбь средство, употребляемое Промысломъ Божиимъ для испытанія добродѣтельныхъ и исправленія грѣшниковъ. Очевидно, что понятное для насъ преподано намъ для наставленія и исполненія, а таинственное—для нашей вѣры и указанія пути къ вѣчной жизни и предназначенному достойнымъ совершенству и блаженству.

Какимъ же образомъ это ученіе прилагается къ нашей жизни и оправдывается въ ней?—Убѣжденіемъ въ истинности и благотворности *извѣстнаго*, и происходящею отсюда увѣренностію въ непреложности и достоинствѣ *неизвѣстнаго*. Пророкъ говоритъ: „предай Господу путь твой“. Нельзя предоставить себя проводнику или руководителю неизвѣстному и неблагонадежному, какъ современные ученые отдаютъ себя въ волю такихъ же ограниченныхъ людей, какъ они сами, или безсознательному движенію въ развитіи жизни слѣпой міровой матеріи и силѣ, которая слѣпѣе ихъ самихъ. Вѣрующій въ Бога, познаваемого изъ Его откровенія, знаетъ, что каждое слово Его истинно, каждое дѣло свято и совершенно, каждое обѣтованіе неизмѣнно и непреложно, и каждая заповѣдь, или нра-

вило дѣятельности благотворно. И такъ, какъ путь нашей жизни проходитъ въ свободной дѣятельности нашей внутренней и вѣшней, то каждое наше дѣйствіе есть шагъ на этомъ пути и приближаетъ насъ къ цѣли, если вѣрно направленъ, или удаляетъ отъ нея, если уклоняется въ сторону. Отдай, или предоставь себя водительству Божию въ познаніи истины и въ совершеніи добрыхъ дѣлъ по Его заповѣдямъ, тогда каждый шагъ твой будетъ вѣренъ и весь путь твой „Богъ оовершитъ“. Намъ нѣтъ нужды объяснять здѣсь подробно, что только Слово Божіе преподаетъ намъ истинное ученіе о Богѣ, о насъ самихъ и нашемъ предназначеніи, и что только заповѣди и уставы божественные направляютъ жизнь нашу на истинный путь. Довольно для настоящаго случая указать на различіе въ дѣятельности, нравахъ, обычаяхъ и судьбахъ вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Бога и Его святое ученіе. Всмотрись каждый въ себя и увидишь, есть-ли въ душѣ твоей свѣтъ несомнѣнной увѣренности въ истинѣ твоихъ убѣжденій, есть ли миръ въ сердцѣ и совѣсти, есть ли самонаблюденіе въ искушеніяхъ и твердость въ соблюденіи правилъ чести и честности, есть ли у тебя сознаніе правоты передъ ближними и права на ихъ уваженіе, есть ли, наконецъ, съ умноженіемъ лѣтъ жизни умноженіе ревности и силъ для совершенія добрыхъ дѣлъ, и чувство душевнаго спокойствія при мысли о смерти? У добраго христіанина все это есть, и все, по мѣрѣ его бдительности надъ собою и усердія къ исполненію воли Божіей, у него пріумножается и возрастаетъ. Онъ сознаетъ, что рука Божія ведетъ его путемъ вѣрнымъ и прямымъ. Не знаемъ, что въ этомъ родѣ чувствуютъ образованные и безпечные празднователи начала новаго года и столѣтія. Думаемъ, что

общая всяческія блага себѣ въ будущемъ, они недовольны собою въ настоящемъ.

„Предай Господу путь твой и уповай на Него“. Куда ведетъ путь, проходимый вѣрующимъ подъ руководствомъ Божиимъ?—Къ Нему же, къ Богу. Слѣдовательно, чѣмъ дальше и тверже онъ идетъ, тѣмъ ближе становится къ Богу. Ему дается созерцать умомъ величіе Божіе и ощущать въ сердцѣ благодатное Его присутствіе. Ему представляется много опытовъ помощи Божіей во внутренней его дѣятельности и во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни, когда онъ встрѣчался съ затрудненіями, повидимому, непобѣдимыми и оставался безпомощнымъ и одинокимъ. Поэтому для него совершенно понятно наставленіе: „и уповай на Него“. Онъ самъ Божій; и Богъ его; онъ приближается къ Богу, и Богъ приближается къ нему; онъ исполняетъ волю Божію, и Богъ готовъ исполнить его благія желанія и прошенія, такъ какъ Онъ, по слову Божію, *волю болящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я.* (Пс. 144, 19). Такимъ образомъ, путемъ, начатымъ отъ ясныхъ и всѣмъ понятныхъ требованій воли Божіей, человѣкъ силою упованія входитъ въ область высшую, таинственную, гдѣ дѣйствуетъ всемогущая сила Божія и проявляется премудрость Божія въ мѣрѣ превышающей человѣческое разумѣніе. Но здѣсь, при устрашающей невѣрующаго темнотѣ, вѣрному исполнителю воли Божіей свѣтитъ вѣра, а при взглядѣ на неизвѣстное будущее ободряетъ упованіе, что Богъ, вѣрный въ руководствѣ человѣка по пути извѣстному, будетъ вѣренъ во всѣхъ Своихъ обѣтованіяхъ о благахъ жизни, мало нами постигаемой, небесной, вѣчной. Поэтому душа преданная Богу и обращается къ Нему съ такимъ дерзновеніемъ и увѣренностію: «возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя,

Господь твердыня моя и прибежище мое, избавитель мой, Богъ мой, скала моя, на Него я уповаю, щить мой, рогъ спасенія моего и убожище мое» (Пс. 17, 2—3).

„Уповай на Него, и Онъ совершитъ и выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою. какъ полдень“. Путь земной жизни нашей собственно долженъ быть одинъ,—прямой и ясный, ведущій къ вѣчному блаженству за гробомъ. Такимъ онъ изображается въ Словѣ Божіемъ, но, по нашимъ заблужденіямъ, грѣхамъ и немощамъ, онъ чрезвычайно осложняется и затрудняется. Уклоненіе въ стороны, препятствія, недоумѣнія, колебанія, наконецъ, утомленіе и изнеможеніе,—все это дѣлаетъ путь нашъ труднымъ и опаснымъ до такой степени, что мы весьма часто совсѣмъ теряемъ его изъ виду и идемъ, сами не зная куда, какъ слѣпые. Какъ-же Богъ совершитъ все, что намъ нужно для безопаснаго прохожденія этого пути и при нашей разслабленной свободѣ, удобопреклонности ко злу, множеству встрѣчаемыхъ нами соблазновъ, при силѣ овладѣвающихъ нами страстей и растратѣ дарованныхъ намъ силъ естественныхъ и благодатныхъ?—Все Богъ совершитъ; все доброе въ насъ возстановитъ, все утраченное возвратитъ и восполнитъ, все искаженное и искривленное исправитъ, все нечистое въ насъ очиститъ и оскверненное освятитъ, только „предай Ему путь твой и уповай на Него“.

Укажемъ нѣсколько частныхъ случаевъ или особенныхъ нравственныхъ состояній изъ нашей жизни, въ которыхъ наиболѣе требуется наша преданность волѣ Божіей и упованіе на Его благое промышленіе.

„Глубока душа наша; таинственна жизнь ея, и обозрѣніе ея во всей полнотѣ недоступно нашему сознанию: Въ ней гнѣздятся порочныя побужденія и влеченія, укореняются страсти незамѣтно для насъ са-

михъ, среди житейскихъ дѣлъ, и только общее ощущеніе недовольства собою и своею жизнію даетъ намъ понять, что не въ порядкѣ душа наша. Рѣдкіе проблески совѣсти, какъ молнія въ темную ночь озаряютъ на мгновеніе нашъ путь, вздрагиваетъ наше сердце при воспоминаніи о смерти и судѣ Божіемъ, но мірская суета снова сгущаетъ мракъ въ душѣ нашей. Вотъ минуты, когда со всею силою вѣры и упованія должно молиться Богу вѣдущему наши тайны и прозирающему въ глубину сердець нашихъ: „испытай меня, Боже, говоритъ пророкъ, и узнай сердце мое; испытай, и узнай помышленія мои; и зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный“ (Пс. 138, 23—24).

Тяжелы послѣдствія многолѣтнихъ грѣховныхъ навывковъ и страстей. И во дни раскаянія и сознанія нашего развращенія и опасности гибели мы не находимъ въ себѣ силъ для исправленія,—грѣхъ возобладалъ нами; даемъ обѣты и измѣняемъ, начинаемъ борьбу и, какъ подстрѣленные, падаемъ въ изнеможеніи. Оставить ли безуспѣшную борьбу? Не доживать ли вѣкъ, пользуясь остатками силъ для земныхъ радостей и порочныхъ наслажденій? Нѣтъ; нужно просить Отца небеснаго, видящаго наши страданія, неотвергающаго нашихъ добрыхъ начинаній и только ожидающаго нашихъ слезъ покаянія, нашей преданности Его волѣ и нашихъ скорбныхъ воплей къ Его милосердію и любви: „помилуй меня, Господи, ибо тѣсно мнѣ; изсохло отъ горести око мое; душа моя и утроба моя. Истощилась въ печали жизнь моя и лѣта мои въ стенаніяхъ; изнемогла отъ грѣховъ моихъ сила моя, и кости мои изсохли“ (Пс. 30, 10—11).

Путь земной жизни нашей съ внѣшней ея стороны также обставленъ законами, указанными природою по

волю Божіей и требующими отъ насъ подчиненія и исполненія. Таковы: происхожденіе, воспитаніе, воля родителей, требованія начальства, права и повелѣнія верховной власти. Всѣмъ этимъ указываетъ намъ ясный путь, какъ торная дорога для путешественника. Поэтому уклоненія, произвольные переходы изъ одного состоянія въ другое, скачки, дѣлаемые нами по тщеславному и горделивому побужденіямъ, не безопасны. Но и при нашемъ вниманіи къ естественному призванію и при осторожности намъ встрѣчаются великія затрудненія, каковы: неудачи, внезапныя несчастія, происки соперниковъ и враговъ, обѣднѣніе, болѣзни и проч., такъ что нерѣдко овладѣваетъ нами уныніе, а иногда въ сердцѣ поднимается и ропотливость на торькую судьбу нашу. Здѣсь также на пути нашемъ становится для насъ темно и направленіе жизни нашей непонятно. Но если путь нашъ открытъ предъ Богомъ, и мы, по совѣсти, не чувствуемъ себя виновными ни въ произвольныхъ и неосмотрительныхъ перемѣнахъ въ нашемъ состояніи, ни въ противленіи повелѣніямъ власти и въ горделивой разборчивости, по отношенію къ поручаемымъ намъ дѣламъ и занятіямъ; то терпѣливое выжиданіе воли Божіей, при признаніи нашихъ невольныхъ ошибокъ и раскаяніи, наконецъ, упованіе на ея благопромыслительныя указанія и помощь, составляютъ для насъ столь же вѣрное ручательство за перемѣны къ лучшему, какъ и благодатная помощь въ нашей нравственной жизни. „Призови Меня въ день скорби, говоритъ Господь, и Я избавлю Тебя, и ты прославишь Меня“ (Пс. 49, 15). Кто есть человекъ боящійся Господа? Ему укажетъ Онъ путь, который избрать. Тайна Господня—боящимся Его, и завѣтъ Свой Онъ открываетъ имъ“ (Пс. 24, 12—14).

Люди, встрѣчающіе новолѣтіе по свѣтскому обычаю,

справедливо высказываютъ благожеланія не только собесѣдникамъ, но и всему отечеству нашему, такъ какъ наше благоденствіе зависитъ отъ его благосостоянія. Такъ и церковь молится нынѣ съ особенными прошеніями о Царѣ, о всемъ народѣ нашемъ и даже о мирѣ и благостояніи всего міра. Но сколько бесплодны одни словесныя выраженія нашихъ благожеланій, столько сильны и плодоносны молитвы къ благопромыслителю Богу каждаго о себѣ и всѣхъ за всѣхъ. Пожелаемъ, чтобы каждый христіанинъ усвоилъ себѣ молитву пророка: „испытай меня Боже и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышленія мои и зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный!“ Пусть каждый гражданинъ объ этомъ просить, тогда пресѣкнутся соблазны, обиды, преступленія противъ ближнихъ; пусть просить судья: тогда прекратятся пристрастные приговоры и восторжествуетъ правосудіе; пусть просить писатель: тогда проникнетъ въ его сердце страхъ за вольницы и противохристіанскія мысли; пусть просить правитель: тогда онъ будетъ свободенъ отъ самонадвѣянности и торопливыхъ опытовъ замѣнить вѣчныя богоучрежденныя начала государственной жизни измышленіями послѣднихъ дней и проэктами незрѣлыхъ умовъ. Какъ воплощеніе законовъ творческихъ въ жизни природы составляетъ неизмѣнныя начала порядка въ дѣйствіяхъ каждаго рода созданій и всѣхъ вмѣстѣ и сохраняетъ эту дивную гармонию и красоту всего видимаго міра: такъ утвержденіе въ душахъ нашихъ законовъ нравственныхъ, установленныхъ божественною премудростію, обезпечиваетъ правильную дѣятельность нашихъ силъ, должное направленіе нашей свободы и наше общее преуспѣяніе. Мы ежедневно молимся: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

Вы громко и шумно выражаете желаніе нашему отечеству и государству твердости, богатства, силы и международнаго величія. Желанія самыя законныя. Но то же желаніе добра родинѣ иначе и смиренно высказываетъ пророкъ: *помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ* (Пс. 142, 5). А свидѣтельство лѣтъ древнихъ удостовѣряетъ, что *Господь разоряетъ совѣты языковъ, отменяетъ же мысли людей и отменяетъ совѣты князей. Не спасается царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея. Блаженъ языкъ, ему же есть Господь Богъ его, люди яже избра въ наследіе себѣ* (Пс. 32, 10. 16. 12). Только правда народа вѣрнаго Богу сообщаетъ силу его оружію и научаетъ должному употребленію его государственнаго богатства. Въ великія времена народныхъ потрясеній и переворотовъ, во времена крушенія однихъ царствъ и возвышенія другихъ, правда людей, которые избрали Бога въ Руководителя и Помощника себѣ и которыхъ Богъ избралъ Себѣ въ наследіе, является „какъ свѣтъ, и величіе ихъ, какъ полдень“. Всѣмъ народамъ и царствамъ, безъ разбора, современное ученіе о прогрессѣ обѣщаетъ равно благоденствіе при помощи, такъ называемой, культуры и цивилизации. Но раньше появленія въ мірѣ людей ученыхъ всѣхъ родовъ и именованій, отъ имени Искупителя и Богочеловѣка объявлено человѣчеству обѣтованіе о всѣхъ благахъ не только на всѣ вѣка, но и на всю вѣчность—подъ однимъ великимъ именемъ: *спасенія*. Раньше господства надъ природою силы знанія дано Творцомъ непосредственное владычество человѣка надъ нею тотчасъ по его сотвореніи, и послѣ утраты его, въ паденіи, возвращается въ царствѣ Христовомъ истинно вѣрующимъ, по силѣ молитвы и чудодѣйствующей благодати Духа Святаго. Вѣриже обѣщаній науки

о полномъ владычествѣ челоуѣка надъ природою въ будущемъ дана христіанамъ дѣйствительная власть продолжать и держать въ своихъ рукахъ самое бытіе міра. Что значить это пророчество Спасителя: *Сынъ челоуѣческій придетъ обрѣцетъ ли вѣру на землю* (Лук. 18, 8) и другое: *за умноженіе беззаконіи изсякнетъ любви многихъ* (Мѣ. 24, 12)? Они означаютъ то, что замедлитъ Господь Исусъ Христосъ второе пришествіе Свое, если не исчезнутъ въ родѣ челоуѣческомъ вѣра и любовь, что на поле святой церкви Его не придутъ ангелы для окончательнаго раздѣленія пшеницы и плевель, чтобы первую собрать въ житницу, а послѣдніе на сожженіе, доколѣ являются, живутъ и преуспѣваютъ истинные ученики Христовы, подвижники вѣры и любви, доколѣ не войдутъ въ царство Божіе послѣдніе изъ спасаемыхъ (Мат. 13. 30).

Итакъ, братіе, желайте другъ другу во дни новолѣтія не только благъ внѣшнихъ, но по преимуществу преуспѣянія въ вѣрѣ и благочестіи. Молитесь объ отечествѣ, чтобы не оскудѣвала въ немъ сила нравственная, соотавляющая основаніе силы вещественной, — сила добродѣтелей, привлекающая къ нему племена невѣдущія имени Христова и уваженіе всѣхъ христіанскихъ народовъ. Молитесь съ церковію о всемъ мірѣ, чтобы свѣтъ Христова ученія и благодати Божіей озарялъ его во всѣхъ предѣлахъ и у всѣхъ народовъ, какъ всѣхъ озаряетъ солнце своимъ свѣтомъ и оживотворяетъ все живущее своею теплотою. Вотъ христіанскія благожеланія ближнимъ на всѣ новые годы и столѣтія. Аминь.

Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи.

(Историко-экзегетическое изслѣдованіе).

(Окончаніе *).

IX.

Явленіе воскресшаго Господа на горѣ въ Галилеѣ.

Матѳ. XXVIII, 16—20.

16. Единии же надеште ученици идоша въ Галилею, въ гору, имже повелъ имъ Исусъ.

17. И видѣше Его поклонишася Ему: ови же усумнѣшася.

18. И приступль Исусъ рече имъ, глаголя: дадеся ми всяка власть на небеси и на земли:

19. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,

20. Учище ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ:

Марк. XVI, 15—18.

15. И рече имъ: шедше въ мѣръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари.

16. Иже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не иметъ въри, осужденъ будетъ.

17. Знаменія же стровающимъ сія послѣдуютъ именимъ Моимъ бгсы ижедутъ: языки возмалютъ новы:

18. Змія возмутъ: аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ, на недужныя руки возложатъ, и здравы будутъ.

И се, Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.

Съ скаваніемъ евангелиста Матѳея о явленіи Господа на горѣ въ Галилеѣ мы соединяемъ отдѣль евангелія Марка отъ ст. 15-го по 18-й ст. XVI-й главы; такъ поступалъ еще Евфимій Зигабенъ, ватѣмъ—Герардъ, Бенгель, Небе и др. Но

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 23.

нѣкоторые экзегеты, напр. Августинъ, Гевгстенбергъ, утверждаютъ, что рѣчь Господа, содержащаяся въ приведенномъ отдѣлѣ евангелія Марка, произнесена была въ Иерусалимѣ въ день воскресенія, такъ какъ она соединена съ предыдущимъ повѣствованіемъ о явленіи Господа ввчеромъ Свѣтлаго Воскресенія союзомъ „и“¹⁾. Противъ этого нужно замѣтить во первыхъ, что въ евангеліи Марка много примѣровъ того, что посредствомъ союза и соединяются рассказы о такихъ событіяхъ, которыя происходили въ разное время (ср. напр. Марка III, 22 и Матѣ. XII, 22—30; Марк. VI, 1—6). Это—особенность языка евангелія Марка, которую нужно имѣть въ виду и въ данномъ случаѣ. Во вторыхъ, содержаніе указаннаго отдѣла евангелія Марка даетъ намъ полное право присоединить этотъ отдѣлъ къ сказанію ев. Матѣея о явленіи Господа на горѣ въ Галилеѣ. Здѣсь, напримѣръ, приводится заповѣдь Господа апостоламъ о проповѣди евангелія во всемъ мірѣ. Эта заповѣдь необходимо предполагаетъ въ тѣхъ, къ кому относится (т. е. въ апостолахъ) твердую вѣру въ Воскресшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ясное пониманіе того евангелія, которое они должны были возвѣщать міру; но ни того, ни другого апостолы не имѣли еще въ самый день воскресенія. Слѣдовательно, рѣчь Господа, изложенная въ указанномъ отдѣлѣ евангелія Марка, произнесена была Имъ не въ день воскресенія, а гораздо позже, когда апостолы увѣрились уже въ дѣйствительности воскресенія Его. Кромѣ того, содержаніе этого отдѣла очень тѣсно примыкаетъ къ словамъ Господа, произнесеннымъ, по Матѣею, во время явленія на горѣ въ Галилеѣ. Въ томъ и другомъ мѣстѣ говорится объ установленіи таинства крещенія и о посольствѣ учениковъ на всемірную проповѣдь. По этимъ основаніямъ рѣчь Господа, помѣщенную въ указанномъ отдѣлѣ евангелія Марка, относятъ ко времени явленія Его на горѣ въ Галилеѣ, слѣдующіе русскіе ученые: прот. Горскій²⁾, прот. Яхонтовъ³⁾, митроп. Филаретъ⁴⁾.

1) См. Auferstehungsgeschichte von Nebe, s. 339.

2) Исторія евангельская, стр. 365.

3) „Сорокъ дней отъ воскресенія до вознесенія“, стр. 96.

4) Церковная Исторія, т. II, стр. 410.

При явленіи Господа на горѣ въ Галилеѣ присутствовало, по Матеею, одиннадцать апостоловъ. Но нѣкоторые предполагаютъ, что здѣсь были и другіе вѣрующіе. Блаж. Теофилактъ, на примѣръ, думаетъ, что здѣсь, кромѣ одиннадцати апостоловъ, было еще 70 учениковъ Господа. Генгстенбергъ, Павлюсъ, Ольсгаузенъ и друг. ¹⁾, полагаютъ, что здѣсь было 500 вѣрующихъ. Они отождествляютъ это явленіе Господа съ тѣмъ явленіемъ Его, о которомъ говоритъ ап. Павелъ въ своемъ первомъ посланіи къ Коринтянамъ: *потомъ же явился болѣ пяти сотъ братьямъ единою, отъ нихже множайшии пребываютъ досель, нынѣ же и почива* (1 Кор. XV, 6). Предположеніе это, принятое православною церковію ²⁾, очень правдоподобно въ виду важности такого явленія, съ одной стороны, и непонятнаго умолчанія о немъ евангелистами, еслибы таковое было,—съ другой.

Время явленія Господа на горѣ въ Галилеѣ не обозначено евангелистами. Безъ сомнѣнія, это явленіе случилось уже спустя восемь дней по воскресеніи Господа, такъ какъ невозможно предположить, чтобы оно произошло въ промежутокъ времени отъ перваго по восьмой день послѣ Христова воскресенія. За это время ученики не успѣли бы прибыть въ Галилею и затѣмъ опять вернуться къ восьмому дню въ Иерусалимъ (Іоан. XX, 19—31). Можно, далѣе, предполагать, что оно произошло послѣ явленія на морѣ Тиверіадскомъ. Этотъ взглядъ высказанъ былъ еще Теофилактомъ. „Когда они (ученики), пишетъ онъ, только готовидись идти въ Галилею, и еще не всѣ собрались вмѣстѣ, но нѣкоторые ловили рыбу на Тиверіадскомъ морѣ, Господь явился однимъ, ловившимъ рыбу въ числѣ семи. Слѣдовательно, то явленіе, о которомъ говоритъ Матеей (XXVIII, 16—20), было послѣ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Іоаннъ“ ³⁾. Дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на то, что при явленіи на горѣ въ Галилеѣ, Господь даетъ повелѣніе учени-

¹⁾ Commentar. ub. das. neue Test. von Paulus, ч. 8, стр. 939, Comment. ub. Schriften des N. Test. von Olshausen, т. 2, стр. 515.

²⁾ См. св. ист. прот. Болословскаго, стр. 242; сравни „Обзоръ четвероевангелія“ пр. Гречулевича, прим. стр. 99 и др.

³⁾ Теофилактъ,—Благовѣстникъ, ч. 1-я стр. 513.

камъ идти съ проповѣдью евангелія ко всѣмъ народамъ и обѣтованіе быть съ учениками до скончанія вѣка, то должны будемъ поставить это явленіе послѣ явленія на морѣ Тиверіадскомъ. Это повелѣніе, предполагающее въ ученикахъ вѣру въ дѣйствительность воскресенія, и особенно это обѣтованіе, данное, какъ будто, въ утѣшеніе тѣмъ, съ которыми предстояла скорая разлука, даютъ полное право относить описываемое ев. Матѳеемъ явленіе къ послѣднимъ днямъ пребыванія учениковъ въ Галилеѣ. Между тѣмъ, явленіе Господа на морѣ Тиверіадскомъ нужно относить къ первымъ днямъ ихъ пребыванія въ этой странѣ, такъ какъ цѣлью этого явленія было, какъ извѣстно, возстановить ап. Петра въ прежнее званіе и приготовить учениковъ къ ихъ апостольской дѣятельности.

На какой горѣ происходило описываемое явленіе Господа, не обозначено у евангелистовъ. Архіепископъ Суарецъ (1580), ученый іезуитъ Хардумъ (Hardum) и Годоманъ ¹⁾ думаютъ, что это явленіе происходило на самомъ сѣверномъ концѣ Масличной горы; эта мѣстность будто бы называлась горою галилеянъ, потому что галилеяне во время праздника Пасхи, обыкновенно, ставили здѣсь свои палатки: эти ученые основываютъ свой взглядъ на апокрифическомъ евангеліи Никодима, гдѣ въ XIV главѣ говорится слѣдующее: „спустя нѣсколько дней пришли изъ Галилеи въ Іерусалимъ три мужа. Они явились къ архіереямъ и сказали имъ и народу: мы видѣли въ Галилеѣ на горѣ Елеонской Іисуса, котораго вы распяли и одиннадцать учениковъ Его; Онъ училъ ихъ и говорилъ: „идите въ весь міръ и проповѣдуйте евангеліе, и кто увѣруетъ и крестится, спасется, кто же не увѣруетъ—осудится“. Говоря это, Онъ вознесся на небо и мы видѣли это и многіе другіе изъ 500 бывшихъ тамъ“. Противъ этого нужно сказать, что Галилеею у Матѳея называется страна, а не мѣстечко на Елеонской горѣ (IV, 23—25). Въ св. Писаніи мы не встрѣчаемъ ни одного намека на то, что часть Елеонской горы называлась горою Галилейскою. Въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія мы также не находимъ подобнаго указанія, хотя онъ нерѣдко говоритъ о горѣ Елеонской. Такимъ образомъ нужно

¹⁾ Meissner Schulprogramm. Ueber den Berg Galiläa 1856.

полагать, что ученики шли на одну изъ горъ, находящихся въ странѣ—Галилеѣ. Бакую изъ горъ галилейскихъ должно разумѣть здѣсь,—существуютъ различныя мнѣнія: одни (Павлюсъ) думаютъ ¹⁾, что этою горою была возвышенность Кармиль, другіе (Герардъ, Лянге, еп. Михаилъ, прот. Горскій) полагаютъ ²⁾, что это была гора Фаворъ, на которой преобразился Иисусъ Христосъ, но гораздо правдоподобнѣе, кажется, предпологать гору блаженствъ вблизи Тиверіадскаго моря, какъ объясняютъ нѣкоторые ³⁾. Гора эта должна была быть извѣстною не однимъ ученикамъ, а и другимъ вѣрующимъ, такъ какъ на ней Господь, окруженный множествомъ людей изъ всей Іудеи и Іерусалима и поморія Тирскаго и Сидонскаго, произнесъ первую свою проповѣдь о блаженствахъ (Лук. VI, 7 и 9). Проповѣдь эта была, конечно, еще памятна слушателямъ. И вотъ, чтобы показать имъ, что Божественный Учитель имѣлъ право и власть давать заповѣди, во многомъ дополнявшія и усовершенствовавшія законъ Моисея, Онъ на той же горѣ явился ученикамъ во славу Своего воскресенія. Съ другой стороны, эта гора могла быть избрана Господомъ мѣстомъ явленія въслѣдствіе того, что она была извѣстна многимъ вѣрующимъ. Послѣдніе могли скорѣе найти путь къ ней, чѣмъ къ остальнымъ возвышенностямъ. Замѣчательно, что Господь выбралъ для своего явленія гору. Горы, по представленію древнихъ народовъ, были святыми мѣстами. Можно думать, что и Иисусъ Христосъ выбралъ гору для того, чтобы вѣрующіе съ большимъ благоговѣніемъ выслушали Его слова.

Увидавъ Господа, апостолы и другіе, бывшіе съ ними, поступили не одинаково. *И видѣвше Его, пишетъ ев. Маттеей,—поклонилися Ему: ови же усумнишася.* Вѣрующіе поклонились Господу не въ смыслъ простаго привѣтствія Ему при встрѣчѣ, для выраженія чего служило собственно цѣлованіе (Лук. VII, 45; XXII, 48), а въ знакъ почтенія къ Нему и благоговѣнія предъ Нимъ, какъ предъ Богомъ; они воздали Ему

¹⁾ Commentar uber das. neue Testament von Paulus 3 ч., стр. 944.

²⁾ А. Михаилъ—толк. еп., ч. I, стр. 566; прот. Горскій,—Еванг. исторія, стр. 364; см. Auferstehungsgesch. von. Nebe, s. 341.

³⁾ Пр. Яхонтовъ—„Сорокъ дней отъ воскресенія до вознесенія Господа“, стр. 92.

Божеское поклоненіе. Въ такомъ именно смыслѣ употребляется слово — „кланяться“ — προσκύνειν — въ новозавѣтныхъ книгахъ. (См. Іоан. IV, 20; XII, 20; Дѣян. VIII, 27; XXIV, 11; Евр. XI, 21 и др.). Нѣкоторые же изъ вѣрующихъ усумнились въ дѣйствительности явленія Господа и не поклонились Ему. Большинство экзегетовъ полагаетъ, что въ числѣ сомнѣвающихся находились простые вѣрующіе, а не апостолы, которые въ это время уже твердо увѣровали въ воскресшаго Господа и поэтому будто-бы не могли сомнѣваться въ дѣйствительности Его явленія. Но изъ текста ясно видно, что въ числѣ сомнѣвающихся были нѣкоторые изъ апостоловъ. Сомнѣніе со стороны апостоловъ нельзя, однако, объяснить тѣмъ, что Іисусъ Христосъ явился будто-бы въ прославленномъ видѣ, какъ полагаетъ Ольстаузенъ ¹⁾, или тѣмъ, что тѣлесность Его находилась теперь въ среднемъ состояніи между прежнимъ земнымъ бытіемъ и полнымъ прославленіемъ, которое наступило только въ моментъ вознесенія (Мейеръ) ²⁾. Оба предположенія стоятъ въ противорѣчій съ евангельскими повѣствованіями, по которымъ Іисусъ Христосъ, хотя имѣлъ прославленное тѣло, но являлся ученикамъ въ прежнемъ образѣ (Іоан. XX, 20. 27. Лук. XXIV, 36 и др.). Сомнѣніе апостоловъ объясняется, главнымъ образомъ, изъ характера и образа явленій Господа (Іоан. XX, 19. 26, XXI, 4 и др.). Въ евангельскомъ повѣствованіи характеръ и образъ Его явленія не обозначены; сказано только, что ученики видѣли Его (ἰδόντες), и какъ вытекаетъ изъ слова *приступль* (προσελθών), прежде въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. Можетъ быть, сомнѣніе нѣкоторыхъ апостоловъ зависѣло отъ того, что Іисусъ не вдругъ явился предъ ними, но лишь постепенно приближался. Что усумнились нѣкоторые изъ апостоловъ, допускалъ уже Златоустъ: „Если же нѣкоторые усумнились, говоритъ онъ, то и въ семъ случаѣ подивись ихъ (апостоловъ) любви къ истинѣ, что они не скрывали своихъ злогрѣшностей, даже въ послѣдніе дни съ ними случавшихся“ ³⁾.

И приступль Іисусъ рече имъ, глаголя: дадеся ми всяка

¹⁾ Commentar uber Schriften des N. Test t. 2, стр. 516.

²⁾ См. Auferstehungsgesch. von. Nebe, s. 272.

³⁾ Златоустъ, XC бесѣда на ев. Маттея.

власть—ἐξουσία—на небеси и на земли. Иисусъ Самъ подходитъ къ ученикамъ, а не они къ Нему. Отъ него, слѣдовательно, исходитъ начало установленія власти апостольской. И прежде Онъ избралъ ихъ, а не они Его. *Не вы Мене избрасте*, сказалъ Онъ ученикамъ на тайной вечери, *но Азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, да вы идете, и плодъ принесете и плодъ вашъ пребудетъ* (Иоан. XV, 16). И теперь ученики не могутъ сами согласно и твердо приступить къ нему, такъ какъ сомнѣваются. Иисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ, что Ему дана всякая власть. Иисусу Христу, какъ единопородному Сыну Божію, еще отъ вѣчности принадлежала всякая власть, сила и слава на небеси и на земли (Иоан. 1, 1—3; V, 18—23; Кол. 1, 17 и др.). Но отъ вѣчности будучи Богомъ, Онъ, по исполненіи время, сталъ человѣкомъ, не переставая, однако, быть и Богомъ. Во время своей земной жизни Онъ какъ-бы скрывалъ, не вполне проявлялъ власть и силу, присущія Его Божеству. Теперь же, послѣ страданій и смерти, Ему дана власть не только какъ Богу, но и какъ человѣку, такъ что теперь всѣ должны воздавать Ему Божеское поклоненіе не какъ Богу только, а и какъ человѣку (Филип. II, 6—10). Ему теперь дана *всякая* власть. Мы знаемъ три главныя власти въ мірѣ человѣческомъ: священническую, царскую и пророческую. Эти три власти принадлежатъ теперь Иисусу Христу, такъ что ни одинъ царь, ни одинъ священникъ и пророкъ не пользуются властію безъ воли Господа. Безправно и бессильно то правительство, которое отдѣляетъ себя отъ источника всякой власти; осужденъ тотъ священникъ или пророкъ, который вмѣсто того, чтобы исправлять себя и другихъ по волѣ и заповѣдямъ Христовымъ, хочетъ отъ себя возобновлять и исправлять дѣло Христово ¹⁾. Иисусу Христу дана власть на небѣ и на землѣ. На небѣ Иисусу Христу подчинены ангелы, архангелы и все воинство небесное, а на землѣ ис

¹⁾ Иисусу Христу дана власть—ἐξουσία—а не сила—δύναμις.—Герардъ находитъ различіе между ἐξουσία и δύναμις: первое, по мнѣнію его, означаетъ власть, основанную на правѣ, а второе—фактическую силу. Но это различіе нельзя назвать правильнымъ, такъ какъ ἐξουσία первѣе употребляется для означенія провозгла. Гораздо основательнѣе думать, что ἐξουσία означаетъ дѣйствительную живую силу, а δύναμις—силу покоящуюся.

только люди (Иоан. V, 16—39; I Кор. 15, 20), а и всякая земная тварь, весь міръ, который долженъ преобразиться въ нетлѣвіе и освободиться отъ суеты и неправды (Лук. X, 19); Марк. XVI, 17, 18; Римл. VIII, 19—15 и др.) и князь міра сего—главный врагъ спасенія людей, который теперь не можетъ уже искушать насъ болѣе, чѣмъ сколько можемъ понести (Иоан. XI, 31).

Получивъ всю полноту власти, Иисусъ Христосъ даетъ нѣкоторую власть своимъ ученикамъ для дѣятельнаго исправленія и преобразованія человѣчества. Онъ облакаетъ ихъ властію проповѣдывать евангеліе:—*шедше въ міръ весь*, говоритъ Онъ, по Марку, *проповѣдите евангеліе всей твари*.—Иисусъ Христосъ хотя объявленъ царемъ неба и земли, однако царство Его на землѣ еще не устроилось. По этому Онъ посылаетъ апостоловъ основать это царство. Они должны для этого идти въ разныя страны. Это открываетъ новую эру въ царствѣ Бога. Богъ и прежде посылалъ пророковъ съ проповѣдью о спасеніи, но имъ не было поручаемо путешествій въ разныя страны. Ихъ миссія должна была ограничиваться тѣмъ народомъ, среди котораго они жили. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельность ихъ простиралась за предѣлы ихъ родины. Такъ, напримѣръ, пророкъ Ілія былъ посланъ въ Сарепту Сидонскую (I Цар. XVII; 9) и въ Дамаскъ къ Азаилу (I Цар. XIX, 15). Но изъ книги пророка Іоны мы видимъ, какъ трудно было этимъ мужамъ оставлять свою родину и проповѣдывать среди язычниковъ. Израильтяне не думали, что Богъ пошлетъ своихъ вѣстниковъ въ языческія страны; они думали, что сами язычники, привлеченные красотой Сіона, придутъ къ нему. Такъ пророкъ Исаія, изобразившій въ превосходныхъ картинахъ собраніе всѣхъ народовъ въ Іерусалимѣ—городѣ Бога (LX), не далъ ни одного намека на то, что это всеобщее обращеніе народовъ должно совершиться чрезъ посланниковъ, которые изыдутъ отъ Сіона. Это совершенно новое, что Апостолы Иисуса Христа должны путешествовать черезъ страны и моря, чтобы проповѣдывать евангеліе. Слово: *евангеліе* (греч. *εὐαγγέλιον*) означаетъ вообще благоую, радостную вѣсть; по употребленію же этого слова въ новомъ завѣтѣ, оно означаетъ

радостную вѣсть о спасеніи міра единороднымъ сыномъ Божиимъ. Такъ какъ спасеніе подается по силѣ заслугъ Иисуса Христа, по силѣ вѣры въ Него, то евангеліемъ называется еще радостная вѣсть не только о благахъ, принесенныхъ Спасителемъ, а и о Самомъ Спасителѣ, Его ученіи и жизни. Предметомъ проповѣди апостоловъ и ихъ преемниковъ служило и служить то и другое, т. е. и сказаніе о земной жизни Спасителя (ср. 1 Кор. I, 3), и возвѣщеніе о благахъ, принесенныхъ Имъ роду человѣческому (Дѣян. IV, II; 1 38 и др.). Поэтому и въ данномъ случаѣ, какъ въ главной заповѣди объ этой проповѣди, слово *евангеліе* должно быть понимаемо и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Это евангеліе апостолы должны были, по Марку, возвѣщать всей твари. Словомъ *тварь* въ новомъ завѣтѣ обозначается родъ человѣческій (Гал. VI, 15; 2 Кор. V, 17) и все твореніе вообще, вся видимая природа, разстроенная и поврежденная грѣхомъ человѣка (Рим. VIII, 19—21; Евр. IX, 11; Кол. 1, 15, 23). Въ послѣднемъ общемъ значеніи слово—тварь—употребляется по большей части въ соединеніи съ словомъ *весь*, какъ и въ данномъ мѣстѣ евангелія отъ Марка (см. указан., выше цит. изъ посл. Павла; ср. Прем. Солом. XIX, 6; Іуд. IX, 19 и др.). По этому вполне справедливо слово *тварь* въ данномъ случаѣ понимать въ послѣднемъ его значеніи. Объясняя такое пониманіе его въ данномъ случаѣ, арх. Михайлъ говоритъ: „искупленіе и возстановленіе человѣка смертію и воскресеніемъ Спасителя есть искупленіе и возстановленіе всего творенія поврежденнаго въ своей красотѣ грѣхомъ человѣка; а поэтому и всей твари должно быть благовѣствовано. Евангеліе искупленія, и она откликнется съ своей стороны на это благовѣствованіе тѣми знаменіями въ ней, какія сопровождать будутъ проповѣдь апостоловъ и всѣ дѣйствія истинно вѣрующахъ (ст. 17 и дал.)“. Тварь вся представляется въ этомъ возрѣвіи олицетворенною и какъ-бы чувствующею и слышащею проповѣдь о возстановленіи ея. Истина—въ томъ, что разстроенная грѣхомъ человѣка, она для истинной вѣры вѣрующахъ въ искупленіе, и по этой самой вѣрѣ снова приходитъ въ первобытную гармонию, совершенство и красоту, что и отражается въ необы-

жновенныхъ явленіяхъ ея для вѣрующихъ по силѣ и дѣйственности ихъ вѣры“¹⁾).

Словамъ ев. Марка: *шедше въ міръ весь, проповѣдите евангеліе всей твари*, хорошо соотвѣтствуютъ слова ев. Маттея: *шедше научите вся языки*. Апостолы должны не только проповѣдывать объ Иисусѣ Христѣ, но стараться и о томъ, чтобы эта проповѣдь осталась въ памяти людей. Они должны научать всѣ народы. Когда Господь въ первый разъ послалъ апостоловъ на проповѣдь, Онъ говорилъ имъ, чтобы они на путь *языкъ* не ходили и въ городъ самарянскій не входили, а шли-бы къ овцамъ погибшимъ дома израилева (Матѳ. X, 5—6). И женѣ хапанеянкѣ, молившей исцѣлить дочь ея, онъ говорилъ: *ты смѣ посланъ токмо къ овцамъ погибшимъ дома израилева* (Матѳ. XV, 24). Такъ поступалъ Господь для того, чтобы іудеи, по словамъ Златоуста, „послѣ не стали жаловаться и не имѣли никакой причины отвращаться апостоловъ“. Господь, однако, намѣревался основать Свою церковь не изъ однихъ іудеевъ только, но изъ всѣхъ людей; объ этомъ Онъ не разъ говорилъ ученикамъ Своимъ (см. Лук. IV, 41, Іоан. IV, 21; X—16 и др.). Послѣ Своего воскресенія Господь и исполняетъ Свое намѣреніе. *Шедше научите вся языки*, говорятъ Господь ученикамъ, такъ какъ искупленіе, совершенное Христомъ, должно обнять собою весь міръ, не только по мѣсту, а и по времени (Лук., 8 и др.). Отсюда видно также, что повелѣніе Іисуса Христа идти съ проповѣдью евангелія ко всѣмъ народамъ относится не къ однимъ апостоламъ, а ко всѣмъ преемникамъ ихъ навсегда, до окончанія вѣка.

Послѣ наученія призываемыхъ ко спасенію, апостолы и ихъ преемники должны крестить ихъ. *Шедше убо научите вся языки*, сказалъ Іисусъ Христосъ, *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа—βαπτίζοντες*²⁾ αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Этими словами Господь устанавливаетъ таинство крещенія, въ которомъ человѣкъ грѣшникъ очищается благодатію Божіею отъ всякаго грѣха и содѣлывается новымъ человѣкомъ, оправданнымъ и

¹⁾ Архам. Михаилъ, толк. ев. ч. 2-я, стр. 200.

²⁾ Въ контекстѣ Ватиканскомъ и Кембриджскомъ стоитъ βαπτίζοντες.

освященнымъ. Для апостоловъ крещеніе не было незнакомымъ дѣломъ. Нѣкоторые изъ нихъ получили крещеніе отъ руки Іоанна Крестителя и затѣмъ сами, по порученію Іисуса Христа, крестили народы (Іоан. IV, 2). Но ихъ крещеніе и крещеніе Іоанново существеннымъ образомъ отличается отъ крещенія, которое заповѣдуетъ въ данномъ мѣстѣ Іисусъ Христосъ. Іоанново крещеніе служило только прообразомъ крещенія Христова (Мате. III, 11; Марк. I, 8; Лук. III, 16), только готовило, и притомъ, однихъ только іудеевъ къ принятію Мессіи и его царства (Мате. III, 12 и др.), было только крещеніемъ покаянія (Марк. I, 4) и не возрождало благодатию св. Духа. Крещеніе, которое совершали ученики Іисуса Христа во время Его земной жизни, ничѣмъ не отличалось отъ крещенія Іоаннова. Оно совершалось одновременно съ нимъ и не замѣняло его собою (Іоан. IV, 1. 2), относилось также къ однимъ іудеямъ (Іоан. III, 22. 23) и, слѣдовательно, подобно Іоаннову, только готовило іудеевъ чрезъ покаяніе къ принятію явившагося Мессіи. Между тѣмъ, крещеніе, которое заповѣдуетъ Христосъ въ приведенныхъ словахъ, должно простираться не на однихъ только іудеевъ, а на всѣхъ желающихъ вступить въ царство Христово. Оно возрождаетъ человѣка, какъ видно изъ словъ Спасителя Никодиму: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе, рожденное отъ плоти, плоть есть, и рожденное отъ Духа, духъ есть* (Іоан. III, 5, 6). Какъ совершается это возрожденіе, мы не знаемъ; одно лишь можемъ сказать: по вѣрѣ въ Искупителя міра. Крещеніе должно быть совершаемо чрезъ погруженіе въ воду, а не чрезъ обливаніе или окропленіе водой, какъ учитъ католическая церковь. На это указываетъ греческое слово: βάπτισμα (отъ βάτος—глубина). Извѣстно, что Самъ Іисусъ Христосъ крестился чрезъ погруженіе. Это ясно видно изъ замѣчанія Маттея (III, 16) и Марка (I, 10), что Іисусъ послѣ того, какъ былъ крещенъ, вышелъ изъ воды. Что погруженіе должно быть троекратнымъ, не видно изъ словъ Спасителя: *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Но по правилу св. Апостоловъ ¹⁾ и по ученію древнихъ учителей церкви по-

¹⁾ Правилу 50.

груженіе должно быть троекратнымъ,—во имя трехъ лицъ Пресв. Троицы ¹⁾; равно какъ въ воспоминаніе смерти, погребенія и воскресенія Іисуса Христа ²⁾. Церковь не признавала дѣйствительнымъ крещенія евноміанъ и другихъ еретиковъ, крестившихъ только единымъ погруженіемъ ³⁾. Крещеніе должно быть совершаемо во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Имя означаетъ существо, силу и славу; слѣдовательно, крещеніе во имя Божіе означаетъ: служить во славу Божію, для уподобленія себя Богу. Богъ нашъ троиченъ въ лицахъ и единъ по существу; вотъ почему по заповѣди Господней и крещеніе должно быть совершаемо во имя Отца и Сына и Св. Духа. Три имени Бога указываютъ на троичность лицъ Его; въ греческомъ текстѣ каждое имя стоитъ съ членомъ (тоѹ), который указываетъ на лицо, а не на свойство. Поставленіе этихъ именъ рядомъ указываетъ на равенство, всѣхъ трехъ лицъ Божества. А относящееся ко всѣмъ имъ слово *имя*, которое означаетъ прежде всего существо, указываетъ на нераздѣльное единство существа всѣхъ трехъ Лицъ Божества.

Послѣ крещенія вѣрующіе должны усовершенствоваться въ святой и богоугодной жизни. Апостолы и ихъ преемники должны учить ихъ *блгоу вся, елика заповѣда Господь*. Нѣкоторые (Мейеръ, свящ. І. Соловьевъ) думаютъ, что здѣсь подъ словомъ *вся* евангелистъ разумѣетъ нравственное ученіе Господа. „Что подъ заповѣдями Господа пишетъ послѣдній, должно быть подразумѣваемо именно нравственное ученіе вѣры главнымъ образомъ, а не теоретическое или догматическое, это ясно изъ самаго слова: заповѣдахъ (*εὐαγγέλιον*), которое въ писаніи обычно прилагается къ нравоученію; теоретическое же ученіе вѣры

¹⁾ Tertull. adv. Prae. XXVI. Златоустъ,—25-й бес. на еп. Іоанна. „Великое таинство крещенія совершается тремя погруженіями и равночасными призваніями, чтобы и образъ смерти отпечатался въ насъ и просвѣтились души крещаемыхъ чрезъ преданіе нѣмъ боговѣднѣи“ (Вас. Вел. о св. Духѣ, гл. 15, въ твор. св. отц. VIII, 284).

²⁾ Кирилъ Іерусалимскій, поуч. тайновод. 11; Greg. Nyss. de Baptism. Christ. in T. III, p. 327.

³⁾ „Евноміанъ, единократнымъ погруженіемъ крещаемыхъ, и монтанистовъ... которые изъ нихъ желаютъ присоедиенны быти къ православію, пріемлемъ, якоже язычниковъ“ (Соборъ вселенск. II, прав. 7).

обычно называется догматомъ (доγμα)¹⁾. Но по нашему мнѣнію, гораздо основательнѣе полагать, что здѣсь нужно разумѣть все ученіе Господа—и догматическое и нравственное: для крестившихся одинаково важно соблюдать нравственныя предписанія и догматы вѣры. Хорошо говоритъ относительно этого Владиміръ Соловьевъ: „*Вся елика заповѣдахъ. Заповѣдано Христомъ общее настроеніе чувства—любовь, заповѣдано безусловно—даже ко всякимъ врагамъ и обидчикамъ; заповѣдано общее состояніе ума—вѣра, для которой нѣтъ ничего невозможнаго; заповѣдано общее направленіе воли—ищите прежде царствія Божія и правды Его съ безпредѣльнымъ упованіемъ на Бога; заповѣданы, наконецъ, и опредѣленныя дѣйствія, по также общаго основнаго характера—дѣйствія, которыя должны стать привычнымъ правиломъ жизни, а именно: молитва (заповѣданная и въ словѣ и въ примѣрѣ и въ образѣ), ватѣмъ милостыня и постъ (также заповѣданныя и словомъ и примѣромъ)*“²⁾.

Къ этимъ словамъ евангелія Маттея вполне могутъ быть присоединены стихи 16—18 изъ XVI-й главы ев. Марка. Въ этихъ стихахъ находятся дальнѣйшія разъясненія относительно таинства крещенія. *Иже въру иметъ и крестится, говоритъ у Марка, спасенъ будетъ, а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ*³⁾. Такимъ образомъ, прежде крещенія нужно еще увѣровать въ Иисуса Христа, Сына Божія, и въ совершенное имъ искупленіе и спасеніе. *Безъ въры, говоритъ ап. Павелъ, невозможно угодити Богу; въровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть и взыскающимъ Его мздовоздаятельъ бываетъ* (Евр. XI, 6). Вѣрою называется не простая довѣренность разума къ богооткровеннымъ истинамъ, а сердечное, глубокое убѣжденіе въ этихъ истинахъ, сопровождающееся добрыми дѣлами. Только такая вѣра можетъ спасти человѣка:

¹⁾ Чтенія въ общ. люб. дух. просвѣщ. 1887 г. Январь, 23 стр.

²⁾ Правосл. обзор. 1885 г., т. I, стр. 56.

³⁾ О приказаніи крестить Маркъ не упоминаетъ, потому что крещеніе обращающихся къ Христу язычниковъ было уже укоренившимся обычаемъ и мотивъ, по которому Маттеей передаетъ форму крещенія, именно, чтобы отличать христіанское крещеніе отъ крещенія Іоаннова, не нужно было принимать христіанамъ изъ язычниковъ (къ которымъ Маркъ писалъ свое евангеліе), такъ какъ Іоаннъ крестилъ только іудеевъ, а не язычниковъ.

въра безъ дѣлъ мертва есть, говоритъ апостоль Іаковъ (Іак. II, 20). Вѣруя въ евангеліе, человѣкъ долженъ еще принять крещеніе. Правда, по прямому смыслу словъ Спасителя: *уже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а уже не иметъ въры, осужденъ будетъ*, выходитъ, какъ будто, что можно обойтись безъ крещенія, такъ какъ только тотъ, кто *не иметъ въры, осужденъ будетъ*; но для правильнаго пониманія этого мѣста не должно упускать изъ вниманія, что непринятіе крещенія есть уже знакъ невѣрія. Кто имѣетъ вѣру во Христа, тотъ не будетъ ни унижать, ни презирать крещенія, какъ таинства, сообщающаго человѣку силу Духа Святаго и не будетъ удерживать отъ него своихъ дѣтей. Какъ необходимо крещеніе, можно видѣть, напримѣръ изъ того факта, что ап. Петръ крестилъ Корнилія и его домашнихъ даже послѣ того, какъ они не только увѣровали, но и получили Духа Святаго (Дѣян. X, 43—47). Поэтому православная церковь считаетъ необходимымъ крещеніе всѣхъ, даже младенцевъ. Есть даже мнѣніе нѣкоторыхъ учителей церкви, что младенцы, умершіе безъ крещенія, хотя и не мучаются какъ явные грѣшники, но не получаютъ спасенія ¹⁾. Подъ спасеніемъ, которое Господь обѣщаетъ увѣровавшимъ и крестившимся, нужно разумѣть вѣчную жизнь въ блаженномъ единеніи со Христомъ (Іоан. V, 28; XVII, 24; Рим. VIII, 19; Тим. III, 5—7 и др.), а подъ осужденіемъ невѣрующихъ—осужденіе на вѣчныя мученія въ геенѣ огненной (Іоан. III, 36; V, 24). Конечно, обѣщанное спасеніе увѣровавшіе и крестившіеся получаютъ только въ томъ случаѣ, если будутъ жить по закону Христову, не запятнаютъ себя послѣ крещенія тяжкими грѣхами, ибо, по слову Господа, *не осяжъ глаголай: Господи, Господи, увидитъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, уже есть на небесахъ*. Мате. VII, 21).

Увѣровавшіе и крестившіеся во имя Пресвятой Троицы, кромѣ обѣщаннаго будущаго блаженства, будутъ и въ земной жизни пользоваться особыми преимуществами предъ невѣрую-

¹⁾ Григорій Нисскій—“О младенцахъ, похищенныхъ преждевременною смертію“. Христ. чт. 1838, IV стр. 18; Григорія Богослова слово на крещ., въ твореніи св. отц. III, 294 и др.

щими. Они будутъ творить *знаменія*. Подъ знаменіями, какъ видно изъ дальнѣйшаго перечисленія ихъ, нужно разумѣть такія дѣйствія, которыя могутъ совершаться только сверхъестественною силою Божіею; въ другихъ мѣстахъ Писанія они называются или чудесами—*τέρατα* (Дѣян. II, 19; Иоан. IV 48 и др.) или дѣлами, т. е. дѣйствіями, совершенными Самимъ Богомъ (Иоан. III, 2. 3; X, 37. 38 и др.), или силами—*δυνάμεις*, т. е. дѣйствіями, въ которыхъ обнаруживается сила Божія (Матѣ. XI, 20; XIII, 52 и др.). Знаменіе—знакъ, по прямому значенію своему, есть такое дѣйствіе, посредствомъ котораго можетъ быть узвано присутствіе сверхъестественной силы въ извѣстномъ случаѣ. Вотъ почему чудеса называются знаменіями. Знаменіе есть самое лучшее доказательство Божественности извѣстнаго ученія. Самъ Господь ссылаясь на чудеса для доказательства истинности своего ученія (Иоан. X, 37. 38; XIV, 11; XV, 24). И апостолы, и вѣрующіе, совершая знаменія, представляли самое лучшее доказательство истинности содержимой ими вѣры. Эти знаменія, по слову Господа, могутъ совершать всѣ вѣрующіе. Дѣйствительно, изъ исторіи первохристіанской церкви мы видимъ, что многіе вѣрующіе могли совершать чудеса. Эти знаменія совершаются и въ наше время, конечно, не въ такомъ количествѣ, какъ въ первохристіанской церкви. Это зависитъ, разумѣется, отъ ослабленія вѣры среди христіанъ, а не отъ того, что обѣщаніе Христа не простирается на наше время, какъ думаютъ нѣкоторые (Григорій Двоесловъ) ¹⁾. Изъ текста ясно видно, что Господь даетъ силу совершать чудеса вѣрующимъ всѣхъ временъ. Господь исчисляетъ пять родовъ знаменій: 1) изгнаніе демоновъ, 2) рѣчь на новыхъ языкахъ, 3) наступленіе на змѣй, 4) невредное питіе яда, 5) исцѣленіе больныхъ чрезъ возложеніе рукъ. Но изъ Дѣяній апостольскихъ видно, что апостолы совершали и другія знаменія; они, напр., имѣли силу наказывать смертію виновныхъ (умертвленіе Ананіи и Сапфиры V, 1 и дал.) и воскрешать мертвыхъ (Тавифу IX, 40 и дал. Евтихію XX, 9 и дал.).

Первымъ знаменіемъ, которое будутъ творить увѣровавшіе и

¹⁾ Вес. на евангеліа, ч. 2-я, стр. 108.

крестившіеся, Господь ставитъ изгнаніе демоновъ именемъ Его. Это знаменіе не новое. Апостолы и другіе вѣрующіе не равъ уже видѣли, какъ Іисусъ Христосъ исцѣлялъ бѣсноватыхъ (Матѣ. XV, 22. 28; XVII, 15, 18; IX, 32. 33; Марк. I, 32; V, 22 и мн. др.). Сами апостолы совершали это чудо во время перваго посольства своего на проповѣдь (Лук. X. 17). Даже лица, не принадлежащія къ лику апостоловъ, посредствомъ произнесенія имени Христа совершали это знаменіе. Такъ, въ евангеліи Луки разскаывается, что ап. Іоаннъ говорилъ Спасителю: *настаоиче, видѣхомъ нѣкоего, о имени Твоемъ изгоняща бѣсы* (Лук. IX, 49). Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ приводится много примѣровъ изгнанія апостолами бѣсовъ изъ больныхъ. Такъ въ V-й главѣ разскаывается, что проповѣдь апостоловъ сопровождалась исцѣленіемъ *недужныхъ и страдающихъ отъ духъ нечистыхъ* (V, 16). О проповѣди діакона Филиппа замѣчается: *они маху же народи глаголемымъ отъ Филиппа единодушно, слышаще и видяще знаменія яже творяше: дуси бо нечисти отъ многихъ имущихъ я вопиюще гласомъ велимъ исхождаху* (VIII, 6. 7). Эти чудеса во дни апостоловъ были такъ часты, что нѣкоторые изъ іудейскихъ заклинателей стали употреблять надъ имѣющими демоновъ имя Господа Іисуса и, надо предполагать, съ успѣшнымъ результатомъ. Разъ только одинъ злой духъ возсталъ на какихъ-то заклинателей и избилъ ихъ; это такъ подѣйствовало на жителей Ефеса, что страхъ напалъ на всѣхъ, *и величашеся имя Господа Іисуса; мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху, исповѣдующе дѣла своя* (XIX, 13—18). Это чудо вѣрующіе совершали и послѣ апостольскаго времени. Въ апологіи Іустинана Мученика говорится слѣдующее: „Іисусъ родился по волѣ Бога и Отца ради вѣрующихъ въ Него; людей и для сокрушенія демоновъ. Это и теперь вы можете узнать изъ того, что происходитъ предъ вашими глазами. Ибо многіе изъ нашихъ, изъ христіанъ, исцѣляли и нынѣ еще исцѣляютъ множество одержимыхъ демонами во всемъ мірѣ и въ нашемъ городѣ, заклинаемая именемъ Іисуса Христа, распятаго при Понтіѣ Пилатѣ, между тѣмъ какъ они не были исцѣлены всѣми другими заклинателями, заговорщиками и чародѣями,—и тѣмъ побѣждаютъ

и изгоняютъ демоновъ, овладѣвшихъ человѣками“¹⁾). Изъ четырь—
минейныхъ сказаній о жизни угодниковъ Божіихъ видно, что
изгнаніе бѣсовъ совершалось и въ болѣе позднее, даже близ-
кое къ намъ время. Нѣтъ сомнѣнія, что истинно вѣрующіе
христіане и теперь могутъ совершать это знаменіе.

Вторымъ знаменіемъ истинности вѣры христіанъ будетъ слу-
жить рѣчь ихъ на разныхъ языкахъ. Вѣрующіе, по слову
Господа, *языки возмаломлютъ новы γλώσσαις λαλήσουσι καινὰς*²⁾.
Изъ книги Дѣяній мы узнаемъ, что это обѣщаніе Господа
исполнилось спустя нѣсколько дней послѣ произнесенія, имен-
но въ праздникъ Пятидесятницы. Апостолы, исполнившись
Святаго Духа, начали говорить на разныхъ языкахъ, такъ что
набожные люди, пришедшіе изъ разныхъ странъ, удивлялись,
что каждый слышитъ собственное нарѣчіе (*διάλεκτος*). „Собрался
народъ, повѣствуетъ Лука, и пришелъ въ смятеніе; ибо каж-
дый слышалъ ихъ говорящихъ его нарѣчіемъ. И всѣ изумля-
лись и дивились, говоря между собою: сіи говорящіе не всѣ-
ли галілеяне? какъ же мы слышимъ каждый собственное на-
рѣчіе въ которомъ родились (ἤκουον εἰς ἕκαστος τῆ ἰδίᾳ διαλέκτῳ
λαλοῦντων αὐτῶν)“: Паряне и Мидяне, и Еламиты, и жители
Месопотаміи, Іудеи и Капподокіи, Понта и Асіи, Фригіи и
Памфіліи, Египта и частей Ливіи, прилежащихъ къ Киринеѣ,
и пришедшіе изъ Рима, Іудеи и прозелиты, Критяне и Ара-
витяне, слышимъ ихъ нашими языками говорящихъ о великихъ
дѣлахъ Божіихъ?“ (Дѣян. II. 6—11). Изъ этого повѣствованія
книги Дѣяній мы узнаемъ, что апостолы говорили на ино-
странныхъ языкахъ, неизвѣстныхъ имъ до этого времени. По-
пытка нѣкоторыхъ объяснить этотъ рассказъ въ томъ смыслѣ,
что апостолы говорили на своемъ природномъ языкѣ, а слу-
шатели воспринимали ихъ рѣчь каждый на своемъ діалектѣ,
неосновательны³⁾. Изъ рассказа кн. Дѣяній видно, что апо-

¹⁾ Іуст.,—2-я апологія, гл. VI; см. сочиненія Іустина Мученика изд. П. Пре-
ображенскаго, стр. 120—121. Москва. 1864.

²⁾ Въ Ефремовомъ кодексѣ этого слова нѣтъ.

³⁾ Попытки эти возникли очень рано, какъ это видно изъ сочиненій Григорія
Богослова. (Твор. св. Отц. IV, 20, 21).

столы стали говорить на разныхъ языкахъ еще до прихода слушателей. Нѣкоторые изъ послѣднихъ подумали, что апостолы напились сладкаго вина (ст. 13); эта мысль не могла-бы возникнуть, если-бы апостолы говорили на своемъ природномъ языкѣ. Допускать притомъ чудо слуха у собравшейся толпы мы не имѣемъ никакихъ основаній. Другія мѣста книги Дѣявій подтверждаютъ, что *γλώσσαις λαλεῖν* означало именно способность говорить на иностранныхъ языкахъ (Дѣян. X, 46; XIX, 6). Изъ посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ видно, что этимъ даромъ обладали многіе Коринѳскіе христіане (1 Кор. XII, 10). Даръ этотъ скоро прекратился въ церкви. Изъ времени послѣ-апостольскихъ мы знаемъ только одно свидѣтельство объ этомъ дарѣ. Св. Иринеѣ Ліонскій рассказываетъ, что въ его время многіе имѣли даръ говорить на разныхъ языкахъ: „мы слышали, говорить онъ, многихъ братьевъ въ церкви, которые имѣли пророческія дарованія и чрезъ Духа говорили разными языками и для общей пользы выводили наружу сокровенныя тайны людей и изъясняли таинства Божія“¹⁾. Даръ этотъ преимущественно нуженъ былъ въ первое время христіанства, для быстраго распространенія евангелія; поэтому, когда христіанство достаточно уже распространилось, даръ этотъ прекратился. „Почему апостолы,“ пишетъ Златоустъ, „получили прежде другихъ (даровъ) даръ языковъ? потому что должны были ходить повсюду. Какъ при столпотвореніи одинъ языкъ (*γλῶσσα*) раздѣлился на многіе, такъ тогда (въ первыя времена церкви) многіе языки и часто принадлежали одному человеку. Одинъ и тотъ же говорилъ и на персидскомъ, и на римскомъ, и на многихъ другихъ языкахъ по внушенію Духа. Такое дарованіе называлось даромъ языковъ, потому что владѣвшій имъ могъ говорить вмѣстѣ на многихъ языкахъ“²⁾.

Далѣе Господь говоритъ, что вѣрующіе *εὐφραδία* возмутъ—*ἄφραδία ἀφροῖσι*³⁾. Павлюсъ понимаетъ эти слова въ томъ смыслѣ,

1) Соч. Иринея Ліонскаго, изд. Преображ. Моск. 1871. кн. 5, гл. 6, стр. 589.

2) Злат.—85 бес. на 1 Кор., по рус. пер. стр. 258.

3) Въ кодексѣ Ефремовомъ къ этимъ словамъ прибавлено *καὶ ἐν ταῖς χερσίν.*

что вѣрующіе будутъ проговать прочь змѣй ¹⁾. Теофилактъ и Евѣимій Зигабенъ полагаютъ, что вѣрующіе будутъ умерщвлять змѣй, и чувственныхъ и мысленныхъ, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано: *наступайте на змію и на скорпію*, очевидно, мысленныхъ (Лук. 10, 19) ²⁾. Но такія объясненія этого чуда нельзя назвать вполне правильными. Гораздо основательнѣе думать, что вѣрующіе будутъ непредимыми отъ змѣй, будутъ брать въ руки змѣй, обращаться съ ними, и сила змѣинаго яда не будетъ дѣйствовать на нихъ. Этотъ чудесный даръ необходимъ былъ для проповѣдниковъ евангелія. Они въ своихъ путешествіяхъ нерѣдко подвергались опасности быть укушенными змѣями. Господь, чтобы избавить ихъ отъ напрасныхъ опасностей, даетъ имъ власть надъ змѣями. Въ Дѣянїяхъ описывается одно событіе, которое представляетъ собою буквальное исполненіе даннаго Господомъ въ этихъ словахъ обѣтованія. Ап. Павелъ на островѣ Мальтѣ, поправляя дрова (хворостъ) для разведеннаго костра, нечаянно вмѣстѣ съ хворостомъ схватилъ и эхидну, которая ужалила его и повисла на рукѣ. Окружающіе его, зная, что укушеніе эхидны сопровождается смертью, ожидали, что Павелъ скоро умретъ и думали: *тѣрно этотъ человекъ (Павелъ) убійца, когда его, спасшагося изъ моря, судъ Божій не оставяетъ жить*. Но Павелъ *отрясъ змію въ огонь, ни чтоже зло пострадало* (Дѣян. XXVIII, 3—6). Подобные примѣры нерѣдко можно встрѣтить въ житїяхъ угодниковъ Божїихъ. Имъ не вредили не только змѣи, но и другія хищныя животныя, напримѣръ левъ, медвѣдь ³⁾. Можно думать, что змѣй въ данномъ мѣстѣ евангелія отъ Марка берется какъ представитель всѣхъ враждебныхъ для человѣка животныхъ, въ виду извѣстнаго факта обольщенія діаволомъ прародителей нашихъ именно черезъ змія (Быт. III, 1 и дал.)

Четвертое знаменіе, обѣщанное Господомъ вѣрующимъ, слѣ-

¹⁾ Commentar uder das Nene Testament ч. 3, стр. 957.

²⁾ Теоф.—Благов. ч. 2-я, стр. 252.

³⁾ См. напр. житіе Павла Фивейскаго, Автоїя Великаго, Сергія Преподобнаго въ четвѣмнечахъ св. Дмитрія Ростовскаго, мѣсяць январь 15 и 17 числа и Сентябрь 25 число.

дующее: *еще и что смертию испиютъ не вредитъ ихъ.* Этими словами Господь обѣщаетъ вѣрующимъ власть надъ разрушительными силами неодушевленной природы. До грѣхопаденія человѣка природа не могла разрушительно дѣйствовать на него. Послѣ-же грѣхопаденія нѣкоторыя растенія стали оказываться смертоносными для людей. Но послѣ искупленія Христомъ грѣховъ міра (Іоан. I, 29), должны прекращаться и вредныя для человѣка дѣйствія внѣшней природы, какъ слѣдствія грѣховъ. Конечно, необходимымъ условіемъ для этого со стороны человѣка должна быть твердая вѣра въ Искушителя міра. Апостолы могли пить самыя сильныя яды и оставаться невредимыми. Конечно, здѣсь разумѣется или нечаянное вкушеніе яда, или предложенное имъ съ злымъ умысломъ; чудесная сила не могла-бы послѣдовать, если—бы вѣрующіе стали пить ядъ для горделиваго превосходства своего предъ толпою. Исторія сохранила для насъ преданіе, что надъ св. Іоанномъ Богословомъ съ буквальною точностію исполнилось это обѣщаніе Господа: по приказанію мучителя, онъ выпилъ чашу съ ядомъ и остался невредимымъ ¹⁾.

Послѣднимъ знаменіемъ, которое могутъ совершать вѣрующіе, служить исцѣленіе болѣзней: *на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ.* Апостолы исцѣляли больныхъ еще при первомъ своемъ посольствѣ на проповѣдь (Матѣ. X, 8). Они *мазяху масломъ многи недужныя и исцѣлеваху* (Марк. VI, 13). Теперь получили чудесную силу исцѣлять больныхъ всѣ вѣрующіе во Христа. Это исцѣленіе должно совершаться посредствомъ возложенія рукъ. Дѣйствіе это, однако, не было необходимымъ условіемъ исцѣленія больныхъ; послѣдніе могли исцѣляться вѣрующими какъ съ возложеніемъ рукъ, такъ и безъ этого дѣйствія. Въ книгѣ Дѣяній приводится не мало примѣровъ того и другого. Такъ, Ананія возложеніемъ рукъ исцѣлилъ ап. Павла (тогда еще Савла) отъ постигшей его глазной болѣзни (IX, 17, 18); ап. Павелъ возложеніемъ рукъ исцѣлилъ на островѣ Мелитѣ отца Публіева отъ горячки и боли въ жи-

1) Четьи-минеи Дмитрія Ростовскаго, сентябрь, 26 число.

вотъ (Дѣян. XXVIII, 8). А ап. Петръ исцѣлилъ хромого отъ рожденія, только взявъ его за руку (III, 7). Были даже случаи, когда тѣнь Петра, осѣнявшая больного, исцѣляла его (V, 15). Чудеснымъ даромъ исцѣлять больныхъ вѣрующіе обладали и въ послѣ—апостольское время. Въ четьи—минеяхъ передается множество подобныхъ случаевъ. Этотъ даръ имѣютъ и нѣкоторые изъ современныхъ православныхъ вѣрующихъ. Мы полагаемъ, что всякому извѣстно нѣсколько примѣровъ исцѣленія больныхъ по молитвамъ нѣкоторыхъ богобоязненныхъ людей нашего времени.

Съ этими словами ев. Марка могутъ быть соединены заключительныя слова ев. Матѳея: *и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь* ¹⁾.

Связь приведенныхъ словъ ев. Матѳея съ предыдущимъ очень ясна. Апостолы, по слову Господа, должны были идти съ проповѣдью евангелія въ весь міръ. Между тѣмъ, что ожидало ихъ на этомъ пути? Ихъ ожидали преслѣдованія, ненависть враговъ и даже смерть. Міръ не могъ встрѣтить ихъ благосклонно. Высшій классъ языческаго общества не могъ довѣрчиво отнестись къ людямъ низкаго происхожденія, не обладавшимъ языческимъ образованіемъ того времени, а низшій классъ, погрязшій въ суевѣріяхъ, не могъ принимать той религіи, которая не признаетъ боговъ. Такимъ образомъ, апостолы должны были встрѣтить враждебный приемъ со стороны тогдашняго общества. Зная это, Иисусъ Христосъ даетъ имъ утѣшеніе. Онъ говоритъ, что будетъ съ ними до скончанія вѣка. Иисусъ Христосъ, хотя сталъ невидимъ для апостоловъ, однако, по своему вездѣсущію, постоянно находился съ ними и подавалъ имъ помощь. Послѣ смерти апостоловъ Господь подаетъ свою помощь преемникамъ ихъ, пастырямъ церкви, и вообще, всѣмъ вѣ-

¹⁾ Слова: *аминь* нѣтъ въ кодексахъ: Синайскомъ, Александрійскомъ, Ватиканскомъ и Кембриджскомъ, очевидно, что это слово—поздняя прибавка, взятая изъ богослужебной практики. *Аминь*—слово еврейское, означающее подтвержденіе чего-либо: дѣйствительно, истинно, такъ. Этимъ словомъ, обыкновенно, заканчивались въ синагогахъ молитвы. Господь свою молитву также закончилъ этимъ словомъ (Матѳ. VI, 18): отсюда оно вошло и въ христіанское богослуженіе (1 Кор. XIV, 16), имъ обычно заключаются всѣ евангелія и посланія.

рующимъ въ Него. „Не къ однимъ апостоламъ, пишетъ Теофилактъ, относится обѣщаніе Господа быть съ ними, но и ко всѣмъ всеобще ученикамъ Его, то есть, ко всѣмъ вѣрующимъ въ Него и хранящимъ Его заповѣди, потому что апостолы имѣютъ жить не до ковчины вѣка, Итакъ, Господь обѣщаетъ свое пребываніе до скончанія вѣка и намъ, и тѣмъ, которые будутъ послѣ насъ, однако не въ томъ смыслѣ, что до скончанія вѣка будетъ, а послѣ скончанія вѣка не будетъ. Нѣтъ, тогда то особенно и будетъ пребывать съ нами и притомъ яснѣйшимъ образомъ, ибо реченіе—до (ἕως), гдѣ ни встрѣчается въ писаніи, не исключаетъ того, что будетъ послѣ“¹⁾).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Описаніемъ явленія Господа ученикамъ на горѣ въ Галилеѣ мы заканчиваемъ обзоръ явленій воскресшаго Господа, о которыхъ рассказано въ четырехъ евангеліяхъ. Мы не говоримъ здѣсь о послѣднемъ явленіи Господа на горѣ Елеонской, закончившемся вознесеніемъ (Лук. XXIV, 44—53 Дѣян. I, 3—12) потому, что явленіе это по своему значенію отличается отъ прочихъ явленій Его и должно послужить предметомъ отдѣльнаго сочиненія. У ап. Павла (I Кор. XV, 7) упоминается еще о явленіи Господа Иакову, но объ этомъ явленіи въ св. Писаніи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Прот. А. Горскій предполагаетъ только, что оно случилось въ день Свѣтлаго Христова воскресенія²⁾. Изъ подробнаго экзегетическаго анализа евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ воскресшаго Господа мы видимъ, что между евангелистами нѣтъ непримиримыхъ разногласій другъ съ другомъ, какъ старается показать отрицательная критика. Евангелисты вполне согласно повѣствуютъ о воскресеніи Господа и явленіяхъ Его ученикамъ по воскресеніи, такъ что о „великой безсвязности преданія“, какъ утверждаетъ Кеймъ и другіе³⁾, не можетъ быть рѣчи. Историческій характеръ евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи Іисуса

1) Теофилактъ, —Благовѣстникъ, ч. 1-я, стр. 517—518.

2) Прот. А. Горскій, —исторія евангельская, стр. 860.

3) Commentar. uber das Evangelium des Matthäus von Keil, s. 619.

Христа стоять, по нашему мнѣнію, выше всякаго сомнѣнія. Правильное святоотеческое толкованіе этихъ повѣствованій уничтожаетъ всѣ усилія новѣйшей отрицательной критики объяснить явленія Иисуса Христа по Его воскресеніи, какъ экстагическія видѣнія (Штраусъ, Ренанъ и друг.) или какъ образы возбужденной фантазіи, происшедшеніе отъ Бога или Христа (Кеймъ, Лотце, Фихте и друг.). Ясное свидѣтельство апостоловъ: *видѣхомъ Господа* неопровержимо свидѣтельствуеть, что Иисусъ Христосъ явился предъ своими учениками, какъ тѣлесно—Воскресшій. Вѣра въ этотъ фактъ доказана столь многочисленными свидѣтелями, что сомнѣваться въ немъ значитъ идти противъ яснаго свидѣтельства исторіи.

Ив. Гѣльбогъ.

РЕЛИГІЯ МОСКОВИТАНЪ

или подробное описаніе начала, продолженія и теперешняго состоянія ихъ религіи, равно какъ ихъ нравовъ, обычаевъ и церемоній.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ 1702 ГОДА).

(Окончаніе *).

ГЛАВА VII.

О святой Троицѣ.

Московитяне въ своемъ исповѣданіи признаютъ, что Богъ Отецъ ради Іисуса Христа Своего Сына хочетъ совершить блаженство нашихъ душъ; но что отъ Адама до рожденія Христа Онъ далъ мѣсто своему гнѣву въ такой степени, что даже праведники вслѣдствіе осужденія, которому подвергся Адамъ, находились подъ властью діавола и только, по воскресеніи Христа были освобождены отъ нея. Basilides c. 12 Resp. Thesis est.

Что касается Христа, то они вѣрують, что Онъ есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, какъ также Посредникъ и единственное Основаніе нашего вѣчнаго блаженства, хотя не разлученъ отъ Отца, Который Его послалъ, чтобы Онъ былъ видимъ во плоти,—что Онъ пострадалъ и умеръ по собственной Своей волѣ, Своею силою и могуществомъ снова воскресъ и вознесся на небо,—что послѣ Своего вознесенія на небо Онъ послалъ Своихъ святыхъ учениковъ и апостоловъ проповѣдывать Евангеліе,—что Онъ всегда былъ съ ними и будетъ съ ними, какъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 22.

и съ Своими вѣрующими до конца міра и затѣмъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Такимъ образомъ московитяне вѣруютъ и ожидаютъ страшнаго суда.

Они вѣруютъ также, что Святыи Духъ по чести, славѣ, силѣ, дѣйствию и волѣ равенъ Отцу и Сыну и что Онъ исходитъ только отъ Отца, а не исходитъ вмѣстѣ и отъ Сына, каковое заблужденіе они крайне защищаютъ. Они учатъ, что мы соединены со Христомъ и что всѣ вѣрующіе вмѣстѣ составляютъ только единое тѣло, хотя не по существу, но чрезъ вѣру и чрезъ исполненіе заповѣдей Христа;—что мы оправдываемся и становимся блаженными чрезъ заслуги Христа, хотя не исключаются совершенно и добрыя дѣла. Это то, что Iohannes Basilius (о которомъ мы уже часто упоминали) утверждаетъ въ шестой главѣ своихъ отвѣтовъ и доказываетъ изъ посланія Іакова, сопоставляя его съ св. Павломъ, такъ какъ тотъ пишетъ о добрыхъ дѣлахъ, а этотъ о вѣрѣ. Онъ сравниваетъ этихъ двухъ апостоловъ и говоритъ: Мы должны имѣть вѣру и дѣлать добрыя дѣла, если мы хотимъ быть блаженными, потому что святыи апостоль Павелъ, когда говоритъ о вѣрѣ Авеля, Еноха, Ноя и Авраама, этимъ не исключаетъ добрыхъ дѣлъ. Вѣра въ дѣйствительности есть основаніе нашего блаженства; но живая вѣра та, которая доказывается дѣлами. Такимъ образомъ московитяне вѣруютъ, что невозможно взойти на небо и къ Богу безъ превосходства добрыхъ дѣлъ, хотя они въ дѣйствительности мало заботятся объ ихъ совершеніи. Они вѣруютъ также, что вѣрующіе могутъ потерять благодать Божію; тѣмъ не менѣе они не хотятъ, чтобы кто либо чрезъ это впалъ въ отчаяніе; напротивъ они говорятъ, что гнѣвъ Божій продолжается недолго, но онъ проходитъ и забываетъ величайшіе грѣхи. Они также твердо держатся мнѣнія, что человекъ, возрожденный словомъ Божіимъ, при помощи Святаго Духа можетъ сохранять ниспосланную благодать и достигать вѣчной жизни.

По виду московитяне молятся весьма благоговѣнно, тѣмъ не менѣе изъ десяти едва ли найдется одинъ, знающій Отче нашъ. Они говорятъ, что эта молитва прилична только большимъ господамъ и священникамъ, которымъ не нужно думать о работѣ.

И это я много разъ самъ слышалъ отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ другія молитвы, какъ, напр., Господи, помилуй насъ и т. д., которыя они произносятъ ежедневно, взирая на икону и обыкновенно—при зажженныхъ восковыхъ свѣчахъ; такъ они молятся и за умершихъ. Причина, которую они приводятъ для этого, хотя они и не вѣруютъ въ чистилище, та, чтобы умершія души тѣмъ съ большимъ покоемъ и меньшимъ мученіемъ могли ожидать страшнаго дня.

ГЛАВА IX.

О крещеніи у московитянъ.

Московитяне вѣруютъ, что для блаженства необходимо требуется крещеніе; поэтому простой народъ спѣшитъ къ крещенію, какъ скоро родятся дѣти. Но богачи откладываютъ его на нѣсколько дней, чтобы тѣмъ лучше приготовиться къ этой церемоніи. Большіе господа имѣютъ обыкновеніе—знатнымъ чиновникамъ, офицерамъ и купцамъ, нѣмецкой націи, давать знать, что Богъ послалъ имъ сына или дочь. Послѣдніе, конечно, знаютъ, что это значитъ и тотчасъ являются къ отцу новорожденнаго дитяти, цѣлуютъ роженицу, и кладутъ на постель бумагу, въ которой два или три Rosonobel'я вмѣстѣ съ именемъ того, кто это даритъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они цѣлуютъ роженицу еще разъ и дитя, и отправляются опять домой. Кто далъ больше всѣхъ, тотъ у самаго хозяина стоитъ на наилучшемъ счету, и если онъ пользуется большимъ уваженіемъ, то тотъ, кто принесъ наилучшій подарокъ, также можетъ быть увѣренъ, что онъ получитъ отъ него большую помощь. Московитяне каждый разъ крестятъ своихъ дѣтей въ церкви, развѣ только ихъ лица слишкомъ удалены отъ нея или слабость дитяти не дозволяетъ такъ далеко весты его. Они святятъ воду для крещенія и приписываютъ ей такую силу, что тѣхъ, которые крещены ею, она очищаетъ внутреннимъ и вѣшнимъ образомъ отъ всѣхъ грѣховъ. Они никогда не просятъ болѣе двухъ кумовьевъ и никогда не перемѣняютъ ихъ, но они должны быть воспріемниками всѣхъ ихъ дѣтей, хотя бы какая либо женщина имѣла отъ восьми, до десяти дѣтей одного за другимъ, и

пока эти кумовья живутъ на свѣтѣ, никто, кромѣ ихъ, не бываетъ воспріемникомъ дѣтей того, у кого они воспринимали отъ купели перваго. При совершеніи крещенія воспріемники отвѣчаютъ за дитя и какъ часто священникъ, который подходитъ то къ дитяти, то къ отцу, то къ родственникамъ, проходить мимо ихъ, они отступаютъ 'назадъ. Они отрицаются діавола и всего его дѣла и существа, и выплевываютъ съ ревностнымъ усердіемъ, какъ будто бы они его выплевываютъ. Когда происходятъ всѣ эти кривлянья, то они идутъ къ Exorcismo, который бываетъ не въ церкви, но внѣ и предъ церковію, потому что они вѣруютъ, что діаволь дѣйствительно находится въ дитяти, и что чрезъ его исхожденіе церковь осквернится. Когда это сдѣлано, они срѣзываютъ у дитяти волосы съ головы въ видѣ креста, заворачиваютъ ихъ въ воскъ и сохраняютъ ихъ въ известномъ мѣстѣ въ церкви. Послѣ того какъ священникъ, по желанію родственниковъ, далъ дитяти имя, онъ три раза погружаетъ его въ сосудъ съ водою, который они называютъ священнымъ сосудомъ и всегда сохраняютъ закрытымъ въ церкви въ опредѣленномъ для того мѣстѣ. При погруженіи дитяти священникъ говоритъ слова: *Я крещая тебя во имя Отца, Сына и Святаго Духа.* Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что никто, кромѣ священника, не можетъ совершать крещенія, какая бы великая опасность ни угрожала дитяти. Когда дитя окрещено, священникъ влагаетъ ему въ ротъ немного соли и помазываетъ ему лобъ, грудь, руки и спину крестообразно хризмою, т. е., святымъ елеемъ или муромъ, какъ они его называютъ. Послѣ этого онъ возлагаетъ на него чистую рубаху и говоритъ слова: *Теперь ты очищенъ и омытъ отъ первороднаго грѣха,*— и вѣшаетъ ему на шею маленькій крестъ—золотой, серебряный или оловянный, смотря по состоянію тѣхъ, кому принадлежитъ дитя,—и—именно—въ непрестанное воспоминаніе христіанства, въ которое оно вступило. Такимъ образомъ если кого-нибудь находятъ послѣ его смерти безъ этого знака крещенія на шеѣ, то его не погребаютъ на кладбищѣ, но на такомъ мѣстѣ, куда бросаютъ собакъ.

При крещеніи московитяне даютъ дитяти въ патроны также известнаго святого, изображеніе котораго онъ всегда будетъ

имѣть вѣкогда въ своемъ домѣ; онъ обязывается также призывать его въ теченіе всей своей жизни. Когда крещеніе совершено такимъ образомъ, какъ мы теперь сообщили, священникъ цѣлуетъ отца, дитя и воспріемниковъ, и увѣщаетъ ихъ, что они не должны родниться чрезъ бракосочетаніе, потому что супружество между такими семействами москвитяне считаютъ кровосмѣшеніемъ. Еще разъ беретъ онъ новокрещенное дитя и дѣлаетъ его головою крестъ у церковныхъ дверей и бьетъ объ нихъ сильно три раза молоткомъ, такъ, чтобы слышали это всѣ присутствовавшіе при крещеніи, иначе они подумаютъ, что дитя не было правильно окрещено. При этомъ обрядѣ крещенія вовсе незамѣтно торжественности, и хотя бы даже дитя принадлежало какому либо знатнѣйшему сановнику, то оно также, по примѣру Іисуса Христа, одѣвается только совершенно просто.

Поелику они держатся того мнѣнія, что всѣ не принадлежащіе къ ихъ религіи не были правильно крещены, то пожелавшіе принять ее должны быть окрещены ими еще разъ, какъ бы они ни были стары. И это бываетъ обыкновенно лѣтомъ. Когда они шесть недѣль были поставляемы въ монастырѣ и проклинали свою прежнюю религію, ихъ ведутъ къ рѣкѣ и погружаютъ въ ней трижды съ обычными церемоніями. Если же это бываетъ зимою, то дѣлаютъ во льдѣ дыру, чтобы ихъ крестить въ ней. Но если лицо, которое должно креститься такой слабой природы, что оно не можетъ перенести такой купели, то ему трижды выливаютъ полный сосудъ воды на голову, дабы онъ сталъ такимъ мокрымъ, какъ еслибы онъ былъ погруженъ и въ воду; ибо они говорятъ, что обливаніе сдѣлало насъ только обливанцами—христіанами, но что они, послѣ погруженія, могутъ называть себя правильно крещеными христіанами, какъ они поѣтому и дѣлаютъ.

ГЛАВА X.

О причащеніи у москвитянъ.

Москвитяне относятся къ святому причащенію съ величайшимъ уваженіемъ; они не употребляютъ ростій, какъ римскіе

католики; но они приготовляютъ двойной хлѣбъ, который всегда долженъ быть печенъ вдовою священника, и эта вдова должна быть такъ стара, чтобы она не могла болѣе рождать дѣтей. Одинъ видъ этого хлѣба предназначенъ для больныхъ, другой — для причастниковъ; первый печется и благословляется въ великій четвергъ, и весь годъ хранится для нужды въ голубѣ, сдѣланномъ изъ дерева; другой благословляется только на совершаемой литургіи. Они думаютъ, что этотъ хлѣбъ непременно долженъ быть вскисшимъ; ибо неокисленный хлѣбъ они совершенно отвергаютъ и запрещаютъ, вмѣстѣ съ греками, употреблять его; такимъ образомъ и въ этомъ они отличаются отъ латинской церкви. Они преподаютъ причащеніе подъ двумя видами слѣдующимъ образомъ. Они дѣлаютъ вино нѣсколько теплымъ и для этого примѣшиваютъ въ него немного тепловатой воды, ибо, говорятъ они, изъ бока Іисуса Христа истекла тепловатая кровь и вода. Желая совершить Евхаристію, они вливаютъ въ чашу вино смѣшанное съ теплою водою, преломляютъ свой вскисшій хлѣбъ, влагаютъ въ ту же чашу частицы и благословляютъ это вмѣстѣ. Они твердо вѣрують, что если это благословеніе совершено, то хлѣбъ и вино истинно превращены въ Тѣло и Кровь Христа. Такимъ образомъ причащеніе они преподаютъ вмѣстѣ и каждый разъ подъ двумя видами. Это они дѣлаютъ ложечкою и при этомъ говорятъ слѣдующія слова: Это есть истинное Тѣло и истинная Кровь Христа, которая пролита за тебя и за многихъ во оставленіе грѣховъ: какъ часто ты принимаешь это, ты долженъ дѣлать это въ воспоминаніе Христа. Богъ да содѣйствуетъ твоему благу и твоему спасенію!

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ таинствѣ причащенія московитяне не употребляютъ никакого другого вина, кромѣ краснаго; отъ этого зависитъ, что по всей Московіи за это вино не взыскивается пошлина. Святое причащеніе они принимаютъ по субботамъ послѣ того, какъ день назадъ они были у исповѣди и воздерживались также отъ яденія мяса.

День спустя, въ воскресенье, они раздають другой святой хлѣбъ, который они называютъ *Kutia*, въ знакъ христіанской любви. Благочестивѣйшіе изъ московитянъ послѣ приобщенія

весь день лежать въ постели и спать съ тою дѣлюю, какъ они говорятъ, чтобы уберечься случая—грѣшить.

Маленькимъ дѣтямъ они даютъ причастіе только въ половину; но если они достигли семилѣтняго возраста, то они получаютъ его вполне, потому что тогда они уже могутъ понимать, что такое грѣхъ.

Поелику вмѣстѣ съ римско-католиками они твердо вѣрують, что послѣ благословенія хлѣбъ и вино претворяются въ Тѣло и Кровь Христа, то отъ этого благословеннаго въ вино и водѣ хлѣба они даютъ солдатамъ, отправляющимся въ походъ, дабы въ смертной опасности они могли принять его, какъ истинное святое таинство. Когда они преподають святое Причастіе, они пересчитываютъ причастниковъ, чтобы благословить хлѣба и вина не болѣе, чѣмъ нужно.

Умирающимъ они даютъ Причастіе, когда тѣ получили послѣднее помазаніе, которое они удерживаютъ вмѣстѣ съ римско-католиками, и вѣрують, что оно есть столовая деньги (*Zehrpfennig*) на пути къ небу. Они поручаютъ больного всемогуществу Божию и потому не даютъ ему ни пищи, ни медикаментовъ, пока не увидятъ ясныхъ признаковъ выздоровленія.

Они никого не допускають до святаго причащенія, кто напередъ не исповѣдывался, а покаяніе ихъ состоитъ въ общемъ и особенномъ исповѣданіи грѣховъ точно такъ же, какъ и у римско-католиковъ, и кто сначала не умерщвлялъ и не обуздывалъ своей плоти постомъ такимъ образомъ, какъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XI.

О постѣ москвитянъ.

Москвитяне смотрятъ на постъ, какъ на существенную часть своей религіи и утверждаютъ, что онъ необходимъ во всякомъ случаѣ. Приготовляясь къ причащенію, они обязаны напередъ поститься восемь дней безъ перерыва; и въ это время они не обѣдаютъ ничего, кромѣ хлѣба и кислаго напитка, который они дѣлають изъ муки и воды и называютъ *Quas*, и это только для поддержанія своей жизни.

Но вообще постъ, у московитянъ состоитъ 1. въ воздержаніи отъ мяса, и отъ всего того, что отъ него происходитъ; какъ-то: яицъ, масла, сыра, молока и т. п., 2. во избѣжаніи крѣпкихъ напитковъ и 3. въ прекращеніи плотскаго удовольствія въ брачномъ состояніи. Еслибы римскіе католики постились такимъ образомъ, московитяне ничего противъ нихъ не возражали бы.

Сверхъ этого обычнаго поста московитяне держатъ еще четыре другихъ великихъ постовъ. Первый продолжается 40 дней, въ которые, какъ и римско-католики, они постятъ предъ Пасхою послѣдовательно семь недѣль. Ихъ Maslanize, каковое слово значитъ недѣля масла, начинается за 8 дней до великаго поста, и когда пройдутъ эти 8 дней, они не должны ѣсть ни яицъ, ни масла, ни сыра, ни молока. Вслѣдствіе этого одинъ изъ ихъ митрополитовъ, по имени Іоаннъ, обвиняетъ яковитовъ и армянъ въ еретичествѣ, такъ какъ въ этотъ святой постъ они ѣдятъ масло, яйца, сыръ и молоко.

Второй постъ—тотъ, который они называютъ Petriņi; онъ начинается восемь дней спустя послѣ пятидесятницы и продолжается до праздника свв. Петра и Павла.

Третій держится въ честь Матери Божіей; онъ начинается 1-го августа и продолжается до вознесенія Маріи на небо.

Четвертый начинается 12-го ноября и прекращается Рождествомъ Христовымъ. Между этими постами они полагаютъ различіе. Первый они ставятъ въ связь съ повелѣніемъ и примѣромъ Христа; а остальные они установили добровольно сами, чтобы держать себя въ умѣренности.

Здѣсь я долженъ заговорить объ ихъ Maslanize, которая бываетъ предъ большимъ постомъ. Это слово, какъ уже сказано, значитъ: недѣля коровьяго масла, и московитяне такъ называютъ ее потому, что въ эту недѣлю имъ разрѣшается еще ѣсть коровье масло, такъ какъ напротивъ когда они держатъ свой великій постъ; они употребляютъ елей, чтобы на немъ готовить свою пищу.

Эта Maslanize начинается за восемь дней до ихъ великаго поста, и въ это время, назначенное, по закону, собственно для покаянія и приготовленія къ посту, чтобы быть участниками

въ заслугахъ Христа, кажется, что если бы эти бѣдные люди должны были принести свои души въ жертву діаволу, то только тогда они предавались бы такъ сильно непотребствамъ всякаго рода: день и ночь они проводятъ въ ужасныхъ излишествахъ, при чемъ они ведутъ невоздержанную жизнь даже съ женскими образами. Они умерщвляютъ одинъ другого и вообще совершаютъ такія ужасныя и возмутительныя злодѣянія, что безъ ужаса нельзя слушать, когда объ нихъ рассказываютъ.

По своему обыкновению, они пекутъ множество паштетовъ, печеній и пироговъ съ коровьимъ масломъ и яйцами, которыми они угощаютъ другъ друга, и въ это время выпиваютъ неопи- санное множество меда, вина, пива и водки; поэтому, когда эти напитки заходятъ имъ въ голову, они ужаснымъ образомъ дерутся и, какъ неразумныя животныя, убиваютъ другъ друга. Тогда вы не услышите иного разговора, какъ о людяхъ, кото- рые убиты или были брошены въ воду.

Въ то время, когда я былъ въ Москвѣ, насчитывали нѣ- сколько сотъ людей, погибшихъ въ эти восемь дней Maslanize, каковыя восемь дней можно назвать *недѣлюю сатаны* за не- обузданную свободу и беспорядокъ, въ которыхъ тогда живутъ москвитяне.

Такъ какъ городъ Москва очень великъ, то назначено даже особое мѣсто для того, чтобы складывать тѣла найденныхъ мерт- выми на улицѣ: туда приносятъ ихъ по утрамъ, и если кто потерялъ кого либо изъ своихъ родныхъ, то онъ долженъ ис- кать его въ этомъ мѣстѣ. Нашедши его тамъ, онъ поднимаетъ такой ужасный крикъ и вой, что это трудно описать. Тѣла, никѣмъ не признанныя и не вытребованныя бросаются въ яму, наполненную негашеною известью, въ которой, они скоро и уничтожаются.

Теперешній патріархъ хотѣлъ отмѣнить этотъ проклятый московскій обычай, но онъ не могъ этого сдѣлать; все, чего онъ могъ достичь, это то, что теперь Maslanize продолжается только восемь дней, тогда какъ прежде она продолжалась 14 дней.

Эта Maslanize напоминаетъ мнѣ Carnaval въ Италіи, про- исходящій въ то же время и на той же недѣлѣ. Папа Инно- кентій XI Odescalchi хотѣлъ отмѣнить его въ Римѣ, но онъ

достигъ не болѣе, какъ и московитскій патріархъ,—и этотъ Сагнавал, точно такъ же какъ и масляница, продолжается 8 дней.

Онъ съ полнымъ правомъ называется Сагнавал, то есть, Саго valet, плоть продажна. Ибо тогда обыкновенно честная дѣвушка въ Италіи не должна дерзать показаться у окна, если она не хочетъ подвергнуться соблазну въ нецѣломудріи; ибо имъ дозволяется такое безъ осужденія.

Nam hoc tempore

Spectatum veniunt, veniunt, spectentur ut ipsae. Они идутъ смотрѣть и себя показать, и во всю эту недѣлю онѣ становятся и не только показываютъ себя у оконъ, украшенныхъ драгоценными занавѣсками, но на проходящія мимо и совершающія праздникъ Бахуса маски онѣ полными пригоршнями бросаютъ сахарныя зерна и сухія пряности.

Различіе между итальянскимъ Сагнавал и московскою Маслянице состоятъ только въ томъ, что тогда въ Италіи повсюду бываетъ усиленная стража изъ конныхъ и пѣшихъ людей, постоянно разъѣзжающихъ по улицамъ, предупреждая всякій беспорядокъ. Въ Москвѣ же не такъ, тамъ во время Маслянице стражи не исполняютъ своей службы, а напиваются и живутъ беспорядочно такъ же, какъ и другіе; поэтому не слѣдуетъ удивляться, что тогда происходитъ такъ много убійствъ.

Другая причина многочисленныхъ смертельныхъ побоевъ во время масляницы это—проклятый обычай московитянъ—напиваться и игра. Ибо нужно замѣтить, что московитянинъ ставитъ ва игру и рискуетъ не только своими деньгами, своимъ платьемъ, своимъ домомъ и всѣмъ, что онъ имѣетъ, но даже самимъ собою вмѣстѣ съ своею женою и дѣтьми, закабалаясь въ рабство. Отсюда затѣмъ происходитъ, что, проигравшись, таковой впадаетъ въ отчаяніе, ищетъ случая умертвить того, кто его обыгралъ, и, нашедши его, раздѣляется по своему.

Третья причина—та, что эти благочестивые братья въ Бахусѣ, если они не имѣютъ средствъ совершать его праздникъ, нападаютъ по ночамъ на проходящихъ, умерщвляютъ и обижаютъ ихъ.

Четвертая и сильнѣйшая причина того, что во время Маслянице такъ легко и такъ много происходитъ убійствъ, это

чаще ссоры и враждебныя нерасположенія среди москвитянъ. Ибо если кто либо считаетъ себя оскорбленнымъ, то онъ старается отмстить это жизни своего врага, а такъ какъ при большихъ беспорядкахъ масленицы не трудно найти для этого случай, то онъ и не выпускаетъ его изъ рукъ. Въ этомъ отношеніи москвитяне слѣдуютъ итальянскому примѣру, по которому нужно льстить своему врагу, если кто ищетъ средства сокрушить его. Въ эту ужасную недѣлю нѣмцы и другія націи рѣдко выходятъ въ Москвѣ изъ своихъ домовъ, хотя днемъ не слѣдуетъ много бояться, потому что папившіеся москвитяне въ это время спятъ крѣпчайшимъ сномъ. Но вечеромъ эти ночные хищники пробуждаются, бѣгаютъ по улицамъ и производятъ ужасный шумъ и беспорядки. И это дѣлаютъ не только мужчины, но даже женщины, дѣти и домочадцы. Впрочемъ, изъ числа ихъ должно исключить много хорошихъ людей, которые въ это время остаются въ домахъ и упражняются въ благочестіи.

Но чтобы еще разъ возвратиться къ ихъ постамъ, то нужно знать, что, окончивъ тотъ постъ, который подготавливаетъ къ покаянію, они отправляются въ церковь подъ сводъ (каковыхъ очень много въ ихъ церквахъ, потому что всѣ онѣ строятся округленно); тамъ они обращаютъ свое лицо къ извѣстному образу и исповѣдуютъ попу или священнику всѣ свои грѣхи одинъ за другимъ, по образцу римско-католиковъ, и обѣщаютъ повѣе послушаніе.

Затѣмъ попу преподаетъ имъ причащеніе и по величій ихъ грѣховъ налагаетъ на нихъ эпитимію, состоящую въ постѣ на извѣстное время, въ произношеніи извѣстнаго числа молитвъ, въ воздержаніи отъ брачнаго сожителства на время, въ совершеніи путешествія или въ исполненіи другихъ подобныхъ дѣлъ.

Самъ царь и сановники при его дворѣ несутъ эпитимію и часто отъ трехъ до четырехъ дней проводятъ въ постѣ, молитвѣ и другихъ благочестивыхъ упражненіяхъ. Отсюда происходятъ, что простой народъ воображаетъ, будто бы такіе посты, которые совершаются какъ эпитимія, обязательны только для знатныхъ людей, а для нихъ достаточно, если они по-

просту вѣрують въ Пресвятую Троицу и живутъ по ученію Евангелія.

ГЛАВА XII.

Объ умершихъ и ихъ погребеніи.

Поелику московитяне вообще весьма странные люди, то и все ихъ обычаи таковы, а въ особенности ихъ обычаи—погребать мертвыхъ. Это дѣлають они слѣдующимъ образомъ. На третій день послѣ того, какъ умерло извѣстное лицо, они окуриваютъ мертвое тѣло и несутъ кадилъную сковороду предъ трупомъ до самой могилы. Предъ трупомъ идутъ толпы женщинъ, которыя ехрес для того напимаются и которымъ даютъ извѣстную сумму денегъ, смотря по тому, насколько умершій былъ богатъ или знатенъ, кричатъ и воютъ, и производятъ большой скорбный плачь. Образъ святого, котораго умершій при крещеніи получилъ въ качествѣ своего патрона, также впереди несетъ какой либо священникъ; когда приходятъ на кладбище, онъ держитъ его вблизи гроба надъ умершимъ трупомъ все время, пока повторяютъ часто слѣдующую молитву: *Господи, помяни эту душу по твоему милосердію*: и въ это время безпрестанно кадятъ. Затѣмъ подходятъ родственники и друзья умершаго, и цѣлуютъ образъ, и наконецъ между пальцами мертваго священникъ втыкаетъ небесный паспортъ (какъ они его называютъ) слѣдующаго содержанія: „Мы NN епископъ и пресвитеръ возвѣщаемъ и свидѣтельствуемъ этимъ нашимъ письмомъ, что находящійся здѣсь N жилъ вмѣстѣ съ нами какъ добрый и истинный греческій христіанинъ. И хотя онъ также содѣлалъ грѣхи, но онъ однако же въ нихъ покался и получилъ прощенье и святое причащенье во оставленіе таковыхъ своихъ грѣховъ. Истиннымъ образомъ онъ чтилъ также Бога и святыхъ. Постился и молился овъ такъ, какъ подобаетъ. Ко мнѣ N онъ также относился, какъ къ своему духовнику, надлежаще, почему я и объявилъ ему полное отпущенье всехъ его прегрѣшеній. Въ удостовѣреніе сего мы и выдали ему это свидѣтельство, которое онъ имѣетъ представить св. Петру и прочимъ святымъ, дабы чрезъ это онъ безъ препятствія могъ войти во врата вѣчной славы“.

Эта небесная рекомендація, которой московитяве приписываютъ большое значеніе, подписывается патріархомъ или епископомъ и запечатывается печатью.

Когда все это совершено, трупъ опускаютъ въ могилу и обращаютъ его лицо къ востоку. Затѣмъ жена или мужъ умершаго лица начинаетъ плакать и выть и при этомъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „NN ты уже больше ничего не говоришь? Зачѣмъ ты умеръ? Чего тебѣ недоставало? Недостаточно ли было у тебя что ѣсть, или недостаточно за тобою ухаживали? NN ахъ! неужели ты уже болѣе ничего не скажешь“?

Съ такимъ воемъ, наконецъ, уходятъ всѣ сопровождавшіе трупъ и напятыя плакальщицы, а передъ этимъ они раздаютъ нѣсколько монетъ и пици бѣднымъ, которые въ концѣ часто появляются на кладбищѣ.

Когда послѣ всѣхъ этихъ церемоній они снова приходятъ въ домъ умершаго, они устраиваютъ угощеніе и пьютъ въ воспоминаніе умершаго, а напившись хорошо, каждый отправляется домой.

Во время траура, продолжающагося у московитянъ только 6 недѣль, какое либо духовное лицо, которому за это платятъ, ежедневно долженъ становиться въ особо для этого назначенное мѣсто и читать нѣкоторые стихи изъ псалмовъ Давида или изъ Новаго Завѣта въ утѣшеніе усопшихъ душъ.

Во всѣ дни новаго года, а иногда и чаще, они идутъ на могилу умершаго и на ней разбрасываютъ прекрасные цвѣты, сдѣланные изъ шолка и воска, а вокругъ нея ставятъ яства для бѣдныхъ, которые тамъ находятся и веселятся, когда другіе уходятъ. Но рѣдко случается, чтобы они ушли не поколотивши другъ друга.

ГЛАВА XIII.

О состояніи душъ послѣ смерти.

Московитяне учатъ, что, умирая, христіанинъ долженъ умирать такъ, какъ еслибы смерть была только болѣзнію, дабы онъ, какъ праведникъ, могъ войти въ вѣчную жизнь и не былъ задержанъ въ воздухѣ злыми духами.

Они говорятъ также, что блескомъ добрыхъ дѣлъ душа будетъ свѣтитъ какъ солнце и что она не можетъ быть ни подчивляема, ни поддерживаема злыми духами, потому что они не найдутъ въ ней ничего, что принадлежало бы имъ. Далѣе они говорятъ, что такой великой милости люди достигли чрезъ рожденіе и вочеловѣченіе Иисуса Христа и что до этого рожденія даже праведники умирали вѣчною смертію (что они хотятъ доказывать на основаніи 5-ой главы посланія св. Павла къ римлянамъ), что Иисусъ Христосъ, пришедши въ міръ, отнялъ у смерти ея силу, освободилъ праведниковъ изъ ада, и съ торжествомъ взялъ ихъ съ Собою на небо послѣ Своего воскресенія. Они также совершенно отрицаютъ, что души праведныхъ или святыхъ до своего воскресенія могутъ видѣть лице Божіе. Они говорятъ только, что жившіе свято пребываютъ въ какомъ то весьма свѣтломъ мѣстѣ, съ ангелами мира, а души безбожныхъ пребываютъ въ мѣстѣ мрака съ злыми ангелами, до дня страшнаго суда. Къ этому они прибавляютъ еще, что души, находящіяся въ мѣстѣ свѣтломъ съ ангелами мира, познаютъ милость Божію и безпрестанно просятъ, чтобы скорѣе пришелъ день страшнаго суда, а что души, въ мрачномъ мѣстѣ находящіяся, всегда имѣютъ предъ очами свое осужденіе.

Такимъ образомъ, они не признаютъ чистилища, какъ римскіе католики; напротивъ они ясно говорятъ, что существуетъ не болѣе двухъ мѣстъ, куда души могутъ переходить послѣ смерти, именно—небо и адъ.

ГЛАВА XIV.

О тѣхъ пунктахъ московитской религіи, которые согласны съ пунктами евангелической религіи и ради которыхъ московитяне вполне могутъ быть названы христіанами.

Мы можемъ считать московитянъ христіанами, потому что они учатъ:

I. Что Священное Писаніе есть истинное слово Божіе и источникъ вѣры и потому не должно быть искажаемо.

II. Что, внѣ истинной церкви нельзя надѣяться на достиже-

ніе блаженства и что по этой причинѣ синкретизма слѣдуетъ избѣгать и не допускать.

III. Что римскій папа ни въ какомъ случаѣ не есть глава христіанской религіи и что онъ самъ объявилъ себя таковымъ, не имѣя на это никакого повелѣнія отъ Христа.

IV. Что римская или латинская церковь также не имѣетъ никакого преимущества предъ другими христіанскими церквами.

V. Что враги Христа суть также и ихъ враги.

VI. Что брачное состояніе должно быть разсматриваемо какъ дѣло весьма почетное и что поэтому оно не должно быть воспрещаемо также и священникамъ.

VII. Что правительству должно оказывать честь и уваженіе и ему должно повиноваться.

VIII. Что къ богослуженію должно относиться съ благоговѣніемъ.

IX. Что власть вязать или рѣшить была дапа отъ Бога христіанской церкви.

X. Что Пресвятая Троица есть только единый Богъ.

XI. Что наслѣдственный грѣхъ долженъ быть оплакиваемъ.

XII. Что Богъ не причина грѣха.

XIII. Что Бога должно любить больше всего, а своего ближняго какъ самаго себя.

XIV. Что Богъ умилился надъ нами чрезъ Іисуса Христа и ради Іисуса Христа.

XV. Что Христосъ есть основаніе блаженства.

XVI. Что въ Своей человѣческой и божеской природѣ Христосъ пребываетъ въ Своей церкви и будетъ пребывать въ ней всегда до скончанія міра.

XVII. Что благодать Іисуса Христа можно получать чрезъ Его молитву, а не чрезъ того или другого святого. Тѣмъ не менѣе они призываютъ святыхъ.

XVIII. Что крещеніе должно совершать по установленію Іисуса Христа.

XIX. Что причащать слѣдуетъ подъ двумя видами.

XX. Что покаяніе необходимо для истиннаго христіанина.

XXI. Что вѣра истиннаго христіанина должна быть живою.

XXII. Что нужно имѣть надежду жизни вѣчной.

XXIII. Что нѣтъ чистилища, а есть только два мѣста послѣ этой жизни, именно—рай или небо и адъ.

Изъ этихъ 23 пунктовъ можно, конечно, заключать, что московитяне могутъ быть называемы христіанами, и хотя они не во всемъ согласны съ лютеранами, но всетаки они согласны съ ними во многихъ пунктахъ.

ГЛАВА XV.

Въ какихъ пунктахъ чрезъ свои человѣческіе вымыслы и погрѣшности московитяне сильно отделились отъ древней греческой церкви, хотя они и хвалятся, что они наслѣдники ея.

Пункты, которые отдаляютъ московитянъ отъ древней греческой церкви, суть слѣдующіе:

I. Они отвергаютъ проповѣданіе слова Божія и говорятъ, что его нужно бояться и избѣгать.

II. Они снова крестятъ всѣхъ не принадлежащихъ къ ихъ религіи и не считаютъ ихъ истинными христіанами.

III. Они допускаютъ брачный разводъ по самымъ незначительнѣйшимъ причинамъ.

IV. Они не одобряютъ второго и третьяго брака и наказываютъ смертью за четвертый, совершенно запрещая его.

V. Своему царю они оказываютъ почти божескую честь.

VI. Они слишкомъ возвышаютъ значеніе монашества.

VII. Въ своихъ церквахъ они отмѣнили музыку.

VIII. Они приписываютъ въ богослуженіи силу колоколамъ.

IX. Они слишкомъ, много представляютъ свободной волѣ.

X. Они отвергаютъ десять заповѣдей.

XI. Они поклоняются иконамъ и умершимъ святымъ.

XII. Праздники они не освящаютъ полнымъ благоговѣніемъ.

XIII. Они не наказываютъ за прелюбодѣяніе.

XIV. Они не вѣрують, что Духъ Святой такъ же исходитъ отъ Сына, какъ и отъ Отца.

XV. Они пребываютъ весьма невѣжественными въ пунктахъ христіанской религіи, такъ что мало есть между ними людей, читающихъ наизусть молитву Господню и апостольскій символъ.

XVI. Они молятся за умершихъ.

XVII. Евхаристію они совершаютъ на кислому хлѣбѣ, тепломъ вивѣ и теплой водѣ, смѣшанныхъ между собою.

XVIII. Они преподаютъ Тѣло и Кровь Іисуса Христа не отдѣльно одно отъ другого, а вмѣстѣ, вынимая лжицею изъ чаши вмѣстѣ Хлѣбъ и Вино.

XIX. Они причащаютъ маленькихъ дѣтей.

XX. Они приписываютъ слишкомъ много добрымъ дѣламъ.

XXI. Они утверждаютъ, что до рожденія Христа вѣрующіе нисходили во адъ.

XXII. Они вѣрують, что до воскресенія души праведныхъ не могутъ видѣть Бога.

XXIII. Они даютъ мертвымъ паспортъ для представленія святому Петру.

Эти 23 пункта достаточно показываютъ, какъ далеко уклонились москвитяне отъ евангелической, а слѣдовательно и отъ той единой религіи, которая ведетъ къ блаженству,—что они отчасти согласны съ римскими католиками и отчасти слѣдуютъ ихъ страннымъ установленіямъ и суевѣрнымъ обычаямъ.

Слѣдуетъ сожалѣть, что москвитяне совершенно отвергаютъ доказательства и изслѣдованія, предлагаемыя теологіею и слѣпо слѣдуютъ своей религіи; при этомъ они такъ упорны, что вѣтъ другой націи, которая съ большимъ упорствомъ поддерживала бы свои мнѣнія, а мнѣнія другихъ людей презирала. Ихъ обвиняють, что по своему упрямству они превосходятъ грековъ; потому что они ничего не хотятъ уступить изъ своей извращенной религіи, какъ это можно было видѣть на бывшихъ въ Краковѣ засѣданіяхъ, гдѣ они ничего не хотѣли и слышать о договорѣ. Vid. Piascs. pag. 659 Chron. Moscovit.

Если бы милостію Божіею москвитяне такъ были просвѣщены, чтобы они захотѣли слушать проповѣдниковъ евангелическаго исповѣданія, читать и изслѣдовать ихъ сочиненія (какъ дѣлаеть теперь царь ихъ, Петръ Алексѣевичъ, который даже часто ходитъ и въ ихъ церкви), то вѣтъ сомнѣнія, что они приняли бы евангелическое ученіе, которое есть древняя католическая религія, согласная съ словомъ Божіимъ и очищенная блаженнымъ Лютеромъ отъ погрѣшностей римской церкви,—особенно въ виду того, что они имѣють, подобно намъ,

Священное Писаніе, могутъ терпѣть насъ предъ другими, напротивъ питаютъ старую и закоренѣлую ненависть къ папѣ и латинской церкви и точно такъ же, какъ и мы, имѣютъ отвращеніе къ выдающимся заблужденіямъ римско-католиковъ, каковы: 1. Что папа не можетъ погрѣшати. 2. Безбрачіе священниковъ. 3. Чистилище и 4. Причащеніе подъ однимъ видомъ. Величайшія препятствія при обращеніи москвитянъ суть: 1. Ихъ чрезвычайно большое упорство, 2. Что они тщательно избѣгаютъ всякихъ разсужденій о религіи, 3. Ихъ невѣжество, потому что они не интересуются ни наукою, ни изученіемъ иностранныхъ языковъ, что они похитили у себя свѣтъ, необходимый для уразумѣнія хорошихъ книгъ; и 4. Запрещеніе проповѣдей и изъясненія слова Божія, которое ясно указало бы на божественную мудрость какъ на единственный путь къ свѣту Евангелія. Этотъ грубый народъ охотнѣе желаетъ оставаться въ своемъ варварскомъ состояніи, чѣмъ заниматься философіею или свѣтскою мудростію и другими науками, что однако же, какъ свидѣтельствуется опытомъ, они могли бы изучать, потому что природа надѣлила ихъ необходимыми для того дарованіями.

Вотъ-то, что я собралъ вмѣстѣ о религіи москвитянъ и что я хотѣлъ бы напечатать. Это я отчасти замѣтилъ самъ въ то время, когда я былъ въ Москвѣ, отчасти слышалъ отъ свѣдущихъ и опытнѣйшихъ людей этой страны, а отчасти извлекъ изъ авторовъ, которые о томъ писали. Желаю, чтобы польза и выгода, которыя могутъ быть отсюда почерпнуты, послужили во славу Божию.

К о н е ц ъ .

Памяти ординарнаго профессора Московской духовной Академіи Ив. Н. Корсунскаго.

(† Дек. 10, 1899 г.).

Имя почившаго близко журналу „Вѣра и Разумъ“, въ которомъ онъ состоялъ давнишнимъ, постояннымъ и всегда желаннымъ сотрудникомъ; журналъ считаетъ поэтому своимъ священнымъ долгомъ посвятить нѣсколько страницъ сочувственному о немъ воспоминанію.

Иванъ Николаевичъ Корсунскій, какъ по своему рожденію, такъ и по первоначальному школьному образованію принадлежитъ Тульской епархіи. Сынъ бѣднаго сельскаго псаломщика, среднее образованіе онъ получилъ въ Тульской духовной Семинаріи, по окончаніи которой, какъ даровитый ея питомецъ, поступилъ для довершенія образованія въ Московскую Духовную Академію. Обладая прекрасными дарованіями, живою восприимчивостью и широкою любознательностію, талантливый И. Н. Корсунскій съ отличнымъ успѣхомъ прошелъ курсъ академическаго образованія и въ 1874 г. утвержденъ былъ въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ ему права, при соисканіи степени магистра, не держать новыхъ устныхъ испытаній. Определенный затѣмъ въ виду особенной его любви къ греческому языку преподавателемъ этого языка въ Тульскую духовную Семинарію, онъ въ короткое время успѣлъ такъ зарекомендовать себя, что уже въ 1876 году былъ назначенъ смотрителемъ Тульскаго духовнаго училища. Однако не долго пришлось послужить И. Н. на пользу Тульской епархіи. Какъ человѣкъ богато одаренный отъ природы выдающимися умственными способностями и въ то же время замѣчательно трудолюбивый, онъ въ 1879 году былъ переведенъ въ Московскую Духовную Академію и занялъ при ней должность бібліотекаря.

Благодаря этой должности, онъ получилъ естественный доступъ къ книжнымъ сокровищамъ Академіи и возможность удовлетворять увеличивавшуюся въ немъ жажду знаній. Съ увлеченіемъ отдавшись всестороннему изученію этихъ сокровищъ, Ив. Никол. приобрѣлъ здѣсь твердыя основы тому громадному научному запасу свѣдѣній по излюбленной имъ специальности—греческому языку и его словесности—которымъ онъ такъ умѣло пользовался всю свою жизнь и которыя доставили ему повдигнѣ славу выдающагося профессора.—Должность бібліотекаря И. Н. занималъ всего одинъ годъ, но и за это время онъ успѣлъ сдѣлать очень многое. Заботясь о чистотѣ, порядкѣ и вообще о наилучшемъ устройствѣ бібліотеки, онъ началъ составлять и затѣмъ издавать „Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Московской Духовной академіи“ и указалъ вѣрный путь своимъ преемникамъ. Каталогъ этотъ составлялся имъ и тогда, когда онъ уже оставилъ должность бібліотекаря и вообще надъ нимъ онъ трудился лѣтъ десять. Оказавъ этимъ трудомъ громаднѣйшую услугу Московской Духовной академіи, онъ въ то же время далъ возможность имѣть незамѣнимый путеводитель и всѣмъ вообще желающимъ ознакомиться съ сокровищами этой рѣдкостной бібліотеки. Было бы несправедливостью умолчать и о томъ фактѣ, что Ив. Никол., прекрасно самъ знакомый съ богатѣйшими сокровищами бібліотеки, будучи человѣкомъ весьма обязательнымъ, какъ въ бытность его бібліотекаремъ, такъ и въ послѣдующее время всегда съ полнѣйшей готовностью дѣлалъ нужныя указанія всѣмъ, кто только обращался къ нему за справками и указаніями. Благодаря его личнымъ заботамъ и стараніямъ, бібліотека Академіи значительно пополнилась книгами по разнымъ отдѣламъ. Затѣмъ въ 1880 году Ив. Никол. занялъ болѣе высокое положеніе—онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ греческаго языка при Московской Духовной академіи. Съ этихъ поръ труды его еще болѣе увеличились. Онъ ревностно занялся обработкой своей магистерской диссертациі, которая и была окончена печатаніемъ въ 1882 г. подъ заглавіемъ „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта. Опытъ изслѣдованія въ области толкованій Ветхаго Завѣта“. Рецензенты отзывались съ великою похвалою объ авторѣ книги и онъ былъ допущенъ до публичной защиты

блестяще и диспутавтъ былъ удостоенъ Совѣтомъ академіи степени магистра богословія. Утвержденный затѣмъ въ этой степени св. Синодомъ, онъ въ 1884 году былъ приглашенъ на кафедру греческаго языка и его словесности на мѣсто Прот. С. К. Смирнова и занялъ эту кафедру съ званіемъ доцента Академіи. Какъ человекъ обладавшій громадною эрудиціею, богатѣйшимъ запасомъ новыхъ данныхъ въ наукахъ, извлеченныхъ, благодаря превосходному знакомству съ классическими и новѣйшимъ языками, изъ различныхъ манускриптовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ библіотекъ, Иванъ Николаевичъ въ короткое время достигъ того, что послушать съ живымъ вниманіемъ его академическія лекціи стекалось множество студентовъ. Любовь ихъ къ нему, уваженіе къ его талантамъ и учености были причинами того, что слушать его лекціи записывалось по крайней мѣрѣ двѣ трети студентовъ. Занявъ постъ доцента Академіи, молодой ученый усилилъ свою литературную дѣятельность. Предметомъ его талантливаго пера служили какъ различные вопросы въ излюбленной имъ спеціальности, такъ и тѣ, которые ставила на очередь жизнь или злоба дня. Особенно же его вниманіе приковывала къ себѣ личность и дѣятельность святителя Московскаго Филарета. Иванъ Николаевичъ до самой смерти благоговѣлъ предъ блестящимъ сочетаніемъ талантовъ и восторженной образованностью, глубокимъ умомъ и художественнымъ словомъ, широтою философскаго міросозерцанія и строго-православными убѣжденіями, высотой богословскаго созерцанія и неуклоннымъ преслѣдованіемъ во всемъ строгой законности, благочинія и порядка приснопамятнаго Митрополита Филарета. Изъ трудовъ его, посвященныхъ этому знаменитому іерарху, извѣстны слѣдующіе: „Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Московской кафедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событіями и обстоятельствами того времени“. Харьковъ, 1894 г. За это сочиненіе Ив. Никол. получалъ Макарьевскую премію отъ Совѣта Московской Духовной Академіи. Другое его сочиненіе: „О подвигахъ Филарета, митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ“ Москва 1883 г., было также премировано— Уваровскою преміею въ 500 рубл. отъ Императорской Акаде-

журналовъ—Православномъ обозрѣніи, Чтеніи въ Обществѣ Любителей духовнаго просвѣщенія, Дѣтской Помощи, а позднѣе въ Богословскомъ Вѣстникѣ, Душеполезномъ Чтеніи, Христіанскомъ Чтеніи, Воскресномъ Днѣ, Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ ¹⁾ и др. Профес. Корсунскимъ были помѣщены статьи: „Отношеніе Филарета, митрополита Московскаго къ вопросу о переводѣ Библии на русскій языкъ въ царствованіе Николая I-го“, „Одно изъ сочиненій богословскихъ митрополита Филарета по суду иностранной критики“, „Судьбы катихизисовъ Филарета митроп. Московскаго“. Далѣе—„Лица Филарета, митропол. Московскаго“, „Митрополитъ Филаретъ и табакокурение“, „Филаретъ, митроп. Московскій, въ русской и иностранной литературѣ“, „Дѣятельность Филарета, митрополита Московскаго, въ холеру 1830—1831 годовъ“, „Гармоническое развитіе и проявленіе силъ и способностей души въ святителѣ Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ“, „Освященіе Исаакіевскаго собора и святитель Филаретъ“, „Воссоединеніе уніатовъ и Филаретъ, митрополитъ Московскій“, „Митрополитъ Филаретъ и Ѡ. П. Гаазъ“, „Опредѣленіе понятія о Церкви въ сочиненіяхъ Филарета, митрополита Московскаго“, „Предки Филарета, митроп. Московскаго“, „Цѣль и задачи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, намѣченныя основателемъ его, митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ и ихъ осуществленіе въ двадцати пятилѣтней дѣятельности Общества“, „Отношеніе Филарета, митрополита Московскаго, къ учрежденію и открытію Моск.-Ярославской желѣзн. дороги“ и друг. Въ частности на страницахъ журвала „Вѣра и Разумъ“ Ив. Никол. Корсунскій напечаталъ о великомъ святителѣ Московскомъ свои статьи подъ такими заглавіями: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова), впоследствии—митрополита Московскаго“ ²⁾, „Проповѣдническая дѣятельность Василия Михайловича Дроздова (впоследствии—Фи-

¹⁾ Кромѣ указанныхъ журналовъ, Иванъ Николаевичъ былъ сотрудникомъ Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, „Русскаго Вѣстника“, „Русскаго Архива“, затѣмъ онъ печаталъ свои статьи также въ издаваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ „Віографическомъ словарѣ Русскихъ дѣятелей“ и др. изданіяхъ и журналахъ.

²⁾ Вѣра и Разумъ 1884, II—13, 131, 490, 590 и 739 и затѣмъ 1885, I—757

ларета, митрополита Московскаго) 1803—1808 г.“¹⁾ „Проповѣдническая дѣятельность Филарета (Дроздова) въ бытность его архіепископомъ Тверскимъ и Ярославскимъ (1819—1821 г.)“²⁾, „Московский періодъ (1821—1867 г.г.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова)“³⁾. Эти статьи, замѣтимъ кстати, впоследствии вошли въ вышеупомянутое, премированное Макарьевской преміей, капитальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Святитель Филаретъ, митроп. Московскій“ и проч. Харьковъ 1894 г.⁴⁾ Что касается, даѣе, трудовъ Ивана Николаевича въ области излюбленной имъ спеціальности и такихъ, предметомъ которыхъ являлись различныя современныя автору событія,—то необходимо указать на слѣдующіе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ученый трудъ И. Н. Корсунскаго помѣщенный на страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ и озаглавленный такимъ образомъ: „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи“⁵⁾. Въ 1890 г. это изслѣдованіе вышло и отдѣльною книгою. Въ этомъ сочиненіи авторъ представляетъ послѣдовательное раскрытіе идеи о Богѣ въ религіозно-философскомъ сознаніи древней Греціи, причемъ онъ имѣетъ въ виду не однихъ только философовъ, но и историковъ и поэтовъ и вообще греческихъ писателей, которые такъ или иначе касались въ своихъ сочиненіяхъ понятія о Богѣ. Начиная съ Гомера, Иванъ Николаевичъ доводитъ свое изслѣдованіе до Аристотеля. Затѣмъ ученіемъ объ Аристотелѣ начинается рядъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о томъ-же предметѣ. Эти изслѣдованія были помѣщены также въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“⁶⁾. Автору предстоялъ очень кропотливый и обширный трудъ—

1) Ibidem 1884, I—286 и 362 стр. 2) Ibid. 1886, II—18 и 78 стр.

3) Ibid. 1887, II—683; 1888, I—71, 371, 509, 656 и 769 и II—285, 486, 685 и 813; 1889, I—151, 308, 754 и II—1, 251, 518, 583, 697; 1890, I—274, 567 и II—1; 1891, I—162 и 637 и II—22 и 71; 1892, I—275, 453 и II—77, 218, 421, 608 и 715; 1893 I—1, 93, 221, 387 и 751 и II—1, 208, 257, 315.

4) Высокія достоинства этого труда были своевременно указаны Проф. В. Ѳ. Бипарисовымъ, представлявшимъ эту книгу Совѣту Моск. Дух. Академіи на полную премію митрополита Макарія. См. протоколъ Совѣта Моск. Дух. Академіи, за 1895 г., стр. 25—28.

5) 1884, I—474, 543, 587. II—157, 207, 255 и 302 стр. 1885, I—159, 201, 247. 1887, II—171, 288. 1888, II—81, 215, 267, 306, 502. 1889, I—16, 240, 283, 369, 451; II—37, 502. 1890, I—171.

прежде всего собрать все относящееся къ предмету его изслѣдованія, затѣмъ изъ собраннаго матеріала составить одно систематическое и стройное цѣлое и, наконецъ, объединить все это единствомъ цѣли и идеи,—и Ив. Ник. выполнилъ эту задачу блестяще. Сочиненіе это, имѣющее не только историко-философское, но и важное богословско-апологетическое значеніе, какъ доказательство необходимости божественнаго откровенія въ дѣлѣ богопознанія, согласно представленію заслуженнаго ординарнаго профессора В. Д. Кудрявцева († 1891 г.), было удостоено Совѣтомъ Московск. Духовн. Академіи полной преміи покойнаго Митрополита Макарія (въ 475 руб.) ¹⁾. На страницахъ же журнала „Вѣра и Разумъ“ Ив. Никол. помѣстилъ и другое свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.“ ²⁾. Въ 1885 г. далѣе появилось новое его научное изслѣдованіе озаглавленное такимъ образомъ: „Новозавѣтное толкованіе Вѣтхаго Завѣта“. Этотъ очень почтенный и полный научнаго значенія трудъ, точно также какъ и другія сочиненія Ив. Никол., со всею очевидностію обнаруживаетъ тщательное изученіе источниковъ и пособій, касающихся предмета его изслѣдованія, продолжительную работу мысли и полную самостоятельность, которая проявляется, какъ въ общей постановкѣ вопросовъ, такъ и въ разработкѣ подробностей. Родъ занятій автора по кафедрѣ греческаго языка и греческой словесности находитъ здѣсь блестящее приложеніе и обнаруженіе. Пользуясь всѣмъ существеннымъ изъ научныхъ данныхъ, добытыхъ вѣковыми трудами западныхъ ученыхъ и въ то-же время не упуская изъ виду мельчайшихъ подробностей при научномъ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ и обсужденіи различныхъ событій, Иванъ Николаевичъ однако же прививается за работу или изслѣдованіе этихъ вопросовъ не равно, какъ хорошо выносить ихъ въ своей душѣ и чувствуетъ себя въ силахъ дать надлежащій отвѣтъ. Въ то-же время и внѣшне-формальная и стилистическая сторона, какъ

¹⁾ Протоколы Совѣта Академіи. 1891 г., стр. 137.

²⁾ 1885, I—35, 145, 188, 320, 485, 578 II—40, 154, 202, 342, 402, 439, 594 стр. 1886, I—44, 271, 361, 476, 628 II,—98, 152, 226, 287, 325, 599. 1887,

вышеуказавныхъ, такъ и всѣхъ вообще сочиненій Корсунскаго производить самое пріятное впечатлѣніе. Плавное, строго послѣдовательное теченіе мыслей, ясная, чисто-литературная рѣчь, лишенная различныхъ вычурностей и запечатлѣнная солиднымъ тономъ, приличнымъ ученому изслѣдованію, наконецъ строгая правильность цитаціи являются отличительными особенностями трудовъ Ив. Никол. Корсунскаго. Насколько велика была въ немъ любовь къ предмету изслѣдованія и желаніе какъ можно ближе съ нимъ ознакомиться, на это указываетъ и тотъ фактъ, что Ив. Ник. составилъ на собственные средства, подобранную со вкусомъ спеціалиста, довольно значительную бібліотеку и никогда не жалѣлъ денегъ на этотъ предметъ, какъ это ни трудно было для него. Такъ въ 1880 году, когда онъ работалъ надъ магистерскою диссертациею и ему понадобилось цѣнное изданіе: Blasii Vgolini, Thesaurus antiquitatum sacrarum T. I—XXIV, Venetiis, 1744—1761,—извѣстное по своей рѣдкости и важности. Денежныя дѣла академической бібліотеки въ то время были такъ слабы, что это изданіе, не смотря на просьбы Корсунскаго, не могло быть пріобрѣтено на бібліотечныя суммы. Тогда онъ рѣшился „пріобрѣсти оное, какъ это ни трудно было для него“, на собственный счетъ (за 432 рубля)¹⁾. Кромѣ обширныхъ и капитальныхъ изслѣдованій, покойный напечаталъ еще множество мелкихъ, хотя и весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи, статей, некрологовъ и различныхъ очерковъ изъ новѣйшей исторіи Русской церкви. Сюда относятся, между прочимъ, слѣдующіе: „Значеніе свв. Кирилла и Меѳодія, какъ учителей народа русскаго“ М. 1885 г., „Государственное значеніе церковно-приходской школы“ М. 1888 г. „Протоіерей Сергій Константиновичъ Смирновъ, бывшій Ректоръ Московской Духовной Академіи“, очерки: „Троице-Одигитріевскій женскій монастырь“, „Саввинъ Сторожевскій Звенигородскій монастырь“ и мн. друг. Цѣня многочисленныя и отличныя по своимъ достоинствамъ ученые труды Ивана Николаевича и принимая во вниманіе его шестнадцати лѣтнюю духовно-учебную службу и въ частности девятилѣтнюю службу при академіи, Совѣтъ Московской Духовной Академіи избралъ его 21 февраля 1891 года какъ „вполнѣ достойнаго“ въ званіе экстраординарнаго профессора

на открывшуюся тогда вакансію. Въ этомъ званіи Ив. Никол. былъ утвержденъ Св. Синодомъ 7 іюня того же года. Въ новомъ званіи проф. Корсунскій продолжалъ попрежнему трудиться на учено-литературномъ поприщѣ. На страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“, онъ помѣстилъ свои труды подъ заглавіями: „Ученіе врача Иппократа и его школа о Богѣ“¹⁾, затѣмъ „Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій“ и друг.²⁾ Объ Иннокентіи, митрополитѣ Московскомъ Иванъ Николаевичъ написалъ статью и въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ озаглавивъ ее такимъ образомъ: „Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, въ его отношеніи къ Московской духовной академіи“³⁾. Далѣе извѣстны слѣдующія его прекрасныя статьи: „Изъ церковной жизни православнаго востока“, „Зосимская пустынь Александровскаго уѣзда Владимірской епархіи“ Сергіевъ посадъ 1895 г., „Раненбургская Петро-Павловская пустынь“ Рязань 1895 г., „Патріотизмъ преосвященнаго Теофана“, „Преосвященнѣйшій епископъ Теофанъ, бывшій Владимірскій и Суздальскій“. Москва 1895 г., „Покровъ милости Божіей надъ Лаврою Преподобнаго Сергія и Сергіевымъ посадомъ во время губительныхъ болѣзней“. Сергіев. посадъ 1892 г., „Одни изъ неизданныхъ изслѣдованій архіепископа Литовскаго Алексія въ области церковнаго права“ М. 1891 г., „Къ исторіи редакціи русскаго перевода Св. Писанія“ (памяти Филарета, митрополита Московскаго), „Къ исторіи изученія греческаго языка и его словесности въ Московской Духовной Академіи (наиболѣе выдающіеся труды и труженники въ области изученія этого предмета“), „Документы изъ исторіи перевода святоотеческихъ твореній въ М. Д. Академіи“⁴⁾, „Теорія аккомодациі въ отношеніи къ вопросу о новозавѣтномъ толкованіи Ветхаго Завѣта“⁵⁾, „Критическое разсмотрѣніе особенныхъ болѣе важ-

1) 1894 г., т. II, I. 103, 177.

2) 1898 г., т. I, 1, 147, 503, 417, 546. Имъ же была помѣщена въ этомъ журналѣ и ранѣе статья о Иннокентіи, Митрополитѣ Московск. и Коломенск. 1897 г., т. I, 205—224 стр.

3) Сентябрь, стр. 265, и слѣд.; ноябрь стр. 286 и слѣд. Статья эта была написана къ столѣтію со дни рожденія митрополита Иннокентія 26 августа 1797—1897 г.

4) Эти документы составляютъ собственно приложовіе къ статьѣ Ив. Никол. относительно изученія греческ. языка въ Моск. Д. Академіи См. Богосл. Вѣстникъ 1898 г., ноябрь 221—259, дек. 447—480 и приложение 1—37 стр.

ныхъ случаевъ новозавѣтной цитаціи (изъ Ветхаго Завѣта) и толкованія въ опроверженіе воззрѣній теоріи аккомодациі“¹⁾. Кромѣ этихъ и друг. статей Иванъ Николаевичъ въ бытность его экстраординарнымъ профессоромъ напечаталъ между прочимъ, некрологи: Высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Леонтія, Архіепископа Тульскаго Никандра, Исидора, митрополита Петербургскаго и Новгородскаго, Михаила, митроп. Сербскаго, Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, Преосвященнаго Теофана, бывшаго епископа Владимірскаго, архим. Григорія (Борисоглѣбскаго),—протоіереевъ: П. А. Преображенскаго, А. М. Иванцова-Платонова, І. Н. Рождественскаго, А. А. Лебедева,—графа М. В. Толстого, профес. А. П. Смирнова, П. А. Мухановой; біографіи: архимандрита Леонида (Кавелина), проф. В. Д. Кудрявцева, Митрополита Кіевскаго Филовея (Успенскаго), Епископа Рижскаго Филарета (Филаретова), архимандрита Фотія (Щиревскаго), протоіер. Ѳедора Вас. Флоринскаго и др. Въ то же время Иванъ Николаевичъ усиленно занимался писаніемъ диссертациі на степень доктора богословія. Изслѣдованіе, явившееся въ качествѣ диссертациі подъ заглавіемъ: „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его словесности“ было окончено печатаніемъ въ 1898 году. Сочиненіе это было задумано авторомъ еще въ 1882 году, какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи, когда вышла въ свѣтъ его магистерская диссертациія. Еще въ то время проф. Корсунскій обратилъ вниманіе на очень важное лингвистическое значеніе этого перевода, занимающаго одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ числѣ источниковъ іудейскаго толкованія Ветхаго Завѣта. Вся явившаяся послѣ перевода LXX никаноническая и апокрифическая литература, новозавѣтныя Свящ. Писанія, Свято-отеческія творенія, богослужебная литература греко-восточной церкви,—вся эта греческая церковная литература представлялась ему лишь вѣтвями того великаго дерева, „корень котораго заключается не въ иномъ чемъ, какъ именно въ переводѣ LXX-ти, начавшемъ собою новую эпоху и для словаря греческаго языка, дотолѣ цитавшагося соками исключительно языческой греческой письменности, и для самой словесности греческой“. Въ виду этого-то Иванъ Нико-

лаевичъ и рѣшился изслѣдовать языкъ LXX въ его отличіи отъ классическаго языка и указать его вліяніе на греческую церковную литературу. Весьма обширное по своимъ размѣрамъ (644 стр. убористаго шрифта, не считая указателя) и отличающееся крупными научными достоинствами, сочиненіе Проф. Корсунскаго было представлено въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи. Совѣтъ поручилъ читать эту диссертацію: профессорамъ: русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русскаго языка Г. А. Воскресевскому и—Священнаго Писанія Ветхаго Завета В. Н. Машцыну. Рецензенты представили въ Совѣтъ самые лестные отзывы объ этой диссертаціи. Между прочимъ одинъ изъ рецензентовъ—почтенный профессоръ В. Н. Машцынъ—такъ отзывался о сочиненіи Ивана Николаевича.— „Задачу, какую поставилъ себѣ профес. Корсунскій, могъ взять на себя лишь ученый, соединяющій въ себѣ филолога и богослова. А такимъ и явился авторъ. Знаніе классическаго языка у него настолько хорошо, что онъ положительно перестаетъ быть для него языкомъ мертвымъ, и становится живымъ, едва не роднымъ. Выстъ съ тѣмъ авторъ обладаетъ такимъ запасомъ свѣдѣній по части толкованія Св. Писанія и критики текста Библіи, который пріобрѣсти собственно филологу—специалисту едва ли возможно. Но и при богатствѣ эрудиціи за такой предметъ могъ взяться человекъ съ неисчерпаемой энергіей, съ кропотливымъ трудолюбіемъ. На такое терпѣливое трудолюбіе способны лишь особые избранники“. И въ заключеніи тотъ же почтенный рецензентъ прибавляетъ: „при всей учености автора, мы не встрѣтили въ его сочиненіи ни одной мысли, ни одного слова, ни одного толкованія, которыя могли бы хоть сколько нибудь смутить сознанія православнаго, даже юнаго читателя“¹⁾. Совѣтъ Академіи, вопли согласяясь съ отзывами рецензентовъ, постановилъ: просить ходатайства Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи профессора И. Н. Корсунскаго въ степени доктора богословія, при чемъ представлены были Владыкѣ Митрополиту и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертаціи докторанта и копій съ отзывовъ обоихъ рецензентовъ. Святѣйшій Синодъ поручилъ чтеніе диссертаціи Ив. Ник. первоприсутствующему

въ Синодѣ Высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, Митрополиту Кіевскому, который также представилъ о ней одобрительный отзывъ. Утвержденіе послѣдовало при Указѣ Св. Синода отъ 28 мая 1898 года ¹⁾. Вслѣдствіе этого указа Совѣтъ Московской Духовной Академіи въ засѣданіе свое 9 іюня избралъ Ивана Николаевича въ званіе ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ греческаго языка и его словесности. Указомъ Св. Синода отъ 31 іюля 1898 года избранный былъ утвержденъ въ новомъ званіи ²⁾.

Многолѣтняя, тщательная и честная научная дѣятельность была такимъ образомъ достойно увѣнчана. Но не дешево она обошлась для Ивана Николаевича. Не отличаясь вообще крѣпкимъ здоровьемъ, проф. Корсунскій окончателью расшаталъ его чрезмѣрными занятіями на учено-литературномъ поприщѣ и особенно—работой надъ докторской диссертацией. Достаточно поверхностнаго знакомства съ этой диссертацией, гдѣ невольно поражаешься какъ глубинѣ и строгой и ясной послѣдовательности мысли и эрудиціи, такъ и тѣмъ детальнымъ примѣчаніямъ, которыми переполнена эта ученая работа,—чтобы убѣдиться въ справедливости нами сказаннаго. Вслѣдъ за окончаніемъ этого капитальнаго труда Иванъ Николаевичъ началъ все чаще и чаще жаловаться на общее недомоганье. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ трудиться и печатать свои статьи. Такъ—въ Журналѣ „Вѣра и Разумъ“ онъ напечаталъ статью „Высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій. Характеристика“ ³⁾. Въ Богословскомъ Вѣстникѣ онъ помѣстилъ статьи: „Покровская церковь Московской Духовной Академіи“, „Нареченіе и хиротонія ректора Московской Духовной Академіи архимандрита Арсенія во епископа Волоколамскаго“; Кромѣ того въ Душеполезномъ Чтеніи онъ напечаталъ юбилейныя статьи: „Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій“ ⁴⁾, „Преосвященный Виссаріонъ, епископъ Костромскій“. Въ изда-

¹⁾ Протоколы Совѣта за 1898 годъ. Стр. 162—163.

²⁾ За свою докторскую диссертацию Профес. Корсунскій получилъ, зашѣткимъ кстаті, двойную премію Михаила епископа Курскаго въ 402 р. См. Протоколъ Совѣта за 1893 г., стр. 45.

³⁾ 1899 г., № 8, 1, стр. 188—204; II—289—300, № 22, II—667—692.

⁴⁾ Профес. Корсунскій всегда пользовался вниманіемъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія и самъ до конца дней своихъ особенно чтилъ Харьковскаго и

ваемомъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ „Біографическомъ словарѣ русскихъ дѣятелей“ Ив. Ник. напечаталъ біографіи проф. М. І. Холмогорова, епископовъ—Хрисанеа (Ретивцева) и Христофора (Еммаускаго) и бакалавра П. М. Хупотскаго. Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣстилъ: „Письма разныхъ лицъ къ архіепископу Воронежскому Паренію (Черткову)“, съ предисловіемъ и примѣчаніями, наконецъ онъ выпустилъ отдѣльною книгою—редактированный имъ переводъ (съ греческаго) „Толкованія канона на Воздвиженіе“ Никодима Сятогорца и напечаталъ нѣсколько другихъ статей критическаго и историческаго содержанія. Однако болѣзнь ¹⁾ шла быстро впередъ и Иванъ Николаевичъ, наконецъ, принужденъ былъ въ концѣ октября мѣсяца 1899 года просить объ отставкѣ отъ духовно-учебной службы. Но прежде чѣмъ описывать послѣдніе дни его жизни, скажемъ еще хотя нѣсколько словъ относительно другихъ сторонъ дѣятельности его помимо профессорской и учено-литературной и наконецъ обратимъ вниманіе на главныя черты его личнаго характера.

Не одна только учено-литературная дѣятельность занимала Ивана Николаевича. Какъ человекъ живой по темпераменту, весьма отзывчивый сердцемъ и въ то же время энергической, неутомимый, онъ много поработалъ и на почвѣ благотворительности. Состоя одновременно членомъ Совѣта, находящагося подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Покровительствомъ Александро-Маріинскаго дома призрѣнія, казначеемъ ²⁾ академическаго братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской Духовной Академіи, предсѣдателемъ Благотворительнаго Общества во имя Преподобнаго Сергія и Никона, секретаремъ Общества Краснаго Креста и казначеемъ сергіево-посадскихъ благотворительныхъ—состоящихъ подъ покровительствомъ Ея Высочества Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны—„ясель“, профес. Корсунскій былъ неутомимымъ двигателемъ этихъ учрежденій и принесъ имъ не мало добра. Какъ членъ Совѣта Александро-Маріинскаго дома призрѣнія, Иванъ Николаевичъ былъ самымъ способнымъ сподвижникомъ и сотрудникомъ Елизаветы

¹⁾ Профес. Корсунскій издавна страдалъ легочною чахоткою.

²⁾ Иванъ Николаевичъ былъ въ то же время и почетнымъ членомъ братства

Степановны Кротковой—Начальницы дома призрѣнія. Имъ были составлены, между прочимъ, инструкціи для училища, находящагося при упомянутомъ домѣ призрѣнія. Какъ казначей академическаго братства Преподобнаго Сергія и Сергіево-посадскихъ „ясель“ и какъ предсѣдатель Благотворительнаго Общества Сергія и Никона онъ былъ также дѣятельнымъ сотрудникомъ. Не говоря уже о томъ, что Иванъ Николаевичъ самъ велъ всю отчетность и всегда лично наводилъ всѣ нужныя справки, онъ ежегодно жертвовалъ значительныя суммы въ эти общества и такимъ образомъ пополнялъ недостатки благотворительныхъ средствъ. Но кромѣ того—онъ, какъ человѣкъ находившійся въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ съ состоятельными жителями Сергіевскаго Посада и многими другими,—всегда лично являлся къ нимъ и располагалъ ихъ къ пожертвованіямъ, какъ деньгами, такъ и разными необходимыми вещами и вообще кто чѣмъ могъ. За послѣдніе годы своей жизни Ив. Никол. особенно старался собирать пожертвованія на построеніе храма въ Сергіевскомъ Посадѣ,—на концѣ Виоанской улицы, рядомъ съ „Убѣжищемъ“ для престарѣлыхъ бѣдныхъ сергіево-посадскихъ жителей, основаннымъ Обществомъ во имя преподобныхъ Сергія и Никона. И если бы Иванъ Николаевичъ, которому принадлежитъ первая мысль о постройкѣ храма, былъ живъ, то этотъ храмъ былъ бы несомнѣнно скоро выстроенъ и призрѣваемые въ „Убѣжищѣ“ скоро получили бы такимъ образомъ возможность быть чаще въ храмѣ Божіемъ и имѣть утѣленіе въ церковной молитвѣ...

Въ виду такой разносторонней и полезной дѣятельности почившаго—профессорской, учено-литературной и общественной, его высоко цѣнили и высшее начальство, и Московская Духовная Академія, и общество. Иванъ Николаевичъ имѣлъ орденъ Станислава 2-й степени и чинъ статскаго совѣтника. Затѣмъ онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1884 года), членомъ корреспондентомъ Московскаго Библиографическаго Кружка (съ 1891 г.) и членомъ—корреспондентомъ Императорскаго Археологическаго Общества (съ 1892 г.). Цѣня его заслуги, Московская Духовная Академія неоднократно, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, выдавала ему преміи и пособія. Такъ, въ 1893 г.

ему была выдана премія въ 654 руб. ¹⁾, въ 1898 году Иванъ Николаевичъ получилъ пособіе въ размѣрѣ 237 р. 50 к. ²⁾ и т. д. Кромѣ того почившій удостоивался и благодарности отъ Совѣта Академіи. Такъ въ 1897 году, когда онъ много потрудился въ дѣлѣ пожертвованія покойнымъ Высокопреосвященнымъ Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ въ Московскую Духовную Академію его богатой бібліотеки: провѣрилъ имѣвшіеся въ бібліотекѣ каталоги, внесъ въ нихъ незаписанныя книги, отобралъ нужныя для Академіи книги и рукописи и наконецъ по кончинѣ Владыки—устроилъ дѣло такимъ образомъ, что бібліотеку можно было получить ранѣе утвержденія завѣщанія,—Совѣтъ М. Д. Академіи выразилъ благодарность Ивану Николаевичу за понесенныя имъ труды и представилъ заслуги его въ этомъ отношеніи *особому* вниманію Его Высокопреосвященства ³⁾. А съ другой стороны уже одинъ тотъ фактъ, что весьма многіе рѣшительно зачитывались его статьями и съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ появленія въ журналахъ—служить яснымъ доказательствомъ, какъ высоко Общество цѣнило труды почившаго профессора.

Будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, Иванъ Николаевичъ отличался въ то же время и замѣчательнымъ характеромъ. Это былъ привѣтливый, любвеобильный, всегда пріятный и остроумный собесѣдникъ. Кто-бы къ нему ни обращался съ какими либо просьбами, недоумѣніями,—онъ всегда говорилъ и дѣлалъ все, что только могъ и охотно дѣлился со всѣми своими обширными свѣдѣніями. Для студентовъ Академіи это былъ незамѣнимый руководитель, принимавшій ихъ со всею искренностью и всегда готовый помочь имъ своими учеными указаніями при ихъ самостоятельныхъ работахъ. Но не одними только совѣтами и указаніями Иванъ Николаевичъ былъ полезенъ для студентовъ: его постоянными заботами было приискываніе средствъ для пособія неимущимъ изъ нихъ. Между прочимъ изъ желанія оказать пособіе недостаточнымъ студентамъ Академіи, онъ заботился объ устройствѣ концертовъ въ ихъ пользу и нерѣдко самъ принималъ участіе въ этихъ кон-

¹⁾ Отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1892—1893 учебнѣмъ году. Стр. 16.

²⁾ Отчетъ о состояніи М. Д. Академіи въ 1898—1899 уч. г., стр. 20.

цертахъ, какъ прекрасный пѣвецъ и замѣчательный декламаторъ. Точно также онъ заботился объ устройствѣ спектаклей и концертовъ въ пользу и благотворительныхъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ или казначеемъ. Это былъ глубоко вѣрующій человекъ, истинный сынъ Православной Церкви. Его почти каждый воскресный или праздничный день можно было видѣть въ Академическомъ храмѣ—и непременно съ семьей. Посѣтители Академическаго храма знаютъ—съ какимъ благоговѣніемъ и смиреніемъ приступалъ онъ къ св. таинству тѣла и крови Христовой! Въ обыденной жизни Иванъ Николаевичъ отличался нѣкоторыми особенностями. Такъ—онъ всегда почти вставалъ въ 5 или даже 4 часа утра и цѣлый день проводилъ въ занятіяхъ. Эти-то чрезмѣрные занятія, какъ мы сказали выше, и пошатнули его и безъ того некрѣпкое здоровье, приковали труженика къ одру болѣзни, сдѣлавшемуся и смертнымъ его одромъ...

Въ концѣ 1898—1899 учебнаго года Иванъ Николаевичъ уже съ трудомъ исполнялъ свои профессорскія обязанности, хотя все-же продолжалъ занятія. Но лѣтомъ 1899 года силы его настолько упали, что онъ вынужденъ былъ покинуть всѣ занятія и всецѣло приняться за лѣченіе себя. Отправившись въ Москву, онъ помѣстился въ клиникѣ профессора Черинова и былъ окруженъ самымъ внимательнымъ уходомъ со стороны врачей ¹⁾. Здѣсь его часто посѣщали, какъ сослуживцы, такъ и другіе знакомые и бесѣдовали съ нимъ. Въ теченіе августа и сентября мѣс. болѣзнь то облегчалась и окружавшіе и знакомые начинали питать надежду на его выздоровленіе, то обострялась и принимала тревожный характеръ. Но въ октябрѣ мѣсяцѣ положеніе больного настолько ухудшилось, что для всѣхъ стала ясною его безнадежность. Не скрывалъ этого отъ себя и самъ Иванъ Николаевичъ; онъ сталъ заботливо готовиться къ переходу въ загробную жизнь. Получивъ отставку—согласно прошенію—отъ духовно-учебной службы, онъ былъ перевезенъ затѣмъ въ Сергіевскій Посадъ—къ себѣ въ домъ. Какъ истинно-вѣрующій христіанинъ онъ благовременно исповѣдался, при-

¹⁾ Внимательному уходу много содѣйствовало и то обстоятельство, что Иванъ Николаевичъ былъ рекомендованъ профес. Черинову Е. С. Кротковой, начальницей Александро-Маріинскаго дома Призрѣнія, издавна находившейся въ лучшихъ

общился св. тайнъ и особоровался. Наконецъ въ 2 часа утра 10 Декабря онъ тихо почилъ на вѣки отъ своей трудовой и полезной дѣятельности. Едва лишь разнеслась вѣсть по Сергіевскому Посаду о кончинѣ Ивана Николаевича, вся Академія и весьма многіе изъ обывателей посада собрались, чтобы отдать послѣдній долгъ усопшему и какъ родного проводить его до могилы. У его гроба почти непрерывно совершались панихиды академическимъ, Лаврскимъ, приходскимъ духовенствомъ. Служили также панихиды духовенство Виванской Духовной Семинаріи, Геосиманскаго скита и друг. Псалтирь читали по очереди студенты Академіи. Заупокойная литургія по усопшемъ и отпѣваніе его были совершены 12 Декабря. Отпѣваніе совершалъ Преосвященный Ректоръ М. Д. Академіи Арсеній, епископъ Волоколамскій съ болѣе двадцатью священнослужителями. Надъ гробомъ почившаго въ разное время было произнесено до пятнадцати словъ и рѣчей. Послѣ отпѣванія тѣло усопшаго было несено, для погребенія, на Вознесенское кладбищѣ, при чемъ сопровождало усопшаго духовенство во главѣ съ Инспекторомъ М. Д. Академіи Архимандритомъ Евдокимомъ, родные, профессоры и студенты Академіи, а также множество стороннихъ лицъ. Предъ гробомъ несено было множество вѣнковъ. По совершеніи литіи гробъ съ тѣломъ незабвеннаго Ивана Николаевича былъ опущенъ въ могилу, вырытую недалекъ отъ могилы покойнаго Профес. Московской Д. Академіи В. Д. Кудрявцева.

Моленія о усопшемъ за тѣмъ совершились какъ въ сергіево-посадскихъ, такъ и др. церквахъ. Преисполненная глубокой признательности, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ также не осталась безучастною къ памяти почившаго профессора. Въ воскресенье 19 декабря въ храмѣ при Харьковской духовной Семинаріи были совершены заупокойная литургія и затѣмъ панихида. Панихиду совершалъ главный редакторъ упомянутаго журнала о. Ректоръ Семинаріи Прот. І. П. Знаменскій въ сослуженіи духовника Семинаріи о. Посельскаго и о. діакона Алѣйникова. Въ церкви присутствовали инспекція семинаріи, преподаватели семинаріи, — болшею частью бывшіе ученики почившаго, воспитанники Семинаріи и много постороннихъ молящихся.

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.

(Окончаніе *).

Евреи бывали рабами и рабынями въ языческихъ домахъ. Императрица Юлія имѣла еврейскую служанку Акму (Antiq. XVII 5; 71). Повидимому, основное зерно іудейской общины въ Римѣ образовалось изъ прежнихъ рабовъ (Phil. ad Caj. см. о синагогѣ либертинцевъ Дѣян. VI, 9). Распоряженіе Тиберія объ удаленіи изъ Рима евреевъ, очевидно, распространилось и на прозелитовъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ слова указа, передаваемые Светоніемъ... reliquos gentis eiusdem vel similia sectantes urbe submovit sub poena perpetuae servitutis nisi obtemperassent (Tiber. c. 36). То же повидимому находится въ параллельномъ мѣстѣ у Діона Кассія: ὁφ' ἧς (ἀθεότητος) καὶ ἄλλοι εἰς τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤδη ἐξοχελλοντες πολλοὶ κατεδικάσθησαν, καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γούν οὐσιῶν ἐστερήθησαν L. LXVII). Кажется, въ Римѣ іудейство нашло себѣ доступъ даже къ высшимъ классамъ. Іосифъ Флавій имѣлъ сношенія съ супругой Нерона Помпеей (Vita. Кар. 3). Она ходатайствовала за іудеевъ (Ant XX, 8 11) и Іосифъ называетъ ее благочестивой (θεοσεβής). Ветурия Павла, mater synagogarum, которая согласно надписи на ея гробницѣ, перешла въ іудейство 76 лѣтъ и жила еще въ общинѣ подъ именемъ Сары 16 лѣтъ, принадлежала повидимому къ знатному роду (Corp. Inscript. Graec. № 9905). Помпонія Грецина была прозелиткою (Haseclever 1. c. p. 47 хх). О прозелиткахъ гово-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 28.

рятъ надгробныя надписи. О прозелитахъ въ Антиохіи свидѣтельствуется Іосифъ (В. С. VII за см. Дѣян. VI, 5). Въ Дамаскѣ были даже очень многія женщины, перешедшія въ іудейство (ὀπηγημένας τῇ Ἰουδαϊκῇ θρησκείᾳ). Въ Дѣян. 2, 10 перечисляются прозелиты изъ всѣхъ перечисленныхъ странъ. Повидимому, гдѣ были іудеи, были и прозелиты. Указаніе на прозелитовъ находится въ апокалипсисѣ Варуха 41, 4: *alios autem iterum vidi, qui reliquerunt vanitatem suam et confugerunt sub alas tuas*, и 42, 5: *eorum qui antea nescierunt et postea noverunt vitam et commisti sunt semini populorum, quod se segregavit* (см. Kneucker, d. Buch Baruch, p. 195). По преданію былъ прозелитомъ и хромою въ Листрѣ. Знаменитымъ прозелитомъ средины перваго или начала втораго столѣтія былъ Онкелосъ (собственно Aquilas), къ которому раввинское преданіе съ гордостію примѣнило слова, что Богъ надѣлилъ Іафета прекраснымъ языкомъ, и что Іафетъ теперь вселился въ шатрахъ Симовыхъ (см. Евсев. *Demonst. evang.* VII 132).

Θεοδοτιὸνъ Св. Иринею и Елифаніемъ называется іудейскимъ прозелитомъ III 21) 1).

Широкое распространеніе еврейскаго прозелитизма, вотъ— основной фактъ, выдвигаемый Берто. Но рядомъ съ этимъ основнымъ довольно замѣтно выступаетъ другой—ненависть и презрѣніе въ некоторой части общества и даже представителей общества къ іудеямъ. По нашему мнѣнію, этотъ второй фактъ только подтверждаетъ первый. Такъ, вѣдь, относились язычники и къ христіанству. Въ то время какъ въ составъ христіанской церкви входили все новые и новые члены, упорные язычники считали христіанство явленіемъ ненавистнымъ, суевѣріемъ грубымъ и безмѣрнымъ. Когда стали замѣтными признаки того, что христіанство завоеуетъ міръ, языческіе мыслители образованіе которыхъ должно бы было отталкивать ихъ отъ простой вѣры іудеевъ, стали заявлять, что іудейство лучше и выше христіанства. Вотъ, что писалъ ученый полемистъ противъ христіанъ, неоплатоникъ Порфирій, въ своемъ сочиненіи „ἐκ λόγων φιλοσοφίας“.

1) См. Bertholet, Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Fremden. 1896-

„Нѣкто, рассказываетъ Порфирій въ одномъ мѣстѣ, желая отвлечь жену свою отъ христіанства, спросилъ однажды Аполлона, какому божеству нужно молиться о помощи въ этомъ дѣлѣ? Аполлонъ отвѣчалъ: „легче было-бы тебѣ писать по водѣ или подобно птицѣ летать по воздуху, чѣмъ образумить твою печестивую, осквернившуюся жену. Оставь ее, пусть она, если захочетъ, остается въ пустомъ оболыщеніи и безцѣльными рыданіями оплакиваетъ умершаго бога, приговореннаго справедливыми судьями къ позорной смерти на крестѣ“. Объ этомъ изреченіи Порфирій разсуждаетъ: „такъ ясно свидѣтельствуешь оракуль о неизлѣчимости образа мыслей христіанъ и говоритъ, что іудеи лучше понимали Бога, чѣмъ христіане“. Въ подтвержденіе послѣдняго имъ приводится другое изреченіе Аполлона, отвѣчающее на вопросъ, какая религія лучше: іудейская или христіанская: „іудеи вѣруютъ въ Бога Отца и царя прежде всего, предъ лицомъ котораго трепещутъ небо и земля, море и преисподняя ада, и сами божества ужасаются: законъ ихъ есть отецъ, котораго благоговѣнно чтутъ еврейскіе святые“. О Христѣ оракуль у Порфирія говоритъ слѣдующее: Христосъ былъ очень благочестивъ и сдѣлался безсмертнымъ, вообще, боги о немъ говорили почтительно. Но въ то же самое время они увѣряли, что христіане люди цорочные, вѣчестивые, опутанные заблужденіями и вообще сильно порицали ихъ...“

Поэтому эти послѣднія души ненавистны богамъ, но Христосъ, какъ благочестивый пребываетъ на небѣ съ благочестивыми. Итакъ не порицай его, но сожалѣй о глупости людей, причиной гибели которыхъ былъ онъ.

Въ ту пору, когда Порфирій писалъ эти строки, іудейство уже не пріобрѣтало многочисленныхъ прозелитовъ, и враждебное отношеніе къ нему исчезло. Ранѣе, когда іудейство, подобно тому какъ въ послѣдствіи христіанство привлекало къ себѣ язычниковъ, оно было ненавидимо тѣми, которые не желали ему слѣдовать. Психологическая причина этого факта понятна. О немъ возвѣстилъ самъ Господь, сказавъ: не миръ, но мечъ принесъ Я на землю, огонь принесъ Я, и какъ-бы желалъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся. Новая религія, которую одни въ извѣстной средѣ принимаютъ, а другіе—нѣтъ, вно-

сигъ раздѣленіе въ эту среду. Язычникъ, принимавшій іудейство, покидалъ отца и братьевъ, становился чуждымъ своей общинѣ, враждебнымъ ея обычаямъ, культу, убѣжденіямъ, понятно, что эта община должна была ненавидѣть то, что отнимало у нея члена и притомъ хорошаго члена—ненавидѣть іудейскую религію. Поэтому та ненависть, то отвращеніе, которыя мы слышимъ у пѣкоторыхъ писателей по отношенію къ іудейству, показываютъ, что іудейство было силою отнимавшею у нихъ близкихъ людей, разрушавшею дорогое для нихъ богопочтеніе. Но потомъ іудейство перестало быть этою силою. Изъ словъ Порфирія мы видимъ, что языческой философіи находилъ для себя вполне возможнымъ отзываться одобрительно объ іудействѣ. Позднѣе Порфирія Юліанъ прямо бичевалъ отступничество христіанъ отъ іудейства. Христіане говорятъ, писалъ онъ, что они, какъ и Моисей, признаютъ одного Бога, но какъ они согласятъ это свое увѣреніе со словами Іоанна: „вначалѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богомъ. Оно было въ началѣ у Бога“ (Іоанн. 1, 1—2)? Здѣсь говорится о какомъ-то второмъ Богѣ, да иначе Галилеяне и не усвоили-бы Маріи имени Матери Божіей. Никто изъ пророковъ не говорилъ, что все чрезъ Него и Имъ было создаво. Галилеяне не только отвергли преданіе Моисея, они не остались вѣрными ученію первыхъ апостоловъ. Ни Павелъ, ни Маттеей, ни Лука, ни Маркъ не говорили, что Іисусъ былъ Богомъ. Іоаннъ былъ первый, назвавшій Христа Богомъ. Что касается до обрядовой стороны, то почему Галилеяне отвергли обрѣзаніе, жертвы, пасху, отвергли ради обычаевъ, чуждыхъ іудейству и всей древности? Зачѣмъ у нихъ это суетвѣрное уваженіе къ гробницамъ и этотъ культъ мертвецовъ? Положимъ, ап. Павелъ говоритъ объ обрѣзаніи сердца, но онъ противорѣчитъ Христу, Который поддерживалъ всѣ установленія закона. Напрасно галилеяне говорятъ, что новый законъ разрушилъ ветхій, Іисусъ сказалъ: „Я не пришелъ нарушить законъ, но исполнить“. Съ другой стороны, Моисей говорилъ объ этомъ (ветхомъ) законѣ, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ: „да не прибавите ничего къ заповѣдямъ, которыя я далъ вамъ, и да не отвимите, отъ нихъ ничего“. По мнѣнію Юліана хри-

стіане поступили-бы лучше, если-бы совсѣмъ обратились къ іудейству, оставивъ почитаніе своихъ мертвецовъ и своего креста. Правда, они почитали-бы тогда вмѣсто многихъ одного, но зато не человѣка или даже не многихъ несчастныхъ лицъ, но Бога и имѣли-бы законъ, хотя варварскій и суровый, жестоко карающій преступленія въ противоположность мягкому языческому закону, но всетаки это было-бы лучше для нихъ¹⁾.

Мягкое отношеніе языческихъ мыслителей къ іудейству подало и подаетъ поводъ многимъ современнымъ западнымъ богословамъ развивать теорію развитія универсализма въ юдаизмѣ. Это отчасти высказывалъ Ренанъ, къ этому склоняется Бертолетъ. Замѣтимъ прежде всего, что эти ихъ взгляды несогласуются съ ихъ хронологическими представленіями еврейской исторіи. По ихъ воззрѣніямъ сначала были пророки, которые универсальны, а потомъ явился законъ, который націоналенъ. Но какъ невѣрно ихъ воззрѣніе на ходъ религіозной исторіи евреевъ, такъ невѣренъ ихъ взглядъ на развитіе универсализма въ іудействѣ передъ началомъ христіанства. Нѣтъ, мы полагаемъ и утверждаемъ, что юдаизмъ пересталъ быть универсальнымъ и космополитичнымъ именно тогда, когда изъ его среды выступили писатели, которыхъ характеризуютъ этими признаками—Филонъ и Флавій. Эти писатели, по нашему мнѣнію, были не пророками универсализма, а сторонниками компромиссовъ. Филонъ проповѣдывалъ компромиссы на почвѣ теоретической, Иосифъ прибѣгалъ къ нимъ въ практической жизни.

Филонъ былъ современникомъ Христа (родился вѣроятно, 15—20 годами ранѣе). По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ знатнѣйшимъ семействамъ Александріи. Его братъ Александръ Лизимахъ занималъ должность арабарха или представителя александрійскихъ іудеевъ и былъ необыкновенно богатымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ римлянамъ и Ироду онъ играетъ почти роль царя. Онъ оказываетъ іерусалимскимъ царямъ великія услуги, содѣйствуетъ увеличенію ихъ благосостоянія, одождаетъ имъ чудовищныя

¹⁾ Сочиненія Порфирія и Юліана не дошли до нашего времени. Изъ нихъ сохранились только отрывки изъ сочиненій свв. отцовъ, написанныхъ противъ этихъ неоплатониковъ. См. Vachero, L'Histoire critique de l'École de'Alexandr.

денежныя суммы. Одинъ изъ его сыновей женится на знаменитой Вероникѣ. Другой Тиберій Александръ игралъ важную роль въ римской политикѣ 1-го столѣтія нашей эры. Точно также и Филонъ былъ богатъ и вліятеленъ. Въ 39 или 40 году нашей эры онъ былъ посланъ, какъ уполномоченный отъ александійской синагоги, къ Калигулѣ защищать интересы іудеевъ. Штатгальтеръ этого императора Публий Авилій Флаккъ благоволилъ въ Александрію къ греческой народной партіи, которая была враждебна къ іудеямъ. Такъ какъ іудеи отказались ставить въ синагогахъ статуи императора, то онъ не только оставлялъ безъ наказанія кровавыя расправы съ ними и уличныя преслѣдованія ихъ, но кромѣ этого воздвигъ противъ нихъ судебное преслѣдованіе. Нарушая привилегіи, данныя іудеямъ, овъ 38 ихъ представителей синагогъ подвергъ обезчещивающимъ наказаніямъ. Хотя скоро послѣдовало паденіе этого штатгальтера,—онъ былъ посланъ на островъ Андросъ и тамъ умерщвленъ по приказанію Калигулы, однако іудейская община Александріи не успокоилась съ его смертію. Она рѣшила возстановить свои поправныя права при помощи посольства въ Римъ. Во главѣ посольства находился Филонъ. Въ то-же время противная партія тоже послала посольство въ Римъ, во главѣ котораго былъ грамматикъ Апіонъ. Ни то, ни другое посольство, повидимому, не добилось вполнѣ исполненія своихъ желаній. Оффиціальной аудіенціи евреямъ не было дано, Филонъ былъ принятъ Калигулой только въ частной аудіенціи. Императоръ тогда уже почти безумный—ограничился въ бесѣдѣ лишь насмѣшками надъ іудеями и говорилъ, кажется, болѣе о свиньяхъ, чѣмъ объ іудейскихъ привилегіяхъ. Посольство вернулось ни съ чѣмъ. Но къ счастью для іудеевъ вскорѣ послѣдовала смерть Калигулы, и Клавдій вернулъ іудеямъ ихъ поправныя права и освободилъ ихъ алабарха. Во время правленія Клавдія, Филонъ, должно быть и умеръ. Годъ его смерти точно не извѣстенъ.

1. (Свѣдѣнія о жизни Филона—очень немногочисленныя—находятся отчасти въ сочиненіяхъ самого Филона, у Іосифа Флавія, Евсевія, Иеронима, Исидора Пелусіота, Фотія и Свиды)

Филонъ владѣлъ прекраснымъ греческимъ образованіемъ и

питалъ глубокое уваженіе къ греческой философiи. Будучи совершеннымъ эллинистомъ, онъ старался остаться всецѣло іудеемъ. Аллегорическій методъ, который онъ довель до крайности, помогъ ему согласить Моисея съ Платономъ. То, какъ пользуется Филонъ аллегорическимъ методомъ, по нашему мнѣнію доказываетъ, что этотъ методъ—не новое, только что пущенное въ ходъ оружіе, и что у Филона были предшественники. Къ таковымъ, полагаемъ, принадлежалъ Аристовуль. Филонъ дошелъ до того, что у него библейскій текстъ, изъясненіемъ котораго онъ занимался, былъ въ сущности только предлогомъ для изложенія и развитія собственныхъ мыслей. Иногда, можетъ быть, этотъ текстъ наводилъ его на мысли, въ развитіи которыхъ онъ нисколько не считалъ нужнымъ считаться съ буквою текста. Такъ, повѣствованіе кн. Бытія о первородномъ грѣхѣ, Филонъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Пространство между Богомъ и матеріальнымъ міромъ наполнено безчисленными душами. Души, которыя ближе другихъ находятся къ землѣ, привлекаются землею и кончаютъ тѣмъ, что соединяются съ веществомъ. Это великое бѣдствіе, такъ какъ матерія сама по себѣ есть зло и начало всѣхъ злыхъ инстинктовъ въ человѣкѣ. Такимъ образомъ происхожденіе рода человеческого имѣетъ своею причиною первоначальный грѣхъ, утверждается на фактѣ преступнаго желанія. Всѣ стремленія и усилія добродѣтели должны быть направлены на то, чтобы разорвать существующую нечестивую связь души съ матеріею и возвратить душу ея первоначальной свободѣ и чистотѣ. Этотъ взглядъ Филона есть выводъ изъ его основной теоріи о Богѣ и мірѣ. Міръ, по Филону, вѣченъ и Богъ въ сущности не есть его Творецъ. Богъ не пребываетъ въ покоѣ, потому что Его сущность есть дѣятельность. Твореніе началось съ началомъ времени. Богъ есть первая причина всякаго дѣйствія въ каждомъ отдѣльномъ существѣ, какъ и во всемъ универсѣ. Истинная дѣятельность принадлежитъ Ему одному. Все, что существуетъ, проникнуто его дыханіемъ, Онъ есть всеобъединяющій принципъ, въ Немъ живетъ все. Онъ есть все. (*Εἷς καὶ τὸ πᾶν αὐτὸς ἐστιν*). Богъ есть начало, міръ есть конецъ, посредствующее суть духи, то, что стоитъ ближе всего къ Богу, очевидно, должно имѣть природу

подобную Божественной. Это, по Филону, Логосъ—ангелъ Иеговы Библии, старѣйшій сынъ Божій, архангелъ или первый изъ хора ангеловъ, внутреннее слово Божіе, вѣчный изъ Бога истекающій разумъ. Какъ слово изреченное λόγος προφορικὸς въ противоположность λόγος ἐνδιάθετος, онъ есть дѣйствительная самостоятельная субстанція. Однажды у Филона Онъ называется вторымъ Богомъ (Ὁ πρῶτος. De Abrah. II, 17). За λόγοςомъ слѣдуетъ дальнѣйшій рядъ существъ λόγοι или силы (δυνάμεις). За ними, постепенно ниспускаясь, духовныя существа доходятъ до вещественнаго міра. Представленіе этого міра и его исторія, какъ они даются Библіею, понимаются Филономъ очень своеобразно. Эдемъ, по нему, символизируетъ премудрость Божію, четыре рѣки Эдема представляютъ четыре добродѣтели, истекающія изъ этой премудрости. Небесный дождь, оплодотворяющій землю, есть божественный разумъ, который подобно живому источнику орошаетъ и живитъ человѣческія чувства. Святое святыхъ и переносная скинія Моисея это суть невидимые свмволическіе предметы, открывающіеся только духовному зрѣнію. За всѣмъ тѣмъ, по Филону, истинное богопочтеніе содержитъ лишь народъ іудейскій. По его мнѣнію іудейскій народъ получилъ свои преимущества, потому что онъ всегда былъ совершеннѣйшимъ, справедливѣйшимъ, разумнѣйшимъ, человѣчнѣйшимъ и религіознѣйшимъ народомъ міра. Ради добродѣтелей его и его предковъ Вѣчный избралъ евреевъ, какъ свой любимый народъ. Теперь этотъ народъ находится въ рабствѣ. Но это лишь его временный удѣлъ. Вислѣдствіи владычествующіе надъ іудеями, охваченные удивленіемъ предъ ихъ добродѣтелями, откажутся отъ того, чтобы поведѣвать столь добродѣтельными людьми. Тогда освобожденные іудеи изъ отдаленнѣйшихъ странъ и острововъ устремятся въ Палестину. Свѣтящійся столпъ—видимый однимъ праведнымъ—поведетъ ихъ къ цѣли. У этой цѣли, т. е., въ Палестинѣ ожидаетъ евреевъ величайшее счастье. Они одни сдѣлаются свободными и могущественными и будутъ имѣть возможность владычествовать надъ всѣми. Тогда разрушенные города воздвигнутся безъ содѣйствія человѣческой руки, пустыни оживятся и бесплодныя области покроются богатѣйшими

плодами. Эта блаженная цѣль станетъ дѣйствительностью, если люди обратятся къ іудейству. Тогда дикія животныя станутъ служить человѣку, и исчезнутъ всѣ нарушители мира. Тогда наступитъ миръ, который будетъ охранять великій могущественный царь (греческ. перев. Числ. XXIV, 7).

Такъ аллегорическимъ рѣчамъ пророковъ Филонъ придалъ буквальный смыслъ, какъ наоборотъ историческія повѣствованія Моисея разрѣшилъ въ аллегорію. Въ концѣ концовъ все его ученіе является предъ нами лишеннымъ связи, заключающимъ противорѣчія и крайне эластичнымъ. Послѣдній признакъ никогда не можетъ принадлежать тому, что истинно, и отрицаетъ для себя возможность долгожизненности. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ искренности вѣры Филона, но, думаемъ, нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что въ его изложеніи еврейская религія могла сохраниться лишь въ той формѣ и въ томъ видѣ, въ какихъ греческій политеизмъ существовалъ у неоплатониковъ. Аллегоріей и символомъ можно оправдать все. Сатурнъ, пожирающій дѣтей—вѣчность, въ которой поглощается время. Какое философское объясненіе ужаснѣйшаго дѣтоубійства! Но оправдывая смыслъ міае, это объясненіе уничтожаетъ реальность Сатурна, разрушаетъ политеистическія вѣрованія. Филонъ (въ значительной мѣрѣ, не говоримъ вполне) разрѣшаетъ въ міае законъ Моисея. Пусть еврей—лучшій народъ и ихъ законъ совершеннѣйшій, и всѣ должны принять этотъ законъ. Но какъ его понимать? Филономъ представляется безграничный произволъ въ дѣлѣ этого пониманія. Но человѣкъ ищетъ въ религіи твердой опоры, а не неустойчивой рамки, въ которую онъ могъ бы вставлять, какое угодно ему содержаніе. Поэтому вѣра Филона никогда не могла стать космополитичной или, говоря нашимъ языкомъ, всеобщей вѣрой. Но его вѣра могла быть мостомъ, который, думается, могъ нѣкоторыхъ направить къ пониманію и принятію ученія Христа. Есть сказаніе о томъ, что Филонъ сталъ христіаниномъ (Евсев. Церков. Истор. XVII. I. Блажен. Иерон. De vir. illustrib. II; Photius, Cod. 105). Несомнѣнно, что въ душѣ этого замѣчательнаго человѣка было многое родственное христіанству. Его ученіе о *χάρις*, о томъ, что чело-

вѣкъ своими собственными силами не можетъ творить добраго, что добрыя дѣла человѣка суть плодъ божественной благодати, его уваженіе къ соверцательнo-монашеской жизни еерapeвтовъ, его возвышенный образъ мыслей и его благородная нравственность, все это повидимому дѣлало его блестяще подготовленнымъ къ тому, чтобы воспринять проповѣдь св. Марка или другого благовѣстника въ Александріи. Но однако, представляемъ мы себѣ, было нѣчто, что должно было стать между нимъ и безхитростною проповѣдью Евангелія. Это нѣчто его увлеченіе греческой философіей, не просто знаніе этой философіи, а именно признаніе ея истинной, въ то время какъ пятокнижіе Моисея оказывается только символомъ, образомъ, аллегоріей этой истины. Филонъ, видѣвшій откровенную истину у Платона и прикровенную у Моисея, какъ долженъ былъ отнестись къ безхитростной проповѣди галилейскихъ рыбаковъ? Могъ-ли онъ допустить, что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ могло быть открыто буимъ міра? Мы не знаемъ этого. Но во всякомъ случаѣ намъ Филонъ представляется уже чelовѣкомъ распутія. Прежде призывавшіе къ іудейству, призывали дѣйствительно къ торѣ Моисея и писаніямъ пророковъ. Филонъ подобно своимъ соплеменнымъ предшественникамъ тоже зоветъ къ іудейству, но оно у него расширяется, становится туманнымъ и неяснымъ все равно, какъ предметъ, который мы далеко отодвинули отъ фокуса увеличительнаго стекла. Въ концѣ концовъ ученикъ Филона скорѣе, пожалуй, окажется способнымъ принять нагорную проповѣдь, чѣмъ принять иго закона. И намъ представляется глубоко замѣчательнымъ, что свободомыслящее еврейство разрѣшилось ко времени Христа такой философіей.

На цѣлое поколѣніе моложе Филона является Іосифъ Флавій (род. 37 или 38 г. по Р. Х. при императорѣ Калигулѣ) послѣдній универсалистъ іудаизма. Онъ былъ изъ знатнаго священническаго рода и по матери былъ родственникомъ гасмонеевъ. Онъ былъ воспитанъ строго въ іудейскомъ законѣ и принадлежалъ къ сектѣ фарисеевъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ прошелъ три школы: фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ и еще былъ у пустыяника Боуса. 19-ти лѣтъ онъ официально при-

кинулъ къ фарисеямъ. Когда ему было 26 лѣтъ, случилось, что нѣкоторые дружественные ему священники были заключены въ тюрьму. Это побудило его (64 г. по Р. Х.) отправиться въ Римъ хлопотать объ ихъ освобожденіи. При помощи одного іудейскаго актера Алитира онъ сумѣлъ найти доступъ къ императрицѣ Пoppеѣ и достигъ своей цѣли. По возвращеніи въ Палестину (66 г. по Р. Х.) онъ нашелъ своихъ соотечественниковъ возставшими противъ римлянъ. Онъ по его показанію убѣждалъ своихъ соплеменниковъ отказаться отъ этого намѣренія; когда ему это не удалось (послѣ побѣды надъ Гестіемъ Галломъ іудеи безповоротно рѣшились на восстаніе), онъ вступилъ въ ряды борцовъ противъ римлянъ и былъ предводителемъ войскъ въ Галилеѣ. Здѣсь онъ въ теченіе полутора мѣсяца защищалъ крѣпость Іотопату. Послѣ завоеванія римлянами крѣпости онъ попалъ въ плѣнъ къ Веспасіану, надо признать, довольно безславнымъ образомъ. Передъ диллемою смерти или плѣнъ Іосифъ не заколебался въ выборѣ. Жизнь, какая-бы то ни была, была по его представленію лучше смерти, и даже безсмертіе за гробомъ—ему фарисею—показалось чѣмъ—то не безусловно надежнымъ. Поэтому онъ предпочелъ жизнь и плѣнъ. Плѣнъ скоро долженъ былъ стать для него не тяжелымъ. Онъ сумѣлъ приблизиться къ Веспасіану, показалъ ему пророчество IX гл. кн. пророка Даніила, согласно которому Іерусалимъ долженъ быть разрушенъ языческимъ вождемъ (26 ст.) и этотъ вождь, т. е., Веспасіанъ—по пророчеству Іосифа, выданному за Даніилово, долженъ стать императоромъ. Въ 69 г. по Р. Х. пророчество Іосифа исполнилось, Веспасіанъ—Флавій—шестидесяти лѣтъ отъ роду—получилъ корону и щедро одарилъ и отпустилъ на свободу Іосифа, который, присоединивъ къ своему имени прозвище Флавія, сталъ близкимъ къ дому Флавіевъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ Титомъ, сыномъ Веспасіана, при осадѣ Іерусалима. Тщетно онъ убѣждалъ своихъ соплеменниковъ—жителей Сіона, отказаться отъ безумнаго намѣренія вести борьбу противъ римлянъ. Его рѣчи были напрасны, тѣмъ болѣе, что авторитетъ его небезпричинно стоялъ невысоко въ глазахъ его сродниковъ по плоти. Послѣ взятія Іерусалима онъ вмѣстѣ съ Титомъ отправился въ Римъ. Пользуясь милостію

императора, онъ старался всячески расположить его въ пользу своего несчастнаго народа и успѣвалъ въ этомъ. Въ 93 г. нашей эры онъ былъ еще живъ. Когда онъ сошелъ въ могилу, неизвѣстно, но онъ уже былъ евреемъ, пережившимъ свою политическую исторію. Еврейство, какъ государство, умерло раньше смерти Флавія. вмѣстѣ съ этимъ кончилась и религіозная миссія евреевъ. Вѣтхозавѣтное Откровеніе смѣнилось Новозавѣтнымъ. Церковь іудейская смѣнилась церковью вселенской, и на мѣсто разрушеннаго храма въ Сіонѣ воздвиглись безчисленныя церкви, гдѣ вмѣсто тельцовъ и овецъ стали возносить пречистое тѣло и кровь Господа Іисуса. Миссія еврейскаго народа, какъ мы говорили, была миссіею пророка Іоны—указывать спасеніе народамъ. Наиболѣе полная истина въ вѣтхозавѣтный періодъ была въ законѣ Моисеевомъ, на этотъ законъ и на его исполнителей евреевъ и указывали народамъ тѣ, которые хотѣли вести народы ко благу. Въ ряду такихъ духовныхъ вождей человѣчества, которые были или прямыми посланниками Божиими или хотя дѣйствовали и по собственному начинанію и не безъ заблужденій, но несомнѣнно съ одобренія Божія ихъ намѣреній, въ ряду такихъ Филонъ былъ послѣднимъ. Какъ бы то ни было, его дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на доказательство истинности и святости Моисеева закона. Его главные труды—комментаріи пѣтокнижія. Если онъ—еврей—кромѣ еврейскаго закона хвалитъ еще и евреевъ, то и это у него направляется къ апологіи закона: у лучшаго народа долженъ быть и лучший и совершеннѣйшій законъ. Труды Флавія, только повидимому, имѣютъ ту-же цѣль. Онъ въ сущности болѣе вѣрный сынъ вѣтхозавѣтной религіи, чѣмъ Филонъ, гораздо менѣе думаетъ о ней, чѣмъ о себѣ и своемъ народѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не столько борется противъ языческихъ принциповъ, противъ язычества, сколько противъ антисемитовъ. Его задача реабилитировать несчастныхъ соплеменниковъ, разсѣянныхъ по міру. Онъ защищаетъ народъ, но не дѣло народа. Народъ совершилъ свое дѣло, исполнилъ свою миссію. Теперь этотъ народъ будетъ жить уже для себя, а не для выполненія исторической миссии. Ему не пушно защищать свое дѣло, потому что у него нѣтъ дѣла, но ему пушно

защищать самого себя, и сочиненія Іосифа суть главнымъ образомъ апологіи еврейскаго народа и самого Іосифа—типичнаго представителя этого народа. Его произведеніе De vita sua—это самооправданіе, его сочиненіе противъ Апіона—„о древности іудейскаго народа“—это восхваленіе іудейскаго народа и его значенія, его *Ioudaïkḗ árchaiología*—это искаженіе библейской и вообще дѣйствительной исторіи ad maiorem Iudaeorum gloriam. Приведемъ доказательства этого. Въ своей „іудейской археологіи“ онъ сообщаетъ о фактахъ, которыхъ не знаетъ Библия и другіе историческіе источники. Онъ повѣствуетъ о походѣ Моисея противъ египцовъ, объ египетской принцессѣ Тарбисъ, которая предложила Моисею свою руку, онъ говоритъ о магическихъ знаніяхъ Соломона, мы приводили его рассказъ о встрѣчѣ Александра Македонскаго съ Іудеями. Приводили другія его сообщенія о *храбрости* еврейскаго народа. Такъ народъ и его сыны упорно восхваляются имъ. Но онъ иногда смущается говорить о благодѣяніяхъ Бога еврейскому народу, мысль, что описываемое имъ событіе покажется страннымъ или невѣроятнымъ, смущала и удерживала его. Такъ, изложивъ исторію перехода евреевъ черезъ Чермное море, онъ замѣчаетъ, что „онъ рассказалъ эту исторію такъ, какъ она излагается въ священныя книги, и онъ предоставляетъ каждому самому рѣшить—произошло-ли это событіе вслѣдствіе непосредственнаго Божественнаго вездѣйствія, или-же оно было произведено естественными причинами?“ Историческую правду и историческую критику онъ допускалъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они не были вредны или были полезны для его интересовъ. Въ этомъ отношеніи любопытна его полемика съ Апіономъ. Всякимъ свидѣтельствомъ, говорящимъ въ пользу его тезисовъ, Іосифъ пользуется, обыкновенно не подвергая сомнѣнію его подлинность и правдивость. Если свидѣтельство сложное и частію говоритъ въ пользу Іосифа, частію противъ него, онъ отвергалъ то, что было противъ, и утверждалъ то, что было за. Знаменательна его уклончивость въ сужденіи о мессіанскихъ пророчествахъ и въ раскрытіи мессіанскихъ идеаловъ. Въ противоположность Филону и авторамъ сивиллинскихъ книгъ онъ не выдвигаетъ напередъ этихъ пророчествъ.

Онъ не проповѣдуетъ о Мессіи, онъ не призываетъ къ вѣрѣ въ него и къ надеждѣ на него. И онъ правъ: о надеждѣ было говорить уже нечего, потому что Мессія уже припелъ. Въ своей жизни онъ руководился не отдаленными надеждами и возвышенными идеалами, но правилами того житейскаго благоразумія, которое часто заставляетъ поступаться вѣрою и любовью. Въ сущности онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, глубоко вѣрилъ въ истиннаго Бога и крѣпко любилъ свой народъ. Но онъ былъ слабымъ человѣкомъ и онъ измѣнялъ Своему Богу въ своихъ писаніяхъ и своему народу въ своихъ дѣлахъ. Онъ писалъ свои произведенія въ то время, когда былъ написанъ Новый Завѣтъ. Тѣнь проходила, и истина возвѣщалась открыто и громко всему міру. Болѣе уже не было нужды въ особыхъ посланникахъ и особыхъ дѣятеляхъ для ознакомленія человечества съ откровеніемъ. Дѣло раскрытія религіозной истины предъ всѣмъ человечествомъ стало дѣломъ церкви. Въ ветхомъ завѣтѣ не было такъ. Церковь не возвѣщала тамъ громко истину всему міру, напротивъ, охраняла ее отъ пестромыхъ взоровъ и нечистыхъ прикосновеній. Было много причинъ для этого. Укажемъ изъ нихъ одну. Ветхозавѣтное откровеніе обѣщало блага въ отдаленномъ будущемъ и участіе въ этихъ благахъ обуславливало исполненіемъ суровыхъ требованій закона въ настоящемъ. Немногіе были способны подчинить себя игу закона при такихъ условіяхъ. Немногимъ поэтому и предлагался законъ. Онъ сталъ распространяться болѣе и болѣе незадолго предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ прејдти, и это понятно: для того, чтобы принять новое откровеніе, міръ долженъ былъ ознакомиться съ ветхимъ. Но для этого не нужно было много вѣковъ. До времени Александра Македонскаго въ Европѣ не знали іудеевъ—хотя какъ мы думаемъ—объ истинномъ Богѣ европейцы получали знанія—хотя и не непосредственно—отъ іудеевъ. Послѣ Александра, мы видѣли, ветхозавѣтное откровеніе начинаетъ быстро распространяться въ древнемъ культурномъ мірѣ. Это было предварительнымъ приготовленіемъ почвы для распространенія и утвержденія церкви Христовой.

Краткимъ разсужденіемъ объ Іосифѣ Флавіи, какъ писате-

лѣ, который знакомилъ съ сверхъестественнымъ откровеніемъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ истинной церкви, мы заканчиваемъ нашу рѣчь о внѣ библейскихъ свидѣтельствахъ того, что съ откровеніемъ познакомились и могли знакомиться и не—еврея, и что доступъ къ религіозной истинѣ былъ открытъ и въ ветхомъ завѣтѣ для тѣхъ, кто всею душою искалъ истины. Частію къ народамъ проникали посредственнымъ путемъ важнѣйшія и высочайшія религіозныя и нравственныя истины. Частію народамъ или отдѣльнымъ людямъ указывалось, гдѣ хранилась истина. Изслѣдуя внѣ библейскія свидѣтельства распространенія откровенія внѣ избраннаго народа, мы приходимъ къ заключенію, что въ ихъ исторической судьбѣ должно признать три послѣдовательныхъ періода. Первый—древнѣйшій. Свидѣтельства самыя слабыя. Эти свидѣтельства говорятъ намъ, что народы, разойдясь изъ своей прародины или можетъ быть оставаясь и близь ея, но уклонившись отъ религіи своихъ праотцовъ, однако иногда надолго сохраняли элементы истины. Мысль о высочайшемъ единомъ Богѣ у нихъ затемлялась, но не исчезала. Чувство правды искажалось, но не угасало. Второй періодъ. Свидѣтельства болѣе многочисленныя и иногда безспорныя. Къ народамъ, религіозныя представленія которыхъ приняли уже грубо ложный характеръ и натуралистическую окраску, путемъ, который ускользалъ отъ ихъ наблюденія и взоровъ, проникали высокія истины и святыя заповѣди ветхо-завѣтнаго откровенія. Рука, подававшая имъ этотъ даръ, оставалась во мракѣ, и имена учителей оставались для нихъ скрытыми, но ученіе принималось, усвоялось и тамъ, гдѣ была добрая почва, приносило добрые плоды. Наконецъ, періодъ третій. Здѣсь сверхъестественное откровеніе является міру уже не въ видѣ преданія, дошедшаго отъ времени древнихъ, не въ видѣ ученія варварскихъ философовъ, занесенныхъ неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно откуда, но прямо, какъ завѣтъ, данный Богомъ евреямъ. Такъ, у вавилонянъ, ассиріявъ и египтявъ мы находимъ добрыя правила и въ ихъ обращеніяхъ къ Богу неба иногда слышимъ отзвукъ того, въ чемъ должны были быть наставлены Ной и его предки. Такъ, въ ученіи персовъ несомнѣнно и въ вѣрованіяхъ и заповѣдяхъ римлянъ не вполнѣ

увѣренно мы находимъ проникновение къ аріямъ вѣрованій и убѣжденій южной вѣтви сѣверныхъ семитовъ—богоизбраннаго еврейскаго народа. Такъ, наконецъ въ александрійскомъ переводѣ Ветхаго Завета, въ писаніяхъ сивиллъ, въ твореніяхъ Филона, Флавія и другихъ мы видимъ ясное возвышеніе греческому—слѣдовательно, всему культурному міру,—что истина у и отъ іудеевъ.

Но однако истина не была возвышена всѣмъ народамъ, не была открыта каждому человѣку. Да, песомнѣнно на землѣ умирали многіе милліоны, не зная ничего и о проповѣди пророковъ и мессіи, какъ умираютъ многіе милліоны и теперь, не зная ничего о Его ученіи. Почему такъ? Мы не знаемъ этого. Мы думаемъ, что людей по ихъ отношенію къ припятію откровенія можно раздѣлить на три очень неравные класса: Люди, непосредственно принимавшіе откровеніе отъ Бога, т. е. такіе, для которыхъ откровеніе вмѣстѣ было и Богоявленіемъ. Люди, получающіе откровеніе отъ другихъ, наставляемые въ его истиннахъ церковью; наконецъ, третій многочисленный классъ, до слуха которыхъ совсѣмъ не доходитъ ученіе церкви. Мы не смѣемъ думать, чтобы послѣдніе были самыми грѣшными и самыми преступными. Восемнадцать жертвъ, погибшихъ подъ развалинами сілоамской башни, не были, по слову Христа, виновнѣе всѣхъ, живущихъ во Іерусалимѣ (Лук. XIII, 4). Такъ и тѣ, которымъ не дано слышать и разумѣть слово Божіе, вовсе не самые виновные изъ всѣхъ человѣковъ. Непосредственнаго Откровенія иногда удостоивались не наилучшіе, и для нихъ оно могло быть и въ осужденіе. И наоборотъ, инымъ могло быть не подаваемо откровеніе, что бы они не приняли горшаго осужденія. Часто говорили и выражали недоумѣнія, почему Богъ не открылъ своей воли и не явилъ Себя такимъ великимъ мужамъ древности, какъ Пинегоръ, Платонъ или Сократъ? Мы не знаемъ—можетъ-быть оно и было имъ возвышено въ ту мѣру, въ которую они могли его вмѣстятъ. Но если сверхъестественное откровеніе и совсѣмъ не коснулось ихъ слуха, то это по нашему мнѣнію значитъ только то, что для нихъ лучше было то, чтобы истина не была возвышена имъ. Простыя истины вѣры могли быть камнемъ претыканія и соблазна для этихъ лю-

дей знанія. Поучительна въ этомъ отношеніи притча Господа о богатомъ и Лазарѣ. Богачъ, находящійся въ аду въ мученіяхъ за то, что не слушалъ (и слѣдовательно не вѣрилъ) повелѣній Моисея и пророковъ, проситъ Авраама, чтобы онъ послалъ на землю находившагося на лонѣ авраамовомъ, нѣкогда презрѣннаго имъ несчастнаго бѣдняка. Прощу тебя, говорятъ онъ, отче, пошли его въ домъ отца моего; ибо у меня пять братьевъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобы я они не пришли въ это мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и пророки: пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ прійдетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ" (Лук. XVI, 27—31). Но если не повѣрятъ воскресшему изъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе не повѣрятъ слову того, кто уже давно умеръ. Спиноза сказалъ о себѣ, что, если бы чудо воскрешенія Лазаря было истинной, то онъ разбилъ-бы всю свою систему. Но онъ не разбилъ своей системы, по которой въ мірѣ нѣтъ мѣста никакому чуду. Изъ приведеннаго нами выше рассужденія Іосифа Флавія о переходѣ евреевъ черезъ Черное море мы можемъ догадываться, что въ древности, какъ и во дни Спинозы, находились люди, для которыхъ слово Божіе и повѣствованіе о дѣлахъ Божіихъ являлось юродствомъ, безуміемъ и слѣдовательно соблазномъ. Таковымъ, для которыхъ оно могло явиться особенно тяжкимъ соблазномъ и повести къ горшему осужденію, оно, можетъ—быть, и не возвѣщалось.

Затѣмъ въ вопросѣ о сообщеніи и распространеніи Откровеній всегда нужно помнить, что люди не обособленныя единицы, но всегда—семья, племя, народъ, что въ дѣлѣ спасенія и Богообщенія имѣетъ мѣсто не индивидуализмъ, а соборность. Отсюда призваніе Авраама и выдѣленіе еврейскаго народа изъ среды всѣхъ народовъ земли, отсюда-же пребываніе цѣлыхъ народовъ въ тѣни и сѣни смертной. Близкіе между собою по происхожденію люди близки между собою и по духовнымъ качествамъ. Вотъ—почему и общія правила и законы для народовъ и общія наказанія. Вотъ почему и дарованіе и лишеніе Откровенія. Религіозныя истины всегда возвѣщались большому

числу лицъ, чѣмъ сколько принимало ихъ. Развѣ во дни Моисея аммонитяне, моавитяне, эдомляне не должны были знать, что Богъ евреевъ есть истинный Богъ и что данный Имъ законъ есть спасительный законъ. Однако они не пожелали знать этого. И Богъ оставилъ ихъ ходить путями своими, какъ оставилъ ходить таковыми путями и другіе народы. Но это „оставилъ“ не пужно понимать въ грубо буквальномъ смыслѣ. Они были отлучены отъ церкви и истины лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было полезно для нихъ. Церковь налагаетъ анаѣему для блага анаѣематствуемаго. Богъ скрываетъ себя отъ человѣка для блага человѣка.

Но однако если ветхозавѣтному явчнику не сообщалось Откровенія, то это не значить, что ему не дѣлалось никакихъ указавій, какъ искать истину и въ чемъ заключается истина. Нѣтъ, кромѣ сверхъестественнаго Откровенія въ ту пору, какъ и теперь, было естественное Богопознаніе. Путь къ истинѣ указывался всякому и чувство истины подавалось всѣмъ. „Быль свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“ (Іоанн. 1, 9)...Этотъ свѣтъ освѣщаль и освѣщаетъ всѣмъ путь и смыслъ жизни, и тотъ, кто не хочетъ видѣть и отрицаетъ его, претъ противъ рожна. Душѣ человѣка по мѣрѣ того, какъ она развивается, всѣ ея силы, все, что открывается ея знанію, все указываетъ на высочайшую Истину. О томъ, какъ происходитъ это, и о томъ, что безотвѣтны тѣ, которые „не принимаютъ таковыхъ указавій, мы будемъ говорить въ второй части нашего труда.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

Законъ достаточнаго основанія и законъ причинности.

I. Законъ достаточнаго основанія.

Характеристическимъ признакомъ мышленія, какъ разсудочной познавательной дѣятельности, въ отличіе отъ низшихъ познавательныхъ процессовъ, служитъ сопровождающее всѣ его акты сознаніе активности, самодѣятельности и свободы дѣйствующей въ нихъ мыслительной силы: понятія, сужденія, умозаключенія не даются намъ отвнѣ съ принудительною силою подобно ощущеніямъ, не образуются механически, помимо произвольной нашей дѣятельности, подобно ассоціаціи представленій, но суть продукты самодѣятельной работы нашей мысли; въ составленіи понятій, сужденій и умозаключеній мы признаемъ себя настолько же свободными и активными виновниками порождающей ихъ умственной дѣятельности, какъ и въ совершеніи любого внѣшняго, произвольнаго поступка. Но какъ въ области собственно-нравственной дѣятельности свобода, чтобы не быть синонимомъ произвола и беззаконія, должна подчиняться извѣстнаго рода внутренней необходимости, такъ и познавательная дѣятельность возможна лишь подъ условіемъ соединенія въ ней свободы съ необходимостью; безъ этой послѣдней въ мысляхъ не было бы порядка и связи, не было бы, слѣдовательно, и познанія, какъ одного стройнаго цѣлаго, а могли бы быть только отдѣльные, безсвязные акты мысли, неизвѣстно для чего существующіе. Такой моментъ необходимости, обуславливающей собою возможность нашего познанія, мы дѣйствительно находимъ въ своемъ мышленіи. Откуда же яв-

ляется, или, по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоитъ такая необходимость? Очевидно, съ одной стороны, чтобы быть необходимою, она должна противостоятъ нашей мысли, какъ нѣчто независимое отъ нашего произвола, съ другой стороны, чтобы быть совмѣстимою съ свободою, она можетъ быть мыслима только въ качествѣ нормы, которой должно слѣдовать наше мышленіе, если хочетъ быть самимъ собою, т. е., познавательной дѣятельностію, по которой можетъ и не слѣдовать настолько, насколько можетъ не слѣдовать своей природѣ и назначенію. Такимъ идеаломъ нашей мысли, независимымъ отъ ея произвола, является руководящая всѣми ея процессами идея истины; она-то и вноситъ въ нашу мысль присущій ей моментъ идеальной необходимости: всякая мысль оцѣнивается въ своемъ достоинствѣ съ точки зрѣнія истины и по степени соответствія ей получаетъ ту или иную степень достовѣрности, т. е. ту или иную степень внутренней необходимости ея признанія, и самая эта степень *необходимо* ¹⁾ должна быть признана за ней всякимъ мыслящимъ умомъ.

То, что мы называемъ закономъ достаточнаго основанія, въ сущности есть требованіе, чтобы всякая мысль, сопровождающаяся сознаниемъ своей состоятельности и достовѣрности, утверждала за собою послѣднія не по произволу, а по логической необходимости. Если мы теперь примемъ во вниманіе, что логическая необходимость и истинность суть понятія совпадающія, если не по содержанію, то по объему, то въ результатѣ мы получаемъ, что законъ достаточнаго основанія есть только особая форма требованія истинности отъ нашихъ мыслей. Для чего же и почему существуетъ эта частная форма общаго требованія нашего мышленія? Требованіе истинности нашихъ мыслей, или, просто идея истины, говоритъ намъ только, что всякая мысль должна быть логически необходима. Но съ другой стороны, на самомъ дѣлѣ наши мысли большею частію, не носятъ въ себѣ ничего такого, что бы обявывало насъ къ

1) Такимъ образомъ моментъ необходимости присущъ не однимъ только аподиктическимъ, но всѣмъ вообще сужденіямъ, оцѣниваемымъ съ точки зрѣнія истины; онъ, значитъ, долженъ быть признанъ и за вѣроятными только сужденіями: если ихъ вѣроятность раскрыта ясно, то она необходимо должна быть признана.

принятію ихъ въ качествѣ необходимыхъ. Является вопросъ: откуда же эти мысли могутъ получить необходимость? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и должно служить болѣе частное приложение общаго требованія истинности нашихъ мыслей, каковымъ и является законъ достаточнаго основанія. Переходъ отъ указаннаго требованія къ этому закону долженъ быть представленъ въ такомъ видѣ.

Мы сказали, что истина есть идеаль нашей мысли, а послѣдняя можетъ быть опредѣлена, какъ отношеніе мыслящаго субъекта къ какому-либо объекту. Въ чемъ же состоитъ это отношеніе? Оно не можетъ быть мыслимо, какъ полное совпаденіе объекта съ субъектомъ, потому что тогда всякое различіе между ними исчезаетъ, а при полномъ тождествѣ нѣтъ отношенія, а если нѣтъ послѣдняго, то нѣтъ и истины. Въ виду этого указанное отношеніе должно ограничиться возможно точнымъ воспроизведеніемъ объекта въ субъектѣ. А насколько оно можетъ быть точнымъ? Очевидно настолько, насколько это возможно при условіи, что бытіе не должно дѣлаться мыслию, а послѣдняя воспроизводимымъ бытіемъ, т. е., при условіи сохраненія и неприкосновенности специфическихъ отличій мышленія и бытія; мышленіе, стремящееся переступить предѣлы и условія своего существованія и чрезъ то разрѣшиться въ бытіе, этимъ само отъ себя отказывается, само себя, а слѣдовательно и познаніе, а ergo и истину разрушаетъ. Поэтому идеаломъ мышленія въ его отношеніи къ бытію должно служить согласіе перваго съ его собственной сущностію, съ его законами и условіями и въ немъ же, въ этомъ согласіи, значитъ, должна заключаться и истина; въ противномъ случаѣ ея для насъ совсѣмъ не существуетъ ¹⁾. А такъ какъ выше мы

1) Что отрицаніе законовъ и условій нашего мышленія, какъ послѣдняго ручательства истины для насъ, ведетъ къ безысходному скептицизму—это вещь повѣтная. Но съ другой стороны понятно также, что абсолютный скептицизмъ въ области философской мысли явленіе ненормальное и въ опроверженіи совсѣмъ не пуждается. Опровергать скептика—это все равно, что противопоставить горькому круглому, убѣждать больного, чтобы онъ выздоровѣлъ, или доказывать что-либо глухонѣмому посредствомъ словъ, въ частности доказывать ему, что онъ неразумно поступаетъ, не понимая насъ: какъ отъ глухонѣмого мы ничего не добьемся, кромѣ отрицательнаго жеста, такъ отъ скептика на всѣ наши опроверженія ничего не услышимъ, кромѣ его „не знаю“, и онъ, конечно, останется неуязвимъ.

опредѣлили истину, какъ условіе присущей нашимъ мыслямъ необходимости, то теперь можемъ сказать, что это условіе заключается въ согласіи мыслимаго содержанія съ законами и условіями нашего мышленія. Эти законы и условія мышленія предстоятъ нашему сознанію въ видѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ общихъ требованій и положеній, которыя, какъ условія истинности всего нашего познанія, сами не могутъ быть подвергасмы сомнѣнію относительно ихъ истинности: спрашивать объ ихъ истинности значитъ спрашивать объ ихъ согласіи съ самими собою, иначе, уже въ самомъ вопросѣ давать на него утвердительный отвѣтъ. Такъ какъ истина есть то, что вноситъ въ наше познаніе элементъ необходимости, то положенія, выражающія собою основныя требованія самой природы мышленія и, какъ мы сказали, служащія условіемъ истинны всѣхъ остальныхъ знаній, должны прежде всего въ себѣ самихъ, въ качествѣ послѣдняго завѣренія своей истины, носить признакъ необходимости. Таковымъ и является непосредственная очевидность и самодостовѣрность основоположеній нашего разума, съ принудительностію заставляющихъ признать себя подъ угрозой лишенія послѣдняго всѣхъ присущихъ ему правъ. Необходимость этихъ истинъ, основывающаяся на ихъ очевидности или лучше составляющая одно съ послѣднею, служить источникомъ необходимости, какую мы можемъ признавать за всякимъ другимъ познаніемъ; способъ же, посредствомъ котораго эти послѣднія получаютъ доступъ къ названному источнику необходимости, и есть законъ достаточнаго основанія.

Законъ достаточнаго основанія требуетъ, чтобы между основными и самодостовѣрными истинами нашего разума съ одной стороны, и между основнымъ разнообразнымъ содержаніемъ нашего познанія съ другой,—была связь, въ силу которой послѣднее отъ первыхъ заимствовало бы свою достовѣрность. Какъ же можетъ быть установлена эта связь? Послѣднія основоположенія нашего разума суть самыя общія и отвлеченныя схемы нашего познанія, матеріалъ же его, даваемый опытомъ, представляетъ собою всегда нѣчто конкретное, индивидуальное; очевидно, значитъ, что этотъ матеріалъ и названныя схемы суть два противоположныхъ полюса въ нашемъ познаніи, между

которыми непосредственной связи быть не можетъ: только рядомъ послѣдовательныхъ отвлеченій отъ конкретности матеріала или рядомъ ограниченій объема общихъ схемъ посредствомъ присоединенія къ нимъ конкретнаго содержанія можетъ быть установлена логическая связь между формою и содержаніемъ нашего познанія. Очевидно, значитъ, что законъ достаточнаго основанія не можетъ требовать, чтобы всякое положеніе въ нашемъ познаніи основывалось непосредственно на самодостовѣрныхъ положеніяхъ; требованіе его можно понимать только въ томъ смыслѣ, что каждая наша мысль должна утверждать свою истинность не по произволу ¹⁾, а на основаніи своей логической связи съ другою мыслию, которой истинность или, что то же, связь съ основными требованіями нашего разума уже установлена или имѣетъ быть установлена. Такимъ образомъ, послѣ сказаннаго мы можемъ опредѣлить законъ достаточнаго основанія, какъ такое требованіе, которое устанавливаетъ связь нашихъ мыслей между собою и съ основными истинами, вытекающими изъ самой природы нашего разума, и чрезъ то приводитъ насъ къ познанію, потому что безъ указанной связи и основательности мысли, какъ было уже сказано выше, познанія быть не можетъ.

Мышленіе наше въ приобрѣтеніи познаній можетъ идти двоякимъ путемъ: или переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, или брать неизвѣстное (конечно неизвѣстное со стороны своей достовѣрности) своимъ исходнымъ пунктомъ и для него подыскивать устанавливающія его достовѣрность извѣстныя. Сообразно съ этимъ и законъ достаточнаго основанія, руководящій устанавливаемою въ этомъ случаѣ связью мыслей, является въ двухъ видахъ: какъ законъ умозаключеній и законъ доказательствъ. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ: истинность основаній (будетъ ли она непосредственно очевидная, т. е., аксіоматическая, или также выведенная изъ постороннихъ основаній, которыя въ концѣ концовъ опираются на аксіомы нашего разума—это все равно) ручается за истинность и логическую необходимость правильно выведенныхъ слѣдствій;

¹⁾ Это былъ бы прямой абсурдъ, потому что истинное должно быть необходимымъ, а необходимость и произволъ взаимно уничтожающіеся величины.

во второмъ случаѣ требуетъ, чтобы достовѣрность всякаго положенія утверждалась за нимъ подъ условіемъ несомнѣнной его связи съ другимъ положеніемъ, истинность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію (опять или по непосредственной самодостовѣрности, или потому, что оно рядомъ другихъ посредствующихъ положеній связано съ самодостовѣрными истинами). Но въ томъ и другомъ случаѣ мы въ сущности имѣемъ одинъ и тотъ же законъ, требующій, чтобы всякая мысль, не имѣющая въ себѣ непосредственнаго ручательства за свою истину, заимствовала его отъ другой мысли, эти въ свою очередь, если она не самодостовѣрна, опирались на третью и т. д., пока не дойдемъ до истины самодостовѣрной, обосновывающей весь пройденный такимъ образомъ рядъ мыслей ¹⁾).

Изъ сказаннаго видно, что мы признаемъ законъ достаточнаго основанія закономъ демонстраціи и умозаключеній, потому что онъ имѣетъ приложеніе лишь тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто выводъ или обоснованіе истинности одной мысли изъ истинности другой. Но такое пониманіе разсматриваемаго закона вовсе не исключаетъ того взгляда на него, по которому онъ признается „всеобщимъ началомъ мышленія“ ²⁾), поскольку

1) Въ сущности весь указанный смыслъ разсматриваемаго закона вполне исчерпывается терминомъ „основаніе“. Спрашивается, что-жъ имѣетъ въ виду законъ, прибавляя къ этому термину еще другой, именно понятіе достаточности? Если понятіе „основаніе“ брать въ его полномъ значеніи, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о недостаточномъ основаніи: недостаточное основаніе не есть основаніе. Въ этомъ случаѣ слово „достаточный“ можетъ указывать только на то, что терминъ „основаніе“ берется въ его полномъ и подлинномъ значеніи. Но если понятіе достаточности ничего не прибавляетъ къ смыслу закона, то оно можетъ служить полезнымъ предостереженіемъ противъ возможныхъ его нарушеній: оно имѣетъ въ виду предупредить поставленіе въ логическую связь такихъ мыслей, между которыми этой связи нѣтъ, или поставленіе ихъ въ связь совершенно иную, чѣмъ такая между ними дѣйствительно находится по смыслу содержащихся въ нихъ понятій и по законамъ соединяющаго ихъ разума. Этотъ терминъ требуетъ: если даны послѣдкі, то изъ нихъ должно вылестись именно столько, сколько даетъ ихъ смыслъ и ни больше, ни меньше того, потому что первое вело бы прямо къ заблужденію, второе по крайней мѣрѣ къ односторонности; если доказывается извѣстное положеніе, то доказательства должны давать право утверждать, по крайней мѣрѣ, не какъ не меньше того, что содержится въ доказываемомъ положеніи.

2) См. Троицкаго „Учебникъ логики“ изд. 2-я, 108—109. Троицкій видимо отнесся къ числу противниковъ закона достаточнаго основанія и потому, намъ

каждый актъ послѣдняго претендуетъ на истинность и потому содержитъ въ себѣ скрытое умозаключеніе. Положимъ, что я мыслю какое-нибудь понятіе и при этомъ увѣренъ, что мыслимое мною понятіе истинно; вѣдь эта увѣренность, если она не хочетъ быть лишь субъективнымъ чувствомъ, должна имѣть основаніе, и послѣднее, чтобы не быть субъективнымъ, должно быть именно мыслью; если, напр., мое понятіе имѣетъ своимъ предметомъ какой либо объектъ внѣшняго чувственного воспріятія, то основаніемъ логической достовѣрности ¹⁾ понятія должно служить не *воспріятіе*, какъ таковое, а *мысль* о его истинности, т. е., мысль о томъ, что воспріятіе меня не обмануло, что оно дало именно то, что нужно для составленія моего понятія. Всѣ эти разсужденія обыкновенно сопровождаются понятіемъ *implicite*, какъ сами собою разумѣющіяся; но разъ понятіе высказано и хочетъ утвердить за собою право называться истиннымъ, то оно должно сослаться на постороннія основанія, значитъ, сопровождаться актомъ умозаключенія.

Такъ какъ область закона достаточнаго основанія совпадаетъ съ областью дискурсивнаго мышленія, а послѣднее находитъ свой предѣлъ въ основныхъ истинахъ разума, то здѣсь же оканчивается и приложимость разсматриваемаго закона: основныя истины разума не подлежатъ уже ему, поскольку не требуютъ основанія логическаго, основанія внѣ себя. Поэтому всякая попытка опосредствовать подобныя истины будетъ заключать въ себѣ логическій кругъ или тавтологію. Почему мы признаемъ положеніе, что всякая мысль должна быть тождественна сама съ собой? Потому что противоположное немислимо, скажемъ мы? Но сказать это не значитъ ли, вмѣсто того, что-

думается, преувеличиваетъ сбивчивость и неопредѣленность ученія о немъ; для этого онъ старается раздѣлять представителей ученія о немъ на два противныхъ другъ другу лагеря, изъ которыхъ одни признаютъ за законамъ основанія значеніе всеобщаго начала мышленія, другіе—значеніе начала умозаключеній; такое противопоставленіе является совершенно искусственнымъ по той простой причинѣ, что указанныя взгляды вовсе не исключаются взаимно, какъ то кажется Троицкому.

1) Логическую достовѣрность, какъ согласіе ума съ извѣстнымъ положеніемъ, нужно отличать отъ психологической достовѣрности, какъ простаго чувства увѣренности. ср. Sigwart, Logik, В. 1-й, 203—212.

бы опосредствовать мысль, просто на—просто повторить ее въ вѣсколько измѣненной формѣ: мы должны признать тожество мысли самой съ собою, потому что не можемъ не признать; но „должны признать“ и „не можемъ не признать“—не одно ли это и то же? Очевидно, отыскивая для мысли основаніе внѣ ея, мы только повторили ее же, т. е., къ ней опять возвратились. Сошлемся мы на природу нашего разума и скажемъ, что законъ тожества есть ея требованіе? Но на это намъ совершенно основательно могутъ возразить: если вы своею ссылкою хотите указать источникъ закона, то совершенно напрасно это дѣлаете, такъ какъ рѣчь идетъ не объ источникѣ закона, а объ основаніи для признанія его истинны; если же вы ею хотите указать именно такое основаніе, то вы ничего поваго опять не сказали, такъ какъ въ этомъ случаѣ слова ваши могутъ имѣть только тотъ смыслъ, что мы не можемъ думать иначе, а это есть, какъ уже сказано, только повтореніе той самой мысли, которую вы хотѣли обосновать. То же самое повторится, если мы вздумаемъ сослаться на очевидность закона тожества. Усмотрѣніе этой очевидности или самодостовѣрности и есть актъ признанія истинны, а для этого акта мы и ищемъ основаній; поэтому на вопросъ объ основаніи принятія данной истинны ссылаться на ея очевидность—это значитъ описывать тотъ самый актъ, для котораго мы ищемъ объясненій, значитъ отвѣчать на вопросъ: *какъ* (мы признаемъ), а не *почему*. Отсюда видно, что истина этихъ положеній не выводится откуда либо; ова воспринимается непосредственнымъ, интуитивнымъ путемъ и въ этомъ самомъ фактѣ воспріятія ея находится и основаніе для ея признанія, очевидно основаніе уже не логическое, но, если такъ можно назвать его, разумно-психологическое. На всѣ наши вопросы „почему“ мысль находить возможнымъ только констатировать фактъ, показывая тѣмъ самымъ, что здѣсь мы имѣемъ пограничную линію между бытіемъ и познаніемъ, гдѣ области ихъ совпадаютъ ¹⁾ и перейти которую для разума нельзя, не переставая быть тѣмъ, что онъ есть.

1) Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что на всѣ наши вопросы объ основаніи истинъ разумъ въ концѣ концовъ долженъ сослаться на ихъ причину, т. е. на свою природу.

Законъ достаточнаго основанія сталъ разсматриваться въ качествѣ логическаго закона въ сравнительно недавнее время, именно со времени Лейбница, который впервые говоритъ о немъ, какъ объ особомъ законѣ, долженствующемъ занять мѣсто въ логикѣ наряду съ закономъ противорѣчія; до этого времени законъ достаточнаго основанія смѣшивался или прямо отождествлялся съ закономъ причинности: понятія *causa* и *ratio* не только у древнихъ, но и у новыхъ философовъ (Декартъ, Спиноза) считались взаимно-замѣнимыми. Но и самъ Лейбницъ, указавшій впервые на законъ основанія, какъ на логическій законъ, не опредѣлилъ ясно его отличія отъ закона причинности, и даже видимо смѣшиваетъ его съ послѣднимъ, когда, напр., говоритъ, что „ничто не *происходитъ* безъ достаточнаго основанія“ ¹⁾; во всякомъ случаѣ Лейбницъ ограничивалъ приложимость закона основанія лишь областью эмпирическихъ познаний и думалъ, что основаніе послѣднихъ должно соответствовать реальнымъ причинамъ фактовъ: никакой фактъ, по его мнѣнію, и никакое положеніе не могутъ быть признаны въ качествѣ истинныхъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній для ихъ существованія именно въ данномъ, а не въ иномъ видѣ, „хотя очень часто эти основанія намъ и неизвѣстны“ ²⁾; послѣдняя фраза особенно характеристична, какъ доказательство того, насколько смутное понятіе имѣлъ Лейбницъ о выставленномъ имъ впервые логическомъ законѣ достаточнаго основанія. Послѣ Лейбница еще долгое время толковали о законѣ основанія, ясно не умѣя опредѣлить его смыслъ и отличіе отъ закона причинности. Первый, кажется ³⁾, Кантъ рѣшительно отмѣтилъ различіе между двумя сходными, и, какъ увидимъ, по самой природѣ своей весьма близкими законами. Но и послѣ Канта мы встрѣчаемъ мыслителей, которые подобно Лейбницу полагали, что основаніе въ мысли должно совпадать съ реальными причинами бытія ⁴⁾.

1) Ed. König, Die Entwicklung, des Causalproblems von Cartesias bis Kant, 122.

2) Ibid.

3) Шопенгауэръ, О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія, пер. Фета, изд. 1886, стр. 20.

4) См. напр. Ueberweg's Logik, 203; еще большую спутанность понятія о законѣ достаточнаго основанія можно видѣть у Грота (Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности, 23—24 и др.).

При такой сбивчивости и смутности понятія о законѣ достаточнаго основанія ученіе о немъ, естественно, не успѣло пріобрѣсти себѣ прочнаго мѣста въ логикѣ даже до сего времени. Въ то время какъ одни писатели по логикѣ не считаютъ даже нужнымъ говорить о его правахъ на существованіе въ этой наукѣ и безъ всякаго оправданія его, какъ логическаго принципа, вводятъ его въ свои логики, другіе не находятъ нужнымъ даже упоминать о немъ въ своихъ трудахъ по логикѣ или упоминаютъ лишь затѣмъ, чтобы отвергнуть его, какъ совершенно пелужный въ наукѣ о нормахъ мышленія. Положеніе вопроса, конечно, далеко не нормальное, потому что по меньшей мѣрѣ странно разсуждать о предметѣ, не справившись впередъ, существуетъ ли этотъ предметъ, или мы попусту тратимъ слова о словахъ же, которыя сами, Богъ знаетъ, зачѣмъ выдумали. Итакъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ законъ основанія, какъ законъ нашего мышленія? Наше непосредственное сознаніе говоритъ каждому изъ насъ, что такой законъ дѣйствительно существуетъ и что безъ него само мышленіе, какъ рядъ отличающихся другъ отъ друга и въ то же время связанныхъ другъ съ другомъ актовъ, существовать не можетъ. Почему-жъ тогда отрицаютъ его право на существованіе? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ приходится обратиться къ самимъ представителямъ указаннаго отрицанія. Таковыми являются въ нашей русской литературѣ по логикѣ профф. Владиславлевъ и Троицкій; ихъ возраженія противъ закона достаточнаго основанія мы и разсмотримъ кратко.

Проф. Владиславлевъ отвергаетъ разсматриваемый законъ на основаніяхъ троякаго рода: 1-е изъ нихъ то, что „мысль можетъ быть твердою и крѣпкою, и не удовлетворяя ему“; 2-е то, что требованіе достаточнаго основанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ не приложимо (въ примѣрѣ указываются аксіомы и художественныя произведенія), наконецъ 3-е указываетъ на неопредѣленность закона, которая будто бы дѣлаетъ совсѣмъ непонятнымъ, чего законъ требуетъ¹⁾. Первые два возраженія противъ закона основанія настолько несерьезны, что даже

¹⁾ Владиславлевъ, Логика, стр. 23—24.

странно ихъ видѣть въ книгѣ, написанной профессоромъ философіи. Онъ забываетъ очевидно, что рассматриваемый законъ имѣетъ свою область примѣненія, въ которой искать его предложенія можно лишь по недоразумѣнію: если законы тяжести не примѣнимы къ явленіямъ психическаго міра, то слѣдуетъ ли отсюда, что эти законы не имѣютъ своего права на существованіе въ физикѣ? или еще ближе: если законы эстетики не примѣнимы къ области мысли, то слѣдуетъ ли отсюда несостоятельность названныхъ законовъ? Мы не отрицаемъ того, что мысль, не удовлетворяя закону основанія, можетъ быть твердою и крѣпкою, если ее рассматривать, напр., какъ актъ психическаго бытія, но если ее рассматривать, какъ актъ познавательный и потому претендующій на истинность, то она уже не можетъ обойтись безъ закона основанія: въ первомъ случаѣ она, какъ фактъ психической жизни, входитъ въ область законовъ бытія, во второмъ же въ качествѣ акта познанія входитъ уже въ область законовъ послѣдствія и въ частности въ область закона основанія. Итакъ мысль, можетъ быть, и бываетъ когда-нибудь прочной и крѣпкой¹⁾, не удовлетворяя закону основанія, но это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда она выходитъ изъ сферы приложимости закона основанія, какъ закона познанія. Что касается далѣе аксіомъ, то, какъ мы видѣли, онѣ не подчиняются закону основанія также потому, что выходятъ за предѣлы дискурсивнаго мышленія, которое собственно и составляетъ сферу приложимости закона основанія. Наконецъ, ссылка на художественныя произведенія едва ли лучше того, какъ если бы Владиславлевъ указалъ на независимость пищеварительныхъ процессовъ отъ закона достаточнаго основанія. Гораздо серіознѣе послѣднее основаніе, на которое ссылается Владиславлевъ и, кажется, не одинъ онъ, а и всѣ отрицающіе законъ достаточнаго основанія, какъ особый логическій принципъ; проф. Троицкій, въ этомъ случаѣ, присоединяясь

1) Выражаемся такъ неопредѣленно, потому что очень трудно понять, что нужно разумѣть подъ „твердостью и крѣпкостью мысли“, не удовлетворяющей закону основанія, т. е., заведомо ложной? отсутствіе противорѣчія? но Владиславлеву хорошо извѣстно (его Логика 17 стр.), что это далеко и все, что требуется отъ мысли, какъ акта познавательнаго.

къ числу ихъ, говоритъ: „отрицатели этого начала правы въ томъ отношеніи, что они не усматриваютъ, какую бы пользу для логики можно было извлечь изъ этого голословнаго требованія основательности умозаключеній, которыми хотятъ замѣнить ихъ дѣйствительныя основанія, т. е., аксіомы, дедукціи и индукціи“¹⁾. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ: правда ли, что дѣйствительными основаніями дедукціи и индукціи служатъ выставленныя у Троицкаго аксіомы, а законъ основанія служитъ только ихъ замѣною, или скорѣе правду пужно видѣть въ обратномъ представленіи дѣла. Очевидно, что сила возраженія заключается въ томъ, что законъ основанія, какъ не содержащій въ себѣ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній смысла своихъ требованій и потому совершенно бесполезный для нашего познанія, eo ipso лишенъ права занимать мѣсто въ логикѣ. Мы спросимъ прежде всего: чѣмъ должна руководствоваться логика для признанія или непризнанія извѣстныхъ законовъ въ качествѣ законовъ нашей мысли: должна ли она имѣть въ виду практическую пользу законовъ, и сообразно съ этою цѣлію совершенно произвольно ихъ придумывать, или, наоборотъ, она должна только формулировать лишь тѣ законы, которые въ качествѣ необходимыхъ условій мышленія нераздѣльно съ нимъ даны намъ въ сознаніи нашемъ? Думаемъ, что самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о задачахъ логики достаточно, чтобы видѣть правду на сторонѣ послѣдней именно мысли. Если же теперь мы примемъ во вниманіе, что законъ основанія есть требованіе, необходимо предъявляемое нашимъ сознаніемъ ко всѣмъ претендующимъ на истину актамъ мышленія, и обуславливаетъ собою самую возможность достиженія послѣднимъ своего назначенія, т. е. познанія, то намъ будетъ, конечно, очень хорошо понятно, что одна лишь неопредѣленность закона, затрудняющая его практическое примѣненіе, не можетъ служить основаніемъ для его отрицанія: этотъ законъ есть фактъ нашего сознанія, который уже въ силу своего несомнѣннаго и притомъ необходимаго существованія никакъ не можетъ быть отрицаемъ. Чтожъ касается практической бесполезности закона, обусло-

1) Учебникъ Логикѣ, кн. 2, 110.

вленной его неопредѣленностию, то и она—эта бесполезность, очевидно, преувеличивается противниками закона: вѣдь нельзя же сказать, чтобы каждый развитой человѣкъ не понималъ, что отъ него требуетъ законъ основанія; смыслъ его требованій конечно лучше познается непосредственно, чѣмъ поддается какой-либо опредѣленной словесной формулѣ, но нужно вѣдь замѣтить, что такова судьба всѣхъ первоосновныхъ и невыводныхъ истинъ нашего мышленія; онѣ сами по себѣ безотчетны и потому во всѣхъ ихъ формулахъ остается нѣчто недосказанное, хотя само собою понятное. Проф. Владиславлевъ думаетъ, что эта неопредѣленность можетъ создать затрудненіе въ примѣненіи этого закона; „здѣсь, говоритъ онъ, возникаютъ сомнѣнія: чѣмъ руководиться при обсужденіи, основана или не основана мысль, какіе признаки достаточности основанія и т. д.“. На это мы спросимъ только: а чѣмъ руководиться для признанія тождества мысли самой съ собою? Повидимому, очень странный вопросъ, а онъ именно такой же, какой предлагаетъ и Владиславлевъ. Тождество мыслей усматривается нами непосредственно и правилъ, которыми мы здѣсь руководимся, никакъ даже невозможно формулировать; мало того, приемы, которые мы здѣсь употребляемъ, такъ просты и непосредственны, такъ тѣсно связаны съ самой сущностию мышленія, что намъ даже страннымъ кажется вопросъ о правилахъ, которымъ они подлежатъ, кажется даже, что такихъ правилъ и совсѣмъ нѣтъ. То же самое нужно сказать и о законѣ основанія. Приложение его къ каждому частному случаю происходитъ совершенно непосредственно, безъ раздѣльнаго сознанія руководящихъ нами въ этомъ случаѣ правилъ; связь мыслей по закону основанія не нуждается въ какихъ либо ясно сформулированныхъ внѣшнихъ признакахъ, по которой можно было бы ее узнать, но усматривается нами чисто интуитивнымъ путемъ, хотя можетъ быть усмотрѣніе это и труднѣе, чѣмъ усмотрѣніе тождества, но по крайней мѣрѣ оно настолько безотчетно и потому неопредѣлимо посредствомъ точныхъ терминовъ ¹⁾).

Теперь остановимся кратко на тѣхъ аксіомахъ, которыя вво-

¹⁾ Можно указывать частные случаи и виды связи, но не признаки ея, которые сами по себѣ непереводимы на словесныя выраженія.

дить проф. Троицкій ¹⁾ на мѣсто закона достаточнаго основанія: суть ли онѣ первоначальныя требованія нашего разума или выводныя, и служить ли поэтому законъ основанія ихъ замѣною, или наоборотъ онѣ подставляются на подмѣну этого закона? Первая изъ этихъ аксіомъ говоритъ: „что истинно относительно цѣлаго класса, то истинно относительно каждой вещи, какъ принадлежащей къ этому классу“. Спрашивается, есть ли эта истина первоначальная, не сводимая на другія болѣе общія основныя требованія нашего разума? Очевидно, что она не только не исключаетъ закона основанія, а напротивъ есть только частный видъ его приложенія, потому что „право“ говоритъ о какой-либо вещи, какъ о принадлежащей къ извѣстному классу, и есть *основаніе* для признанія за ней тѣхъ признаковъ, которые общи всему классу. Что же касается самаго этого „права“, то оно безъ сомнѣнія предполагаетъ законъ тождества, заставляющій видѣть тождество общаго понятія съ подчиненнымъ ему частнымъ, за исключеніемъ индивидуальныхъ признаковъ послѣдняго. Но, можетъ быть, и дальнѣйшая операція, т. е., призваніе за данною вещію того признака, который принадлежитъ цѣлому классу, на основаніи отождествленія нѣкоторыхъ (общихъ) признаковъ вещи съ признаками класса, эта операція, говоримъ, есть то же приложеніе закона тождества, а не закона основанія? Если бы это и было такъ, то говорило бы не въ пользу Троицкаго, а въ пользу того мнѣнія, что законъ достаточнаго основанія по крайней мѣрѣ въ случаяхъ рассматриваемаго рода можетъ быть сведенъ на законъ тождества. Но и этого въ давномъ случаѣ нельзя сказать. Для ясности мы возьмемъ примѣръ. Положимъ, дано такое ум. заключеніе: всѣ организмы разрушимы;—деревья суть организмы; слѣдовательно деревья разрушимы. Мы говоримъ, что дерево относится нами къ классу организмовъ на основаніи усматриваемаго нами тождества между нѣкоторыми признаками дерева и признаками, мыслимыми нами въ понятіи организма. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, признаніе за деревомъ признака организмовъ—разрушимости не совершается

1) Троицкій. Учебникъ Логикѣ, в. 2, 106.

ли также по закону тождества, и не состоятъ ли только въ усмотрѣніи въ обоихъ отождествленныхъ понятіяхъ одного и того же признака? Извѣстно каждому, что нѣтъ: оно не состоитъ въ *усмотрѣніи* уже существующаго въ понятіяхъ тождества, а въ *перенесеніи* извѣстнаго признака съ одного понятія, въ которомъ онъ уже мыслился, на другое, которое въ извѣстномъ смыслѣ признано тождественнымъ съ первымъ, но въ которомъ онъ прежде не мыслился. Значитъ здѣсь мы имѣемъ процессъ мысли, не основанный на непосредственно усматриваемомъ тождествѣ, а только посредственнымъ путемъ приводящій къ его признанію. Если бы мы на самомъ дѣлѣ непосредственно усматривали въ понятіи дерева признакъ разрушимости (а это вѣдь и нужно для признанія его тождества съ соотвѣтствующимъ признакомъ понятія организма), то тогда вся наша работа мысли, потраченная на выводъ умозаключенія, оказалась бы совершенно праздною, потому что мы тогда искали, то, что дано намъ прежде всякихъ поисковъ. Такимъ образомъ первая аксіома Троицкаго не можетъ быть отнесена къ числу первоначальныхъ требованій мышленія, по предполагаетъ уже данными законы тождества и основанія.

Другая, выставленная Троицкимъ, аксіома говоритъ: „изъ истинныхъ посылокъ, при правильномъ выводѣ, нельзя получить ложнаго слѣдствія“. Здѣсь мы видимъ только частную формулу закона основанія, потому что аксіому Троицкаго можно перефразировать такъ: истинныя послылки не могутъ служить основаніемъ ложнаго слѣдствія; а такъ какъ далѣе послылки и суть именпо основанія по отношенію къ своимъ слѣдствіямъ, то то же положеніе можно выразить въ словахъ: „изъ истинныхъ основаній не могутъ вытекать ложныя слѣдствія“; что эта формула есть только частное примѣненіе закона основанія — это уже видно само собою. Главнымъ мотивомъ для проф. Троицкаго при введеніи разсматриваемыхъ аксіомъ въ логику вмѣсто закона основанія служила неопредѣленность послѣдняго, оставляющая открытымъ вопросъ о томъ, какое основаніе нужно признать достаточнымъ. Но такъ какъ приведенная нами вторая аксіома Троицкаго есть только видоизмѣненіе того же отрицаемаго имъ закона, то указанный вопросъ и здѣсь дол-

жевъ имѣть мѣсто; и онъ дѣйствительно не только имѣеть здѣсь мѣсто, но и остается въ томъ же самомъ положеніи (т. е. безъ отвѣта), какъ и во всякой другой формулѣ закона, хотя Троицкій этого и не замѣчаетъ; не замѣчаетъ же очевидно потому, что съ видоизмѣненіемъ формулы закона и самый вопросъ долженъ измѣнить свою словесную форму: приведенная Троицкимъ аксіома оставляетъ въ полной силѣ вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ „правильностію вывода слѣдствій изъ основаній, какіе ея признаки; въ общемъ смыслѣ это именно и есть вопросъ о признакахъ связи основаній со слѣдствіями, т. е., тотъ самый вопросъ, который привелъ въ смущеніе проф. Владиславлева и Троицкаго, заставивъ ихъ отказаться отъ закона достаточнаго основанія, и который, повторимъ, съ нашей точки зрѣнія разрѣшается легко въ томъ смыслѣ, что искомые здѣсь признаки не добываются путемъ отвлеченнаго мышленія, а усматриваются интуитивно, а потому естественно и не поддаются точному словесному опредѣленію.

Третья аксіома проф. Троицкаго (все возникающее имѣеть свою причину) есть очевидно не что иное, какъ законъ причинности. Объ отношеніи его къ закону основанія мы будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь замѣтимъ только, что Троицкій совершенно напрасно помѣщаетъ его между началами умозаключеній, т. е., въ формальной логикѣ, когда очевидно, что этотъ законъ управляетъ не самими процессами нашей мысли, а только тѣмъ, что составляетъ ея матеріалъ, т. е., объективно-познаваемымъ опытомъ, и соотвѣтственно этому самъ можетъ служить лишь матеріаломъ, а не формальнымъ принципомъ для познавательныхъ актовъ мысли.

Такимъ образомъ мы теперь положительно можемъ сказать, что устраненіе закона достаточнаго основанія изъ числа нормъ или законовъ мышленія не имѣеть для себя достаточныхъ основаній.

II. Законъ причинности.

Судьба вопроса о законѣ причинности поучительна настолько же и въ томъ же отношеніи, какъ и судьба любой другой философской проблемы. Исторія этого вопроса начинается въ

самыхъ первыхъ проблескахъ философствующей мысли человечества и, кажется, никогда не достигнетъ своего конца; едва ли есть еще предметъ, о которомъ говорили бы больше, чѣмъ о причинахъ и законѣ причинности, и при всемъ томъ многія стороны вопроса едва ли когда дождутся вполне опредѣленнаго и всеми согласно признаваемаго раскрытія. Такую судьбу закона раздѣляютъ, какъ сказано, всѣ философскіе вопросы, и объясняется она не случаемъ, а самымъ существомъ этихъ вопросовъ; именно, сверхъопытною и неопредѣленною лежащихъ въ основѣ ихъ понятій. Возьмемъ мы на самомъ дѣлѣ понятіе „субстанція?“ На первый вопросъ о томъ, что такое субстанція, получается еще довольно опредѣленный и, главное, всеми признаваемый отвѣтъ: субстанція есть пребывающая основа всѣхъ наблюдаемыхъ въ предметѣ состояній и измѣненій. Но если мы вздумаемъ не остановиться на этомъ, а продолжать свои вопросы, если мы, напр., вздумаемъ спросить, что жъ такое представляетъ собою эта основа, то тутъ уже является чрезвычайное разнообразіе отвѣтовъ, которое свести воедино не всегда бываетъ возможно, и все дѣло будетъ зависѣть конечно отъ того, что неопредѣленность понятія не указываетъ съ необходимостію, какіе конкретные признаки должны быть мыслимы въ его содержаніи, а можетъ быть даже и исключаетъ само по себѣ мыслимость этихъ конкретныхъ признаковъ. Точно также дѣло обстоитъ и съ закономъ причинности. На первый вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ закономъ причинности, каждый, кто понимаетъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь, непременно отвѣтитъ безъ затрудненій, что это такой законъ, по которому для насъ совершенно немыслимо, чтобы что-нибудь произошло (начало быть), не имѣя на то причины внѣ себя. Но если спросить, въ чемъ же именно состоитъ отношеніе происходящаго къ своей причинѣ, и что такое сама эта причина, то тутъ возникаютъ едва ли чѣмъ устранимыя разногласія: одни говорятъ, что причинность есть только безусловная послѣдовательность, другіе стараются сблизить ее съ закономъ сохраненія энергіи, третьи объявляютъ, что причинность можетъ быть мыслима лишь, какъ творчество. Здѣсь мы постараемся прежде всего опредѣлить источникъ разногласій.

Онъ, вообще говоря, лежитъ въ томъ, что каждое направленіе въ разрѣшеніи вопроса о законѣ причинности, прежде чѣмъ опредѣлить точнымъ образомъ то, что можно сказать о законѣ несомнѣннаго, старается привести пѣчто такое, что можетъ еще подлежать сомнѣнію, т. е., извѣстное, непосредственно присущее нашему сознанию понятіе причинности они стараются напередъ истолковать путемъ сопоставленія съ другими, уже имѣющимися въ умѣ понятіями,—умозрительными или опытными, или тѣми и другими вмѣстѣ, и затѣмъ полученное такимъ путемъ *толкованіе* закона причинности выдаютъ за его непосредственный и первоначальный смыслъ; но очевидно, что за правильность толкованія этого ручается уже не непосредственное сознаніе, а достоинство того міровоззрѣнія, которымъ толкованіе обусловлено. А такъ какъ одно прочное и для всѣхъ одинаково и окончательно убѣдительно міровоззрѣніе есть только идеаль философіи, то и одвообразное пониманіе и толкованіе закона причинности также остается идеаломъ, степень достиженія котораго зависитъ отъ степени достиженія перваго. Вотъ почему нужно, провести строгую границу между непосредственно и неоспоримо присущимъ закону смысломъ и тѣмъ, что составляетъ толкованіе его при помощи постороннихъ понятій и что можетъ быть принято лишь съ большею или меньшею вѣроятностью, пока не доказано съ очевидностію и необходимостію, что эти привнесенныя отвнѣ понятія во 1-хъ, несомнѣнны въ своей внутренней истинности и во 2-хъ, суть именно тѣ, съ которыми долженъ быть поставленъ въ связь законъ причинности и что ни съ какимъ другимъ понятіемъ онъ въ такую связь поставленъ быть не можетъ. Но такъ какъ, повторяемъ, послѣдняя задача очевь трудна и сложна, то и надежды на ея полное разрѣшеніе вообще, а тѣмъ болѣе на скорое разрѣшеніе мало.

Какой же смыслъ несомнѣнно соединяемъ и должны соединять мы съ понятіемъ о законѣ причинности? Извѣстно, что для закона причинности чаще всего указываютъ отрицательную формулу: пичто не происходитъ безъ причины (извѣстное латинское „ex nihilo nihil fit“ здѣсь лучше было бы видоизмѣнить въ „per nihilum nihil fit“), и мы сознаемъ, что такая

формула дается закону причинности не случайно, а потому что она удачнѣе и непосредственнѣе всего выражаетъ собою неотдѣлимый отъ нашего сознанія постулатъ причинности вещей; этотъ постулатъ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ носить отрицательный характеръ, именно: онъ отрицаетъ возможность случайнаго происхожденія. Отрицаніе же случая есть утвержденіе необходимости. Поэтому законъ причинности есть принципъ, устраниющій случай въ происхожденіи вещей и устанавливающій въ немъ необходимость. Такъ какъ далѣе случайность синонимъ беспорядка, а напротивъ порядокъ мыслимъ только тамъ, гдѣ есть необходимость (какого-бы то ни было рода—идеальная или механическая), то, примѣняя эти соображенія къ закону причинности, мы должны признать за нимъ роль вполне аналогичную той, какую имѣетъ законъ достаточнаго основанія, именно: законъ причинности долженъ устанавливать связь и порядокъ между моментами конечнаго бытія, какъ законъ достаточнаго основанія устанавливаетъ ихъ между моментами познанія, и какъ послѣднее безъ закона основанія не могло бы существовать, такъ и первое въ качествѣ единаго цѣльнаго міра невозможно безъ закона причинности. Очевидно, впрочемъ, послѣдній сдѣланный нами выводъ о законѣ причинности, какъ законѣ взаимной связи вещей, предполагаетъ одну не поставленную нами посылку, именно, мысль о томъ, что необходимость происходящей вещи должна лежать *внѣ* ея и потому должна обуславливать ея связь съ другою вещію. Но эту посылку поставить очень не трудно. Дѣло въ томъ, что внутренняя необходимость *происходящей* вещи есть вопіющее логическое противорѣчіе: происхожденіе вещи предполагаетъ ея предварительное небытіе; но возможность небытія вещи есть уже само по себѣ отрицаніе внутренняго присутствія въ ней необходимости бытія; значитъ изъ понятій необходимости и происхожденія по закону противорѣчія съ совершенною очевидностью вытекаетъ зависимость происходящей вещи отъ чего-либо ей внѣшняго. Итакъ, если вѣрно, что законъ причинности устраняетъ случайность происхожденія, и если вѣрно далѣе, что случайность противоположна необходимости ¹⁾, то

1) Случайности можно повидному противопоставить разумность, по это лишь постольку, поскольку разумность носить въ себѣ моментъ необходимости, и па-

раскрытій выше смыслъ закона причинности несомнѣнно ему долженъ принадлежать.

Возможенъ, правда, и еще шагъ въ раскрытїи закона, безъ нарушенїя его достовѣрнаго смысла, но тогда уже вужно помнить, что мы имѣемъ дѣло не съ самымъ закономъ, а съ выводами изъ него. Эти выводы, хотя и вполне законные, не заключаются въ немъ непосредственно и по тому самому не носятъ въ себѣ той очевидности, какая присуща непосредственному смыслу закона. Необходимость, которую мы, въ силу закона причинности, приписываемъ всему происходящему, должна быть понимаема нами, какъ совнѣ данная полнота условїй бытїя. Но въ такомъ случаѣ строгое пониманїе закона причинности непремѣнно выводитъ насъ за предѣлы явленїй. На самомъ дѣлѣ явленїе А можетъ имѣть мѣсто въ природѣ только тогда, когда существуютъ на лицо $B+C$; но для того, чтобы были на лицо $B+C$, должны быть еще прежде на лицо $D+F+G+H$, и данность этихъ послѣднихъ необходима для А, поскольку необходима для $B+C$. Иначе говоря, въ числѣ условїй каждаго явленїя предполагается и то, чтобы было условїе его ближайшихъ условїй; и что, чтобы было условїе этого условїя и т. д. до того предѣла, на которомъ условїя сами перестаютъ быть условными. И это безусловное необходимо должно предположить, чтобы получить полноту условїй для даннаго намъ явленїя, потому что самъ по себѣ рядъ условныхъ никогда не даетъ полноты условїй для даннаго явленїя, какъ десятичная періодическая дробь 0, (9) никогда не дастъ единицы; сколько бы разъ мы не повторяли цифру 9. Иначе говоря, если всякое происхожденїе предполагаетъ предшествующую ему необходимость бытїя, то такая необходимость, если только она есть; а не составляетъ нашей иллюзіи, предполагаетъ лежащее въ основѣ всякаго происхожденїя вѣчто пребывающее. На самомъ дѣлѣ: если вѣтъ такового, тогда значить есть только происходящее, а послѣднее не имѣетъ въ себѣ необходимости; слѣдова-

оборотъ послѣдняя—моментъ разумности: насколько случай слѣизъ, настолько необходимость разумна; если же иногда говорить о слѣпой необходимости, то вѣтъмъ лишь хотѣтъ въ сущности указать на ея непреложность, а не на неразумность.

тельно отсутствіе чего-либо неприсходящаго ведетъ къ отрицанію всякой необходимости, а если нѣтъ необходимаго, то не можетъ быть и происхожденія, потому что послѣднее предполагаетъ предварительную необходимость, по закону причинности. Такъ законъ причинности, если онъ не хочетъ придти къ отрицанію происхожденія, а вмѣстѣ съ нимъ всякаго бытія и наконецъ себя самого, долженъ самъ себя ограничить, т. е., долженъ признать нѣчто такое, что не происходитъ и даетъ возможность другому происходить; это неприсходящее очевидно не имѣетъ причины, поскольку послѣдняя нужна лишь для происхожденія. Итакъ, если въ нашихъ разсужденіяхъ нѣтъ логическихъ ошибокъ, то все сказанное несомнѣнно вытекаетъ изъ присущаго нашему сознанію закона причинности, и потому мы должны или совсѣмъ отвергнуть законъ причинности, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ его даетъ непосредственное сознаніе, или принять все то, что выведено изъ него по необходимымъ логическимъ законамъ: или правда, что законъ причинности устрояетъ случай и требуетъ необходимости въ происхожденіи вещей, и тогда за необходимыми логическія послѣдствія этого закона должно быть принято все то, что выведено нами изъ указанныхъ положеній; или неправда, что законъ причинности заключается въ указанныхъ требованіяхъ, но тогда нельзя указать ничего такого, въ чемъ онъ могъ бы заключаться.

Итакъ, на основаніи сказаннаго, мы опредѣляемъ законъ причинности какъ такой законъ, по которому всякое происхожденіе должно быть понято, какъ необходимый результатъ внѣшнихъ условій. Нѣтъ-ли однако возможности дать этому требованію закона большую опредѣленность? Нѣтъ-ли, т. е., возможности опредѣлить, въ чемъ именно должно заключаться требуемое отношеніе между дѣйствіемъ и его причиной? На этотъ вопросъ возможны различныя отвѣты, и здѣсь-то именно заключается источникъ равногласій о законѣ причинности. Мы для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, разсмотримъ главнѣйшія направленія въ его разрѣшеніи. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ совершенное отрицаніе специфическаго характера, причинной связи, т. е., находимъ попытку замѣнить понятіе причинной связи понятіемъ простой послѣдовательности. Но на эту

попытку въ виду ея прямого противорѣчія несомнѣнному факту существованія въ насъ понятія причинности, специфически-отличнаго отъ понятія простой послѣдовательности, можно лишь указать. Это воззрѣнiе является, результатомъ предвзятой мысли объ опытномъ происхожденiи идеи причинности.—По другой теорiи въ первый разъ высказанной Бэнномъ ¹⁾, законъ причинности сближается съ закономъ сохранения энергiи. Очень возможно, что въ мiрѣ матеріальныхъ явленiй эти два закона и совпадаютъ. Но поскольку указанная теорiя хочетъ быть всеобщей формулой ²⁾ закона причинности, она должна быть отвергнута, какъ не адекватная его прямому смыслу. На самомъ дѣлѣ, эта теорiя предполагаетъ, что причина должна переходить въ свое дѣйствiе и послѣднее есть только видоизмѣненiе своей причины. Такое представление отношенiя между причиною и дѣйствiемъ нельзя назвать единственно мыслимымъ; по крайней мѣрѣ человѣчество, не исключая и наиболее развитыхъ его представителей, всегда находило возможнымъ мыслить причину творческую, которая въ свои дѣйствiя не переходитъ и въ нихъ не исчерпывается; факты такой причинности всегда признавались въ области человѣческой и божеской дѣятельности. Источникъ односторонности разсматриваемой теорiи очевиденъ. Законъ причинности самъ по себѣ констатируетъ необходимость связи извѣстнаго явленiя съ чѣмъ-либо ему вышнимъ; связь требуется такая, чтобы въ томъ, что предшествуетъ явленiю, были даны всѣ условiя его бытiя. Но въ чемъ должны заключаться эти условiя? На этотъ вопросъ законъ причинности отвѣта не даетъ; для него это вопросъ безразличный, лишь бы даны были *все* условiя бытiя явленiя, дабы его происхожденiе не было дѣломъ случая. Но указанная теорiя хочетъ устранить эту неопредѣленность закона, а такъ какъ самъ онъ не содержитъ въ себѣ для этого данныхъ, то приходится обращаться къ другимъ понятiямъ; такимъ отвѣтъ привносимымъ понятiемъ въ

¹⁾ Троицкiй Учебн. Логикъ 169—174 вк. 2-я.

²⁾ Самъ Бэнъ впрочемъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ ней такую формулу по его послѣдователю въ этомъ отношенiи не всегда обнаруживаютъ свойственную ему осторожность.

нашемъ случаѣ служить понятіе энергіи. Неудобство формулы, построенной на этомъ понятіи, оказалось въ томъ, что она безъ пужды суживаетъ смыслъ закона, исключая совершенно мыслимую по существу дѣла творческую причинность. Совершенно противоположный этому опытъ опредѣленія причинности даетъ профессоръ Лопатинъ во второй части своего извѣстнаго труда: „Положительныя задачи философіи“. Онъ не только признаетъ лежацій въ основѣ всякой причинности творческій актъ, а пытается понятіе творчества отождествить съ общимъ и непосредственнымъ смысломъ закона причинности, отчего послѣдняя у него сама по себѣ обращается въ творчество; по крайвей мѣрѣ, по его словамъ, „весь смыслъ закона причинности заключается въ утверждаемомъ имъ отношеніи всякаго явленія къ осуществляющейся въ немъ *дѣятельной* мощи“ ¹⁾. Въ обоснованіе своей мысли онъ ссылается на обыкновенное общечеловѣческое повиманіе причинности, по которому „истинная причина есть то, что доподлинно носить въ себѣ положительную мощь своего дѣйствія“ ²⁾. Наконецъ непосредственно съ этимъ связывается у г. Лопатина мысль о томъ, что дѣйствіе не предопредѣлено въ своей причинѣ съ необходимостію, или что мы по крайней мѣрѣ можемъ и не мыслить такого отношенія между причиною и дѣйствіемъ. ³⁾ Что мы дѣйствительно, когда хотимъ понятію причинности придать извѣстнаго рода конкретность и представимость, мыслимъ ее, какъ отношеніе явленія къ осуществленной имъ дѣятельной мощи, т. е., во аналогіи съ отношеніемъ нашихъ волевыхъ актовъ къ субъекту ихъ—волѣ—это вѣрно, потому что, выражаясь словами Лопатина, „всякое содержательное (т. е., сопровождаемое опредѣленными конкретными признаками) понятіе должно выростать *на почвѣ* какого нибудь *воззрительнаго матеріала*“ ⁴⁾ (но едва ли непременно *изъ* самаго *матеріала*). Но что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, т. е., что *понятія* причинности и производящей дѣятельности совпа-

1) Лопатинъ. Положит. задачи философіи ч. 2, 205.

2) Ibidem 108.

3) Ibidem 108, 208—211.

4) Ibidem. 38 стр.

даютъ? Извѣстно, что понятіе и конкретный знакъ, его сопровождающій, могутъ быть далеко не тождественны по своему объему и смыслу. А такимъ знакомъ и служить въ данномъ случаѣ представленіе нашей дѣятельности. Но какъ символъ, оно можетъ быть мыслимо не адекватнымъ обозначаемому имъ повятію; постоянство же въ употребленіи одного и того же символа объясняется тѣмъ, что наша дѣятельность одна только даетъ намъ возможность наблюдать причинность, какъ внутренний и неподлежащій сомнѣнію фактъ ¹⁾. Мы могли бы согласиться съ г. Лопатинымъ только въ томъ случаѣ, если-бы самое понятіе причинности возникало изъ наблюденій надъ нашей дѣятельностію, когда бы оно было отвлеченнымъ обобщеніемъ конкретныхъ фактовъ внутренняго опыта, а не развѣвалось только при посредствѣ его, какъ нѣчто, по крайней мѣрѣ, въ идеальномъ смыслѣ, напередъ данное. Но вѣдь тогда приложеніе этого понятія къ міру объектовъ было бы незаконнымъ его расширеніемъ, а это едва ли признаетъ Лопатинъ; съ другой стороны мы тогда не въ состояніи будемъ объяснить присущаго понятію признака необходимости, потому что внутренній опытъ "можетъ только констатировать фактъ причинной зависимости, но не можетъ дать этому факту силу общеобязательной нормы, противоположность которой немыслима ²⁾. Итакъ хотя мы для понятія причинности не имѣемъ никакого *опредѣленнаго, конкретнаго* представленія, кромѣ представленія производящей дѣятельности, но, поскольку это понятіе по объему своему мыслится нами не совпадающимъ съ названной дѣятельностію, мы не вправѣ считать представленіе послѣдней адекватнымъ выраженіемъ непосредственнаго смысла закона причинности.

¹⁾ Очень возможно, наиримѣръ, что если бы я понятіе о человѣкѣ вообще составилъ на основаніи признаковъ одного только человѣка (предполагается, что о другихъ я ничего не зналъ кромѣ того только, что они существуютъ), то вѣроятно и каждый разъ мыслялъ бы понятіе о человѣкѣ вообще въ связи съ представленіемъ обьодномъ извѣстномъ мпѣ человѣкѣ.

²⁾ Силу этого возраженія видѣлъ и самъ Лопатинъ и благодаря этому былъ вынужденъ вывести идею причинности со стороны своего конкретного содержания изъ внутренняго опыта, а со стороны присущаго ей признака необходимости изъ закона тождества (Цитов. соч. 184—193). Но уже эта двойственность не указываетъ-ли на то, что Лопатинъ стоитъ здѣсь на ложномъ пути?

Мы вовсе не хотимъ отрицать того, что причина въ собственномъ и строгомъ смыслѣ есть волящая дѣятельность, но мы еще разъ настаиваемъ на необходимости различать непосредственный смыслъ закона и выводъ изъ него. Первый долженъ быть для всѣхъ очевиденъ, несомнѣненъ и обязательенъ; относительно втораго, при всей его кажущейся законности, возможны сомнѣнія, дѣйствительно-ли онъ вытекаетъ изъ закона или только искусственно къ нему привязанъ, какъ это дѣйствительно и бываетъ всегда: есть, напр., люди, которые скорѣе захотятъ мыслить въ безконечность уходящій рядъ причинъ, чѣмъ признать какую-нибудь первопричину бытія, и о нихъ однако мы еще не имѣемъ права говорить, что они совсѣмъ не понимаютъ, что такое причина. Затѣмъ съ точки зрѣнія г. Лопатина мы должны или совершенно отказать въ логической состоятельности обычному и научному и ненаучному взгляду, признающему причиной одного явленія другое *явленіе*, или должны олицетворить всѣ предметы, которымъ приписываемъ причинность ¹⁾. Последнее конечно немислимо для насъ, но и отъ перваго мы не можемъ отрѣшиться; на самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни убѣждали себя, что въ строгомъ смыслѣ существуетъ только одна причина, а все остальное—рядъ ея дѣйствиій, мы никогда не перестанемъ отыскивать причины даннаго явленія въ другихъ, ему сопутствующихъ явленіяхъ, забывая за ними о дальнѣйшихъ условіяхъ, хотя можетъ быть и не признавая ихъ отсутствующими. Мы признаемъ несомнѣннымъ, что такое стремленіе отыскивать причину условнаго въ условномъ же даетъ въ результатъ позваніе дѣйствительной причиной связи міровыхъ явленій; и не только не погрѣшаетъ противъ закона причинности, а напротивъ наиболѣе всего соотвѣтствуетъ его непосредственному (хотя и не до конца раскрытому) смыслу, поскольку большинство людей склонно считать несомнѣннымъ лишь то, что прямо очевидно и сомнѣваться въ томъ, что хотя логически выведено правильно, однако выводитъ насъ слишкомъ далеко, за предѣлы возможнаго опыта и вмѣстѣ наглядной представляемости. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ точки зрѣнія раскры-

¹⁾ Лопатинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „лицо, воля, причина—понятія тоже: ственныя“. Цитов. соч. стр. 148.

таго взгляда на причинность вѣтъ препятствій къ тому, чтобы извѣстное явленіе или группу ихъ мыслить въ качествѣ причины даннаго явленія. Мы сказали, что причинность есть напередъ данная полнота условій явленія; если мы хотимъ найти конечный источникъ этихъ условій, мы, разумѣется, придемъ къ первопричинѣ, но мѣшаетъ-ли это намъ видѣть полноту условій, какъ вѣчто въ окончательномъ видѣ данное и опредѣлившееся, вмѣщенной въ извѣстнаго рода условныхъ предметахъ и явленіяхъ? Отвѣчать на это отрицательно, значитъ утратить монистическій взглядъ и идти противъ того, что всегда со стороны общечеловѣческаго убѣжденія признавалось и признается, какъ ближайшій къ практическому употребленію и вѣрность несомнѣнный по своей очевидности смыслъ закона причинности. Но уже съ этимъ смысломъ очевидно не совпадаетъ взглядъ на причинность, непременно какъ на дѣятельную мощь или волю, если только мы не хотимъ придти къ безграничному автропоморфізму или путаться въ понятіяхъ. Какъ же теперь объяснить, что и проф. Лопатинъ, и мы, исходя изъ одного и того же стремленія—защитить права общечеловѣческаго пониманія причинности¹⁾; приходимъ къ противоположнымъ результатамъ? Объяснить это не трудно послѣ сказаннаго: проф. Лопатинъ вмѣсто того, чтобы защищать общечеловѣческое *пониманіе* причинности, на самомъ дѣлѣ защищаетъ общечеловѣческое представленіе ея²⁾; отсюда у него и получился выводъ, что обычное научное пониманіе причинности никуда не годится; мы же напротивъ имѣли въ виду неотдѣлимое отъ нашего сознанія понятіе причинности въ его общемъ и отвлеченномъ смыслѣ, и отъ этого у насъ получился совсѣмъ другой результатъ³⁾.

¹⁾ Положит. задачи философіи кн. 2-л, стр. 109, 275 и др.

²⁾ Но скажутъ, такого пониманія вовсе не существуетъ у большинства людей, а есть только представленіе. Фактически оно дѣйствительно бываетъ слито съ послѣднимъ у большинства людей, но этимъ не уничтожается возможность обособленія перваго при благопріятныхъ обстоятельствахъ (конечно при развитіи отвлеченнаго мышленія); у большинства людей вѣтъ даже, строго говоря, и представленія о причинности вообще, а есть только потребность прилагать категорію причинности къ частнымъ случаямъ ея реализаціи, но это, конечно, нисколько противъ насъ не говорятъ.

³⁾ Мы совершенно оставили безъ опроверженія играющую у Лопатина видимость

Отрицая присущій всякому развитому сознанию отвлеченный смыслъ причинности, г. Лопатинъ, какъ мы говорили, уже хочетъ чрезъ это устранить характеръ полной предопредѣленности, мыслимый въ понятіи дѣйствія съ очевидною цѣлію отстоять свободу воли. Но, оказывая очень плохую услугу свободѣ воли, эта мысль Лопатина совершенно разрушаетъ понятіе причинной связи. Мы напротивъ положительно утверждаемъ, что причинная связь необходимо предполагаетъ предопредѣленность дѣйствія и безъ нея совершенно не мыслима. На самомъ дѣлѣ: допустимъ, что какой-нибудь признакъ не предопредѣленъ въ причинѣ; тогда какъ и почему является онъ въ дѣйствиі? Случайно? Но случай, какъ мы знаемъ,—понятіе, прямо разрушающее причинность. Допустивъ, что какой-нибудь признакъ возникъ въ дѣйствиі случайно, мы этимъ нисколько не говоримъ и въ пользу свободы воли: вѣдь если признакъ не предопредѣленъ въ дѣйствиі, то этимъ самимъ утверждается независимость даннаго признака отъ причины, которою служитъ въ разсматриваемомъ случаѣ свободная воля. Но неужели свободу воли нужно понимать въ смыслѣ независимости отъ нея ея же собственныхъ актовъ, во всемъ ли ихъ содержаніи, или только со стороны нѣкоторыхъ признаковъ? Очевидно проф. Лопатинъ въ данномъ случаѣ съ предвзятою цѣлію перекрываетъ понятіе о причинной связи, самъ того не замѣчая, попалъ въ затруднительное положеніе. Но, показавъ, что проф. Лопатинъ пришелъ совсѣмъ не къ тому, къ чему хотѣлъ придти, мы этимъ всетаки не обнаружили несостоятельности его мысли: для этого мы должны устранить приводимыя въ пользу

не малую роль филологическое основаніе въ пользу его взгляда, имѣло его ссылку на слово „причина“ (отъ слова причинять, производить); скажемъ поэтому здѣсь нѣсколько словъ о ней: во первыхъ это названіе съ нашимъ взглядомъ гармонируетъ ничѣмъ не меньше, чѣмъ съ взглядомъ Лопатина, а во вторыхъ оно ровно ничего не доказываетъ: во всѣхъ языкахъ слова, служащаго для обозначенія отвлеченныхъ понятій, очень часто по своему первоначальному филологическому смыслу носятъ часто конкретный, чувственный характеръ; что слово причина не обязываетъ еще признавать за понятіемъ, имъ обозначаемымъ, указываемый Лопатинимъ смыслъ, это видно уже изъ того, что не во всѣхъ языкахъ оно носитъ отмѣчаемый профессоромъ отбѣнокъ: нѣмецкое, напр.,—Ursache по точному переводу значитъ перво—вещь.

ея доказательства. Изъ нихъ самымъ сильнымъ и едва ли даже не единственнымъ служить такого рода примѣръ: вообразимъ, рассуждаетъ проф. Лопатинъ (для краткости излагаемъ не дословно) монаду, находящуюся въ пустомъ пространствѣ, которая имѣетъ внутреннее побужденіе къ движенію, но не имѣетъ мотива движеніе въ одну сторону предпочесть движенію въ другую—вѣдь такое положеніе мыслимо? далѣе, такая монада, чтобы не стать въ противорѣчіе съ собственной природой, должна вѣдь двинуться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи? Очевидно, должна, и вотъ это—то направленіе движенія и будетъ признакомъ, не predeterminedнымъ въ причинѣ, что и требовалось доказать. „Противъ этого спорить трудно“, говоритъ г. Лопатинъ, но по нашему мнѣнію противъ этого—то и нельзя не спорить. Мы смѣло можемъ утверждать, что пока въ монадѣ нѣтъ никакого мотива движеніе въ одну сторону предпочесть движенію въ другую, и самое движеніе, за недостаткомъ полноты къ нему условій, не состоится. Но, говоритъ г. Лопатинъ, тогда монада станетъ въ противорѣчіе съ своей природой. На это приходится сказать, что монада, конечно, не можетъ стоять въ противорѣчій съ своей природой, но г. Лопатинъ дѣйствительно сталъ въ противорѣчіе самъ съ собою, приписавъ монадѣ по самой природѣ ей принадлежащую неизбѣжность движенія и отсутствіе мотивовъ къ опредѣленному направленію движенія: если необходимость движенія принадлежитъ монадѣ по самой ея природѣ, тогда эта необходимость не мыслима иначе, какъ въ видѣ стремленія, опредѣлившагося во всѣхъ своихъ индивидуальныхъ признакахъ, такъ же немыслима иначе, какъ немыслима въ мірѣ реальномъ монада вообще (а не опредѣленная монада) и движеніе вообще (а не движеніе опредѣленнаго вида и направленія).

Только что разсмотрѣнныя неудачныя попытки придать закону причинности болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ какой даетъ ему наше непосредственное сознаніе, должны предохранить насъ отъ новой попытки такого же рода, и потому мы переходимъ къ вопросу о взаимномъ отношеніи законовъ—причинности и достаточнаго основанія.

III. Взаимоотношеніе закона достаточнаго основанія и закона причинности.

Уже одно то обстоятельство, что законъ достаточнаго основанія и законъ причинности долгое время не только смѣшивались другъ съ другомъ, а и прямо сливались въ одинъ, даетъ полное право предполагать между ними близкое отношеніе. Это отношеніе однако до сихъ поръ не опредѣлено въ точности и существующіе на него взгляды оставляютъ возможность желать гораздо большаго согласія.

Мы встрѣчамъ здѣсь неустранимыя взаимныя противорѣчія говорящихъ о предметѣ мыслителей: одни, какъ Зигвартъ, говорятъ, что законъ причинности не имѣетъ къ закону основанія отношенія болѣе близкаго, чѣмъ всякое другое общее положеніе, дающее ему матеріаль ¹⁾; другіе, какъ Вундтъ, наоборотъ признаютъ въ законѣ причинности лишь приложеніе закона достаточнаго основанія; третьи, какъ Шопенгауэръ, не уничтожая ихъ относительной самостоятельности, ставятъ ихъ въ отношеніе соподчиненія.

Послѣ того, какъ законъ основанія былъ выдѣленъ, въ качествѣ особаго закона, изъ закона причинности, съ которымъ долгое время смѣшивался, вполне естественно, главное вниманіе тѣхъ, которые говорили объ этихъ двухъ законахъ, было направлено на то, чтобы устранить всякіе поводы къ ихъ смѣшенію; а потому болѣе отмѣчались черты различія этихъ законовъ, чѣмъ точки соприкосновенія. О различіяхъ между законами говорилось такъ много, что во избѣжаніе необходимости повторять чужія мысли до подробностей, мы скажемъ о нихъ кратко. Главное изъ нихъ, какое указывалось и указывается больше всего, то, что законъ причинности есть законъ бытія объективнаго, или точнѣе, необходимо мыслится нами въ качествѣ таковаго, а законъ достаточнаго основанія есть законъ позванія. Поскольку познаніе далѣе стоитъ въ необходимой и ближайшей связи съ субъектомъ, а бытіе не предполагаетъ прямо и непосредственно такого отношенія ²⁾, законъ осно-

¹⁾ Logik, B. I, 211. ²⁾ Logik, B. I, 549. ³⁾ op. cit.

²⁾ Эту мысль считаемъ нужнымъ пояснить: что бытіе предметовъ вышшаго мі-

валія противопологается закону причины, какъ законъ свободы закону необходимости. Отсюда вытекаетъ и то различіе между ними, что причина неотдѣлима отъ своего слѣдствія и всегда ведетъ за собою послѣднее, основаніе же напротивъ можетъ быть дано безъ слѣдствія ¹⁾. Чтобы отмѣтить съ особенною силою различіе между законами указываютъ еще на два факта: во-первыхъ на то, что всякая мысль должна имѣть для себя не только основаніе, а и причину ²⁾, во вторыхъ то, что для познанія причинъ *основаніемъ* часто служатъ *дѣйствія* ихъ ³⁾.

Для насъ впрочемъ гораздо важнѣе отмѣтить не различіе, а точки соприкосновенія двухъ разсматриваемыхъ законовъ, не только въ виду того, что на него меньше обращалось вниманія, но также и въ виду того, что для науки всегда интереснѣе единство въ различіи, чѣмъ рѣзкое разграниченіе, устраняющее всякую мысль о единствѣ. Намъ думается на самомъ дѣлѣ, что только одною потребностію къ разграниченію и раздѣльности трудно—различимыхъ понятій нужно объяснить тотъ вышеуказанный взглядъ на взаимоотношеніе разсматриваемыхъ нами законовъ, по которому оно ограничивается лишь тѣмъ, что законъ причинности, подобно всякому другому общему положенію, служитъ только матеріаломъ для приложенія закона основанія: для прямого и не заинтересованнаго лишь различіемъ и за нимъ не замѣчающаго сходства взгляда, по-

ра не стоитъ въ непосредственной связи съ субъектомъ (т. е. волящимъ существомъ), или, по крайней мѣрѣ, нашимъ мышленіемъ, можетъ не поставиться въ такую связь—это дѣло очевидное. Но даже и по отношенію къ нашимъ поступкамъ и мыслямъ (поскольку послѣднія разсматриваются, какъ акты бытія) это при- мѣнимо, потому что и тѣ и другія съ данной точки зрѣнія мыслятся какъ бы отдѣленными отъ нашего я, получившими отъ него (отпосредственно) самостоятельное бытіе; познаніе же даже мышленно нельзя отдѣлять отъ нашего „я“: въ послѣднемъ центрѣ познанія.

1) Это послѣднее различіе мы однако находимъ нужнымъ ограничить: основаніе само по себѣ, именно какъ основаніе, конечно не мыслимо безъ слѣдствія, какъ своего неизбѣжнаго коррелята, только мысль, служащая основаніемъ, по не сознаваемалъ въ данный моментъ въ качествѣ такового, можетъ и не сопровождаться своимъ слѣдствіемъ.

2) Sigwart, Logik, В. I, 205—209; на это указываетъ в *Соптицизмъ* въ своемъ „Учебникѣ логики“.

3) Sigwart, *ibid.* 211.

слѣднее выступаетъ гораздо рѣшительнѣе на видъ, чѣмъ первое. Можетъ быть потому больше и стараются указать различіе двухъ законовъ, что ихъ сходство слишкомъ очевидно (извѣстно, что къ чему мы больше привыкли, на то обращаемъ меньше вниманія) и слишкомъ просто усматривается: ужъ одно то должно бы было бросаться каждому въ глаза, что оба закона отвѣчаютъ на одинъ и тотъ же вопросъ „почему“? и для всякаго очевидно, что это не случайное совпаденіе, а прямой результатъ единства природы обоихъ законовъ.

Впрочемъ, хотя сходство между разсматриваемыми законами, какъ мы сказали, само собою бросается въ глаза, однако пельзя не сознаться, что точное опредѣленіе его представляетъ вопросъ, трудный для разрѣшенія. Въ существующихъ попыткахъ опредѣленія сущности этого сходства можно отмѣтить два направленія: одни стараются сблизить два принципа съ матеріальной стороны, то есть со стороны подводимаго подъ нихъ содержанія, другіе стараются найти ихъ объединяющее начало въ формальной сторонѣ законовъ, въ общихъ условіяхъ и признакахъ ихъ мыслимости. Представители перваго направленія надѣются достигнуть объединенія законовъ въ томъ случаѣ, если будетъ установлено полное соотвѣтствіе между реальной причинной связью и связью нашихъ мыслей по закону основанія: „сведеніе причинности на законъ познанія, говоритъ Вундтъ, тогда, но и только тогда, могло бы быть оправдано, если бы причинами можно было пользоваться, какъ послылками, изъ которыхъ, не обращая вниманіе на свидѣтельство наблюденій, можно бы было заключать къ слѣдствіямъ“ ¹⁾. И Вундтъ, кажется, не считаетъ такого положенія дѣла невозможнымъ. Допустимъ однако, что желаніе Вундта исполнилось: чтожь тогда, будетъ ли ясно показано этимъ, что законъ причинности—это лишь къ опыту прилагаемый законъ основанія? Едва ли это такъ. Очевидно, что и въ такомъ случаѣ понятія „причина“ и „основаніе“ (разумѣется, познанія), „дѣйствіе“ и „слѣдствіе“ не объединились бы. Отношеніе между законами осталось бы отношеніемъ полнаго соотвѣтствія и гар-

¹⁾ Logik, B. I, 548.

моніи, но не тожества, поскольку они продолжали бы противополagаться другъ другу, какъ законъ познанія закону бытія (или лучше, быванія); отношеніе ихъ было бы точно такое же, какое полагается нами между нашимъ представленіемъ и соотвѣтствующимъ ему объектомъ: не причина служила бы основаніемъ извѣстныхъ слѣдствій, а мысль о причинѣ, и наоборотъ дѣйствіе, о которомъ бы дѣлалось заключеніе отъ его причины, считалось бы результатомъ ея, какъ объективно, а не въ нашемъ только мысленномъ воспроизведеніи данной.

Вообще объединеніе двухъ названныхъ законовъ, или поставленіе ихъ въ связь болѣе тѣсную, чѣмъ какую указываетъ между ними Зигвартъ, невозможно до тѣхъ поръ, пока мы будемъ искать ихъ объединяющаго начала въ матеріалѣ, дающемъ содержаніе этимъ законамъ, и въ условіяхъ ихъ дѣйствительнаго приложенія ¹⁾. Но зато положеніе дѣла тотчасъ же измѣняется къ лучшему, какъ только мы обратимъ вниманіе на общія условія существованія этихъ законовъ—не на объекты ихъ, на которые простирается ихъ приложимость, а на субъектъ, которому они принадлежатъ, какъ требованія ²⁾. Здѣсь прежде всего устраняется та, мѣшающая ихъ объединенію, съ перваго взгляда непереходимая, преграда, которую ставятъ между ними ихъ различіе въ сферахъ приложимости, т. е., устраняется взглядъ на нихъ, какъ на законы двухъ противостоящихъ другъ другу областей—познанія и существованія. На самомъ дѣлѣ. Здѣсь мы замѣтимъ, что законъ причинности, рассматриваемый, какъ таковой, т. е., именно какъ законъ или требованіе, а не какъ общая схема извѣстнаго фактическаго матеріала или обобщенное отвлеченіе отъ него, имѣетъ своимъ субъектомъ не бытіе внѣшнее, а само наше мышленіе: что всякое происхожденіе *необходимо* должно имѣть свою причину—это есть прежде всего постулатъ нашей мысли, который она предъявляетъ всякому происходящему существованію и ко-

¹⁾ Поэтому-то Вундъ, стоящій на этой точкѣ зрѣнія, долженъ былъ признать объединеніе двухъ законовъ дѣломъ будущаго.

²⁾ На эту почву ставитъ вопросъ Шопенгауэръ, но онъ не доводитъ до конца предприятное имъ объединеніе законовъ и они больше у него объединяются названіемъ, чѣмъ какимъ нибудь дѣйствительнымъ принципомъ, какъ онъ и самъ почти сознается (О четверномъ корнѣ, 155).

торый находятъ дѣйствительно осуществленнымъ въ мірѣ объектовъ. Итакъ оба наши закона суть законы мышленія ¹⁾ съ тѣмъ однако различіемъ, что одинъ изъ нихъ мысль предприсваиваетъ сама себѣ, какъ познавательному процессу, а другой—всякому вообще существованію, поскольку оно происходитъ или измѣняется (что въ сущности совершенно все равно). Теперь уже конечно легче найти отношеніе между законами, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они принадлежали двумъ различнымъ субъектамъ. Но прежде чѣмъ назвать уже очевидно и теперь напрашивающійся терминъ, которымъ нужно обозначить это отношеніе, мы считаемъ долгомъ выставить на видъ его главные условія. Очевидно, условіемъ для объединенія и сближенія понятій должно служить единство и сходство признаковъ, какіе въ данномъ случаѣ мы имѣемъ,—признаковъ, которые бы подавали поводъ или основаніе для сближенія двухъ законовъ? Это, очевидно, самые общіе и вмѣстѣ съ тѣмъ главные признаки законовъ, выражающіе самое существо ихъ требованій: оба они для своего осуществленія требуютъ: 1) множественности послѣдовательныхъ моментовъ и 2) такой связи между ними, которая бы устанавливала необходимость этой послѣдовательности, устраняя изъ нея случайность и произволь. Оба закона, значить, вносятъ необходимую связь въ послѣдовательное и множественное. Эта связь въ обоихъ случаяхъ можетъ быть мыслима нами въ общемъ видѣ, какъ связь двухъ простыхъ сужденій, составляющихъ сужденіе условное. Въ такомъ случаѣ очевиднымъ уже становится, что изъ двухъ этихъ законовъ первенствующая роль принадлежитъ закону основанія ²⁾, но однако такимъ образомъ, что законъ причинности долженъ быть признанъ не „приложеніемъ“ только закона основанія къ опыту, какъ неточно по нашему мнѣнію выражается Вундтъ ³⁾, а его объективацией; отсюда и отношеніе между ними не есть видъ ча-

1) Вундтъ, котораго взгляда мы коснулись выше, самъ не разъ высказываетъ эту мысль, но только въ данномъ случаѣ, т. е., при разсмотрѣніи отношеній между законами, онъ не ставитъ ее на видъ, какъ бы это по нашему мнѣнію слѣдовало сдѣлать.

2) Это видно еще и изъ того, что законъ основанія есть ближайшій къ законодателю, которымъ является мышленіе.

3) Logik, В. 1, 549.

стнаго тожества (т. е., законъ причинности не включается въ законъ основанія, какъ его часть), а отношеніе родоваго единства и видоваго различія, вытекающаго изъ сферъ ихъ приложимости. На самомъ дѣлѣ, это различіе въ концѣ концовъ сводится къ одному—къ различію въ характерѣ необходимости, полагаемой тѣмъ и другимъ закономъ. Такъ какъ, по сказанному уже, законъ основанія мысль ставитъ самой себѣ, то, поскольку она есть дѣятельность, принадлежащая свободному субъекту и неотдѣлимая отъ него, и необходимость, полагаемая этимъ закономъ, есть внутренняя, а не внѣшняя; а поскольку, далѣе, внутренняя необходимость нами можетъ и должна быть мыслима, лишь какъ свыше или аргіогі данная разумность свободнаго и необходимость закона основанія есть не что иное, какъ непосредственно въ немъ усматриваемая разумность или истинность. И такъ какъ, съ другой стороны, законъ причинности мысль ставитъ бытію, то, поскольку послѣднее мыслится нами отдѣлившимся отъ свободнаго субъекта или даже, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, совершенно не имѣющаго съ нимъ связи, и независимо отъ него даннымъ, и необходимость здѣсь является для мысли необходимостью внѣшнею: это есть разумность, выступившая изъ своей собственной сферы ¹⁾ (сферы познанія) и потому отлившаяся невозвратно въ неизмѣнную форму,—форму отвѣтъ положенной всецѣлой предопредѣленности. Отсюда и механическая необходимость внѣшняго міра для всякаго неповерхностнаго взгляда есть вонѣ реализовавшаяся разумность или Божественная логика, отлившаяся въ безконечные рядъ внѣ Божественной мысли положенныхъ посылокъ и заключеній; а для тѣхъ, кто этого не видитъ, разумность міра есть лишь слѣпая необходимость, неизвѣстно откуда проистекшая, и съ неодолимою силою реализующая въ фактахъ тотъ самый законъ, который въ мірѣ нашей мысли сознается, какъ законъ разума и свободы.

1) Мы не говоримъ здѣсь о томъ, откуда и почему происходитъ такая реализация разумности (очевидно, она возможно лишь подъ условіемъ соединенія съ извѣстными актомъ воли), потому что наша рѣчь о законѣ причинности самомъ въ себѣ, о его непосредственномъ смыслѣ, а не объ источникѣ причинности в средствахъ ея реализаціи, до которыхъ можно доходить путемъ умозаключеній.

Сравнивая законъ достаточнаго основанія съ другими логическими законами, мы замѣчаетъ между ними одно различіе, которое стоитъ въ близкомъ отношеніи къ рассматриваемому нами вопросу. Именно: тѣ три закона суть законы не только мышленія, а и бытія, т. е., они въ себѣ непосредственно заключаютъ и свою объективацию, какъ неотдѣлимую отъ нихъ ихъ сторону. Что мысль должна быть всегда сама собой—это такъ же вѣрно, какъ и то, что всякій предметъ долженъ быть самъ себѣ равенъ; противорѣчій не должно быть не только въ мысли, а и въ бытіи; что изъ двухъ взаимно другъ друга отрицающихъ возможностей ¹⁾ одна должна быть, а другая не быть—это правило относительно нашей мысли должно имѣть такую же силу, какъ и относительно бытія. Но по отношенію къ закону основанія этого какъ будто не замѣчается съ перваго раза, а между тѣмъ и онъ имѣетъ, какъ мы уже знаемъ теперь, свою объективированную сторону—законъ причинности. Это зависитъ, какъ намъ кажется, вотъ отчего. Ближайшее приложение первыхъ трехъ законовъ простирается на отдѣльные элементы мысли, послѣдній же законъ управляетъ ихъ связью; въ первомъ случаѣ мышленіе и бытіе не противостоятъ еще другъ другу въ видѣ противоположныхъ и специфически-различныхъ сферъ ²⁾, а потому и рассматриваемые законы не раздѣляются на виды, соотвѣтствующіе областямъ ихъ примѣненія, а имѣютъ лишь по двѣ обыкновенно даже не различаемыхъ стороны; во второмъ случаѣ мышленіе и бытіе противостоятъ другъ другу, какъ области—субъективная (т. е., неразрывно связанная съ субъектомъ) и объективная, т. е., область свободы и predeterminedной необходимости: поскольку субъектъ здѣсь есть начало дѣятельное, вносящее связь въ страдательный, отвлѣченный матеріалъ. Сообразно съ этимъ и законъ основанія, понимаемый въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ закона разумности, необхо-

¹⁾ Напр., что извѣстный видимый мною предметъ долженъ быть независимо отъ моей мысли или столонъ или не столонъ, это также вѣрно, какъ и то, что я на одинъ и тотъ же вопросъ долженъ отвѣчать или да, или нѣтъ.

²⁾ Мысль, не признанная въ качествѣ истины (а таковою она можетъ быть признана лишь подъ условіемъ связи съ другими мыслями по закону основанія), есть актъ бытія, а не познаніе въ собственномъ смыслѣ (если не называть познаніемъ одну только создаваемость).

димости и синтеза, является въ двухъ видахъ, поскольку требуемая имъ разумность является въ одной сферѣ какъ чисто субъективная (т. е., отъ субъекта неотдѣлимая), а во второмъ— какъ объективировавшаяся, воплотившаяся въ реальныя, неизмѣнныя формы. Поэтому-то законъ достаточнаго основанія и законъ причинности должны быть разсматриваемы какъ двѣ стороны одного и того же закона, но настолько обособившіяся вслѣдствіе различія въ сферахъ приложимости, что ихъ никоимъ образомъ нельзя сливать въ одно, а нужно считать различными видами этого закона.

Н. Городенскій.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Денября № 24. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшія награды. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта — Правила для образцовой учебной пасѣки съ курсами для сельскихъ учителей и практикантовъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, согласно съ заключеніемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, по представленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе, къ 6-му числу декабря сего года, за заслуги по духовному вѣдомству, званіемъ *личнаго почетнаго гражданина* старосту Николаевской церкви г. Ахтырки, 2-й гильдіи купца Матвѣя *Курилова*.

За заслуги по духовному вѣдомству, Всемилостивѣйше пожалованы, къ 6-му декабря 1899 года, золотыми медалями съ надписью „за усердіе“ для пошенія на шеѣ, на *Владимірской лентѣ*: староста Благовѣщенской церкви г. Харькова, 1-й гильдіи купецъ Иванъ *Безчетвертновъ*; на *Станиславской лентѣ*: староста Александр-Невской церкви города Харькова, 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Коваленко*; серебряными: на *Аннинской лентѣ*: староста Николаевской церкви г. Харькова, 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Коваленко*; на *Станиславской лентѣ*: старосты церквей: Николаевской заштатнаго города Золочева, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Завадскій*, села Каленюкова, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Кодратъ *Евтушенко*, слободы Деркачей, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Семенченко*, Всѣхсвят-

ской заштатнаго города Славинска, 2-й гильдія купецъ Михайль *Карякинъ*; для ношенія на груди золотомъ: на *Станиславской лентѣ*: староста Тихоновской церкви слободы Низшей Сыроватки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Никифоръ *Оношко*; серебряными: на *Станиславской лентѣ*: староста слободы Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Тихонъ *Неумывакинъ*, попечитель Полянской школы грамоты и Дерновской церковно-приходской школы, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Дудка*.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 20-го декабря 1899 года Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ симъ объявляетъ къ свѣдѣнію учащихъ въ церковныхъ школахъ епархіи, что съ 1-го января 1900 года имѣетъ быть открыта образцовая пасѣка, принадлежащая почетному гражданину Михаилу Рудневу въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, Шульгинской волости, въ казенномъ Половинкинскомъ 3-мъ участкѣ, для всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ рациональнымъ пчеловодствомъ, и что курсы по пчеловодству при этой же пасѣкѣ начнутся съ 1-го іюня того же 1900 года. Въ нижеслѣдующихъ Правилахъ, между прочимъ, изложены условія поступленія и занятій на курсахъ пчеловодства.

Правила для образцовой учебной пасѣки съ курсами для сельскихъ учителей и практикантовъ.

(Утверждены Г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ
1 апрѣля 1899 года).

1. Образцовая учебная пасѣка устраивается въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, Шульгинской волости, на казенномъ участкѣ Половинкинскомъ 3-мъ на средства Почетнаго Гражданина Михаила Васильевича Руднева и составляетъ его собственность.

2. Пасѣка устраивается для нагляднаго ознакомленія всѣхъ желающихъ съ рациональнымъ пчеловодствомъ, съ цѣлью возможнаго распространенія его въ средѣ занимающихся сельскимъ хозяй-

ствомъ, при чемъ означенныя лица должны быть допускаемы на пасѣку въ теченіе круглаго года.

3. Всѣ доходы отъ пасѣки, устраиваемой на средства Руднева, поступаютъ къ нему, но владѣлецъ пасѣки принимаетъ на себя обязательство подчиняться всѣмъ изданнымъ и впредь издаваемымъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ обязательнымъ правиламъ, относящимся до пчеловодства, слѣдить за развитіемъ пчеловоднаго дѣла и примѣнять на практикѣ пзъ новыхъ приемовъ все, что имъ, Рудневымъ, будетъ признаваемо полезнымъ.

4. На пасѣкѣ должна имѣться особая книга для внесенія въ оную фамилій лицъ, посѣтвшихъ пасѣку, съ отмѣткою—о чемъ послѣднимъ даны разъясненія завѣдывающимъ пасѣкою или лицомъ имъ для сего уполномоченнымъ.

5. Съ устройствомъ необходимаго зданія не позднѣе 1899 года, на образцовой пасѣкѣ ежегодно устраиваются пчеловодные курсы для народныхъ учителей.

6. Рудневъ обязывается вести курсы по программѣ, выработанной для практическихъ курсовъ пчеловодства, утвержденной Г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Обучение на курсахъ бесплатное и должно быть практическое съ теоретическими объясненіями, въ видѣ бесѣдъ, во время производства работъ. Время ежедневныхъ занятій должно сообразоваться съ выполненіемъ установленной программы.

7. О предстоящихъ курсахъ въ началѣ года сообщается Г.г. Директорамъ народныхъ училищъ Харьковской и сосѣдней съ нею губерній для оповѣщенія мѣстныхъ уѣздныхъ училищныхъ Совѣтовъ, а также увѣдомляются епархіальные училищные Совѣты.

8. Учителя сельскихъ школъ и училищъ, получивъ надлежащее для сего увольненіе отъ своего начальства, заявляютъ письменно о своемъ желаніи Рудневу не позднѣе 15 марта и по порядку поступления заявленій ихъ имена записываются въ особую заведенную для сего книгу.

9. Расходы какъ на поѣздку, такъ равно на содержаніе во время курса падаютъ на слушателей или на учрежденія ихъ командирующія. Но въ виду удаленія пасѣки отъ селеній, Рудневъ обязуется имѣть помѣщеніе для общежитія курсистовъ и озаботиться доставленіемъ возможныхъ удобствъ на время прохожденія ими курса.

10. Временемъ занятій на курсахъ назначается іюнь мѣсяць,

при чемъ слушателямъ даются не только объясненія пчеловодныхъ работъ, имѣющихъ мѣсто въ июнѣ, во время курсовъ, но они должны быть ознакомляемы также съ работами по пчеловодству, производимыми въ остальные мѣсяцы, а равно съ жизнью и свойствамъ пчелы и съ ея врагамъ и болѣзнями. Желающіе могутъ провести на пасѣкѣ и май мѣсяць, съ обязательствомъ однако оставаться до 1-го іюли, если пожелаютъ получить свидѣтельства. (парагр. 12).

11. На пасѣку для ознакомленія съ пчеловодствомъ допускаются, въ видѣ практикантовъ, и постороннія лица, во всякомъ случаѣ грамотныя, и не моложе 15 лѣтъ. Условія ихъ пребыванія на пасѣкѣ приравняются къ обозначеннымъ для народныхъ учителей, а именнo обученіе и для нихъ устанавливается бесплатное, а содержаніе на свой счетъ.

12. По окончаніи курсовъ слушателямъ производится экзаменъ, по выдержаніи котораго имъ выдаются свидѣтельства на точномъ основаніи 13 ст. утвержденныхъ Г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 8 декабря 1894 г. правилъ объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Означенныя свидѣтельства выдаются какъ народнымъ учителямъ, такъ и практикантамъ, буде послѣдніе проведутъ на пасѣкѣ время, указанное въ 10 ст. настоящихъ правилъ для прохожденія курса занятій.

13. Для провѣрки знаній и присутствованія на экзаменѣ командируются уполномоченныя для сего лица отъ Министерства Земледѣлія, а также и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, буде оно признаетъ сіе необходимымъ.

14. Для одновременныхъ занятій на пасѣкѣ въ теченіи іюня мѣсяца допускается всего 25 лицъ, изъ нихъ 20 народныхъ учителей и не болѣе 5 практикантовъ.

Завѣдывающій курсамъ и пасѣкою Рудневъ оповѣщаетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ народныхъ учителей, занесенныхъ по очереди въ книгу, причемъ они обязываются явиться не позже 1 іюня.

15. Во время пребыванія на пасѣкѣ для занятій, народные учителя, а также и практиканты исполняютъ безпрекословно всѣ относящіяся до проходимаго курса пчеловодства распоряженія завѣдывающаго.

16. При пасѣкѣ должны быть заведены посѣвы медоносныхъ растений, къ открытію же курсовъ пасѣка должна быть снабжена необходимымъ учебными пособиями для пракческаго обуче-

зія слушателей курсовъ и при ней устроена мастерская для изготовленія ульевъ различныхъ системъ и пчеловодныхъ принадлежностей, въ видахъ ознакомленія съ этимъ дѣломъ курсистовъ, при этомъ однако установленіе для слушателей курсовъ обязательныхъ самостоятельныхъ работъ по столярному мастерству предоставляется усмотрѣнію г. Руднева въ зависимости отъ размѣровъ означенной мастерской.

17. Рудневъ обизывается также снабжать по возможности пародныхъ учителей сѣянцами и саженцами пѣз питомниковъ медоносныхъ древесныхъ растеній, имѣющихъ бытъ разведенными близъ пасѣки.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Покровской церкви г. Сумъ, Димитрій *Виноградскій*, награжденъ набодренникомъ.

— Священникъ Вознесенской церкви с. Бобряка, Сумскаго уѣзда, Михаилъ *Могиланскій*, награжденъ набодренникомъ.

— Безмѣстный священникъ, Митрофанъ *Ивановъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Римаровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ—псаломщикъ церкви сл. Сивваковки, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Сыкаловъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви сл. Боровеньки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ церкви сл. Шторшовой, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Соболевъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви сл. Воичужной, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Преображенской церкви сл. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, Николай *Федоровскій*, рукоположенъ въ санъ діакона къ Успенской церкви сл. Краснополя.

— Окончившій курсъ въ Харьк. Дух. Семинаріи, Григорій *Пантелеймоновъ*, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при церкви сл. Сивваковки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Бывшій воспитаникъ 2 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Михаилъ *Ильинъ*, опредѣленъ 17 нояб. исправляющимъ должность псаломщика Преображенской церкви сл. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Купянскаго духовнаго училища, Иванъ *Кондратьевъ*, опредѣленъ 25 нояб. исправляющимъ должность псаломщика Троицкой церкви сл. Мезеновки, Ахтырскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Успенской церкви сл. Межерча, Лебедипскаго уѣзда, крестьянинъ Яковлевъ *Ткаченко*; Ека-терининской церкви сл. Аппиной, Лебедипскаго уѣзда, крестьян. *Василій Скрипченко*.

— Церковный староста Вознесенской церкви сл. Отецковки, Сумскаго уѣзда, *Гаврилъ Пауновъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ занимаемой должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Сооруженіе новыхъ храмовъ.—Отрадное извѣстіе для духовенства.—Дѣятельность сестеръ милосердія.—О пищенствѣ.

Въ нѣкоторыхъ изъ окраинныхъ мѣстностей Россіи, гдѣ русскіе люди чувствуютъ нужду въ благоустроенныхъ православныхъ церквяхъ, такія церкви сооружены или сооружаются, а также снабжаются и необходимыми для ихъ содержанія средствами.—Сооруженіе собора въ Варшавѣ, по сообщенію «Цер. Вѣст.», уже приближается къ концу. Снаружи этотъ соборъ, по отзывамъ видѣвшихъ его, представляетъ сооруженіе монументальное въ полномъ смыслѣ слова; съ внутренней стороны, какъ думаютъ на основаніи размѣровъ, освѣщенія и предположенной отдѣлки собора, онъ также будетъ производить сильное впечатлѣніе. Вообще можно надѣяться, что варшавскій соборъ, сооруженіе котораго справедливо называютъ нашимъ народнымъ и государственнымъ дѣломъ, будетъ представлять достойный памятникъ русскаго церковнаго зодчества.—Карсскому православному собору, крайне нуждающемуся въ средствахъ вслѣдствіе бѣдности и малочисленности мѣстнаго православнаго населенія, положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 26 октября, разрѣшенъ отводъ 104 десятинъ казенной земли, расположенной въ карсской городской дачѣ.—Постройка православной церкви въ Портъ-Артурѣ, по свѣдѣніямъ отсюда, почти окончена.—Недавно дано движеніе дѣлу о сооруженіи православной церкви въ г. Праснышѣ, въ Привислянскомъ краѣ, по почину начальника праснышскаго уѣзда. Открытый въ Праснышѣ комитетъ по сбору пожертвованій на устройство церкви встрѣчаетъ во внутренней Россіи содѣйствіе. Нѣтъ сомнѣнія, что не замедлятъ съ своею помощью начатому дѣлу и частныя жертвователи.

— По словамъ «Цер. Вѣсти.», поставленный на очередь вопросъ объ усиленіи размѣровъ пенсіи для духовенства, въ настоящее время близокъ къ окончательному рѣшенію, очень благоприятному для лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ немъ. Весьма ограниченный (въ размѣрѣ 130 руб.) пенсіонный окладъ для лицъ духовнаго сословія, облеченныхъ саномъ священника, къ утѣшенію служителей церкви, нынѣ возвышается. Проектъ усиленія пенсіоннаго фонда для духовенства устанавливаетъ слѣдующіе размѣры пенсіи за 35-лѣтнюю службу: для городскихъ протоіереевъ въ 425 руб. въ годъ, для городскихъ священниковъ и сельскихъ протоіереевъ 360 руб. въ годъ, для сельскихъ священниковъ 180 руб. въ годъ. Проектное возвышеніе пенсіонныхъ окладовъ служителямъ церкви и само духовенство и его почитатели, несомнѣнно, будутъ привѣтствовать съ радостію и глубокой благодарностію.

— Въ вѣдѣніи Астраханскаго управленія общества Краснаго Креста находятся и на его средства содержатся мѣстная община сестеръ милосердія и ея лѣчебница. Къ 1-му января 1899 года въ общинѣ числилось 8 сестеръ милосердія и 9 испытуемыхъ. Община помѣщается въ собственномъ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ. Нижній этажъ предназначенъ подъ амбулаторную лѣчебницу, въ которой производятся пріемъ больныхъ врачами общины и сестрами милосердія. 12-го апрѣля 1898 года состоялась закладка при общинѣ деревяннаго, на каменномъ фундаментѣ, барака на 12 кроватей для больныхъ, требующихъ хирургической помощи. Зданіе барака теперь вчернѣ готово; остается отдѣлать его внутри и снабдить необходимою мебелью. Стоимость барака, по смѣтѣ, опредѣлена около 6.000 руб.; встрачено уже 4.000 руб. Постройка барака вызвана необходимостью имѣть при общинѣ собственную стационарную больницу, въ которой сестры милосердія могли бы практически обучаться уходу за больными. Завѣдывающей общиною докторъ, И. П. Ильинъ, въ 1898 году читалъ сестрамъ курсъ наукъ по программѣ, утвержденной Главнымъ Управленіемъ общества Краснаго Креста. Кромѣ него, безвозмездно практиковали въ лѣчебницѣ общины 5 врачей. Въ видахъ расширенія дѣятельности амбулаторіи вообще и ознакомленія сестеръ милосердія съ дѣтскими болѣзнями въ частности, по распоряженію попечительницы общины А. А. Газенкампфъ, пріемъ этихъ больныхъ перенесенъ изъ городского родовоспитательнаго дома въ лѣчебницу общины. За уходъ сестрами въ частныхъ домахъ поступило въ кассу общины 960 руб. Испытуемыя слушали теоретическій курсъ,

сопровождавшійся репетвцимп. Въ амбулаторной лѣчебницѣ общины въ отчетномъ году происходилъ 6 разъ въ недѣлю, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, приемъ разныхъ больныхъ, которыми въ теченіе года сдѣлано 1.426 посѣщеній. Къ 1898 году въ кассѣ общины состояло 4.002 руб. 21 коп., въ 1898 году поступило 7.297 руб. 50 коп.; израсходовано на содержаніе общины и амбулаторіи 3.275 руб. и на постройку хирургическаго барака 3.835 руб., а всего 7.110 руб.; оставалось къ 1-му января текущаго года 4.189 руб. 71 коп. «Астрах. Вѣстн.».

— Въ газетѣ «Ураль» подводятся итоги имѣющимъ въ настоящее время даннымъ по борьбѣ съ развитіемъ нищенства въ Россіи. По предположительнымъ исчисленіямъ (еще относящимся къ 1877 г.), число нищихъ вообще достигаетъ въ Россіи 300.000, но сюда не входятъ ищіе городскіе, которыхъ приблизительно можно считать въ такую же цифру; въ голодные годы количество нищихъ достигаетъ 1 милл. Число осужденныхъ за нищенство едва представляетъ $\frac{1}{600}$ общей суммы ихъ. Наказуемое нищенство у насъ растетъ. Разсматривая количество осужденныхъ нищихъ по районамъ Россіи за послѣднее десятилѣтіе, можно замѣтить что оно возросло въ столбчныхъ районахъ и степномъ, въ трехъ же районахъ, въ ниже-волжскомъ, сѣверно — и — средне — чериоземномъ, нищенство появилось за послѣднее пятилѣтіе. Профессиональное нищенство слабо развито въ Западномъ крайѣ и Малороссіи, а также Привислянскомъ и Юго-Западномъ и обильно — въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Это, конечно, зависитъ отъ причинъ какъ экономическихъ, такъ и религіозно-нравственныхъ. возрѣній массъ тѣхъ и другихъ районовъ; западная Россія за послѣдніе годы мало пострадала отъ неурожаевъ, туда не стигаютъ ни рабочіе, ни переселенцы, тамъ народъ болѣе привязанъ къ землѣ; кромѣ того, во всей Великороссіи щедро раздается милостыня, особенно въ праздники, въ западной же Россіи, зажиточный классъ — евреи, конечно, не подающіе милостыни. На количество нищихъ у насъ въ Россіи вліяетъ неудовлетворительность дѣла призрѣнія. По статистическимъ даннымъ, общее число призрѣваемыхъ въ Европейской Россіи всего 42.147. Если допустить всѣхъ нищихъ только 300.000, то призрѣваемыхъ окажется не болѣе 14 проц. Но еще болѣе, конечно, развитіе профессиональнаго нищенства объясняется легкостью этой профессіи, являющеюся подчасъ настоящимъ владомъ для облѣпившагося и выбившагося изъ колеи люда. Этому еще болѣе способствуетъ, по сло-

вамъ доклада, почти полное отсутствіе уголовной репрессіи, такъ какъ въ дѣйствительности никакихъ спеціальныхъ средствъ борьбы съ профессиональнымъ нищенствомъ у насъ не имѣется. Самое заключеніе примѣняется безъ системы и цѣлесообразности. Мировые судьи рѣже помѣщаютъ въ исправительныя заведенія несовершеннолѣтнихъ нищихъ, чѣмъ осужденныхъ за кражу или мошенничество. Изъ общаго числа 503 несовершеннолѣтнихъ, осужденныхъ за нищество въ 1890—95 годы, только пять были помѣщенны въ исправительныя заведенія, а 99⁰/₀ были посажены въ тюрьму. Процентъ рецидивизма въ нищенствѣ довольно высокъ.

О ВЪ Я В Л Е Н І Я :

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ:

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ДЛЯ

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

(Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественнаго духовенства).

—*—*

СОСТАВИЛЪ

С. Булгаковъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Извлеченія изъ нѣкоторыхъ отзывовъ печати о первомъ изданіи «Настольной книги для священно-церковно-служителей».

„Книга, по богатству и разнообразію заключающихся въ ней полезныхъ, а въ ннхъ случаяхъ даже необходимыхъ для приходскаго духовенства свѣдѣній, можетъ замѣнить цѣлый отдѣлъ въ библиотекѣ священно-церковно-служителей“. (Церк. Вѣдомости, 1892 г., 22 №).—Г. Булгаковъ именно отвѣчаетъ на практическія потребности и старается удовлетворить запросамъ пастырской практики, а въ этомъ отношеніи его изданіе безусловно полезно и дѣйствительно должно служить „настольною книгой“. Въ ней найдется все важнѣйшее, главнѣйшее и существенное“. (Церк. Вѣстникъ, 1892 г., 25 №).

Цѣна книги ПЯТЬ рублей. Пересылка (по разстоянію)—
за пять фунтовъ.

Съ требованіями обращаться: Харьковъ, Духовная Семинарія,
преподавателю Сергію Васильевичу Булгакову.

НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ:

Нижепоименованныя книги свящ. магистра о. Григорія Дьяченко продаются у московскаго книгопродавца, издателя ихъ, А. Д. Ступина, нъ которому благоволятъ обращаться по слѣд. адресу: Москва, Никольская, домъ Ремесленной управы, книжная торговля А. Д. Ступина.

1) ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ ПЛННЫЙ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ СЛОВАРЬ (со вписаніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій), содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ, встречающихся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ рукописяхъ и книгахъ, а именно: 1) священно-библейскихъ книгъ ветхаго и новаго завета; 2) церковно-богослужебныхъ, напр. въ октоихѣ, триодахъ, мѣселѣхъ, часословѣ, псалтирѣ, молитвенословѣ, требникѣ, ирмологіи, тицихонѣ и проч.; 3) духовно-поучительныхъ напр. въ прологѣ, патерикѣ, ч. мѣселѣхъ, твореніяхъ св. отецъ, словахъ, бесѣдахъ, поученіяхъ, посланіяхъ и проч.; 4) церковно-капопическихъ и т. п. книгахъ древней духовной какъ переводной, такъ и самобытной письменности, а также 5) въ памятникахъ свѣтской древне-русской письменности, какъ-то: лѣтописяхъ, избранныхъ, судныхъ грамотахъ, уложеніяхъ, договорахъ, быднихъ, дѣспяхъ, поговвицахъ, и др. поэтическихъ и прозаическихъ произведеній древне-русской письменности, начиная съ X до XVIII вв. включительно.

Пособіе 1) для преподавателей русск. и церк.-слав. языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) для занимающихся изученіемъ русскихъ древностей, филологическими разысканіями въ области исторіи и этимологіи родного языка и т. п. работами; 3) для пастырей церкви, какъ совершителей богослуженія, законоучителей, проповѣдниковъ и миссіонеровъ, и 4) для всѣхъ, желающихъ стать въ сознателно-разумныя отношенія какъ къ языку материка церкви, такъ и къ родному слову въ его современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ. Оставилъ священникъ магистръ Григорій Дьяченко (бывшій преподаватель рус. яз. и словесности). Слово объяснено около 30,000. Изд. 1899 г. Стр. 1120+XXXVIII. Ц. этой книги 3 р. 50 к. безъ перес. в 4 р. 25 к. съ перес.

Одобрительные отзывы объ этой книгѣ см. въ Паст. соб. за 1899 г. №№ 33—34; Коржикъ за тотъ же годъ въ № 47; Церк. Вѣд. изд. при Св. Синодѣ

за тотъ же годъ въ № 47; Моск. Церк. Вѣд. за тотъ же годъ № 47; въ Воскр. днѣ за тотъ же годъ въ №№ 39—40 и во мн. др. дух. и свѣтскихъ органахъ печати. Вотъ несколько краткихъ выдержекъ изъ этихъ отзывовъ:

„Мы съ радостью приветствуемъ появленіе съего капитальнаго труда о. Григорія Дьяченко, дающаго дѣйствительно полный церковно-славянскій (и древне-русскій) словарь, объясняющій малопонятныя не только слова, но и обороты въ нашихъ священныя, богослужебныхъ и духовно-поучительныхъ книгахъ, а также въ памятникахъ древне-русской письменности“. („Паст. соб.“ 1899 г. №№ 33—34).

„Отъ души желаемъ, чтобы этотъ прекрасный трудъ о. Григорія Дьяченко содѣлался настольною кникою каждаго пастыря церкви и преподавателя родного слова и церковно-славянскаго языка въ особенности“. („Воскр. днѣ“ 1899 г., №№ 39—40).

„Этотъ словарь можно назвать полнымъ, какъ болѣе полный, по сравненію съ прочими, доселѣ изданными церковно-славянскими словарями, и съ томъ числомъ прот. П. Алексѣева и А. Востокова. Въ коренныя слова въ немъ сравнены этимологически съ одинаковыми по корню или значенію словами не только славянскихъ нарѣчій, но и главнѣйшихъ индо-европейскихъ языковъ, а иногда и языковъ кельтской и иранской группы“. („Моск. Церк. Вѣд.“ 1899 г., № 47).

„Трудъ составленный съ весьма опредѣленными практическими цѣлями, соображенный съ нуждами времени и съ этой стороны несомненно полезный. Имъ (о. Дьяченко) положено много кропотливаго и во всякомъ случаѣ не механическаго только труда при выборѣ, сличеніи и обработкѣ словарнаго материала. Еще разъ повторяемъ, что книга его во всякомъ случаѣ полезна, въ особенности для священниковъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ славянскому языку и призванныхъ научить, или, по крайней мѣрѣ разяснить его своимъ пасомымъ. Удобство его въ томъ, что онъ можетъ за-

мнѣть нѣсколько словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ письменности и къ цѣлымъ изъ группамъ, въ особенности, если кто не располагаетъ такими словарями для своихъ занятій⁴ („Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ, 1899 г. № 47).

2) Его-же: **ОБЪЯСНЕНИЕ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ЕВАНГЕЛІЙ ВСЕГО ГОДА**, читаемыхъ на литургіяхъ и всенощныхъ бдѣніяхъ, съ подробн. догматическимъ и нравств. выводами. Пособіе для педенія вѣрбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. Объясненіе воскресн. евангелій, стр. 430. Цѣна 1 р. 25 к. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес. (Одобр. отъ. см. въ Церк. Вѣд. при Св. Синодѣ за 1899 г.; въ Паст. Соборѣ за 1899 г. № 8 и др. орг. Ч. 2-я. Объясненіе праздничныхъ евангелій, стр. 490. Цѣна 1 р. 25 к. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес., изд. 1899 г.

3) Его-же: **ДУХОВНЫЕ ПОСТѢВЫ**. Краткій оборникъ рѣзказовъ, статей и стихотвор. духовно-нравственнаго содержания, приспособлен. къ общедоступному объясненію главнѣйшихъ вѣстанъ катихизическ. ученія правосл. Церкви. Третье допол. изд. 1899 г. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к. (Одобрит. отзывъ объ этой кн. см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ за 1897 годъ, № 24).

4) **ЕЖЕДНЕВНЫЯ ПОУЧЕНІЯ** въ словѣ Божіемъ по руководству литургійныхъ евангельскихъ и апостольныхъ чтеній на двѣ воскресные, праздничные и седмичные всего года. Полное практическое пособіе для проповѣдниковъ слова Божія. Въ трехъ томахъ. Составлены преимущественно по лучшимъ проповѣд. образцамъ свѣщ. магистровъ. Гр. Дьяченко. Изд. А. Д. Ступина.

Томъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Стр. 746. Всѣхъ поученій около 465. Цѣна 1 р. 50 к. безъ перес. и 2 руб. съ перес. Изд. 1899 г. 2-е дополн.

Томъ второй. Поученія на всѣ праздники великіе, средніе и малые. Стр. 794. Всѣхъ поученій около 475. Цѣна 2 р. безъ пересылки и 2 р. 50 к. съ пересылкой. Изд. 1899 г. 2-е дополн.

Томъ третій. Поученія на дни оедмичные (будніе) всего года, съ присовокупленіемъ поученій по церковнымъ чтеніямъ и пѣнопѣніямъ на всѣ дни Четыредевятницы. Стр. 985. Всѣхъ поученій 486. Цѣна 2 р. безъ перес. и 2 р. 50 к. съ перес.; перепл. кореш. 50 к. колпк. по 1 р. (Одобрит. отзывъ объ этихъ книгахъ см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ за 1897 г. № 44, и въ другихъ орг. печати).

5) **ПОЛНЫЙ ГОДИЧНЫЙ КРУГЪ КРАТКИХЪ ПОУЧЕНІЙ**, составленныхъ на каждый день года прямоначально къ житіямъ святыхъ, праздникамъ и др. свѣщ. событіямъ, воспоминаемымъ Церковію, и приспособленныхъ къ живому проповѣдническому слову (выпровизаціи). Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ свѣщ. магистръ Гр. Дьяченко. Изданіе второе, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Въ двухъ томахъ. Томъ первый (первое полугодіе), заключающій въ себѣ 330 поуч. (548 стр.). Цѣна безъ перес. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

Томъ второй (второе полугодіе), содержащій 375 поуч. Цѣна безъ перес. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., изд. А. Д. Ступина. (Одобрит. отзывъ см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 8, и въ др. орг. печати за тотъ же годъ).

6) **ВОПРОСЫ НА ИСПОВѢДИ** по руководству 10-ти заповѣдей Зак. Божія, 9-ти еванг. заповѣдей о блаженствахъ и 9-ти церковн. заповѣдей съ подробнымъ пастырскимъ увѣщаніемъ кающагося и съ указаніемъ ему духовно-врачебныхъ средствъ въ борьбѣ съ грѣховными наклонностями. Стр. 158, 2-е, значит. дополненное изд. 1897 г. А. Д. Ступина.

Пособіе для пастырей церкви при совершеніи ими таинства покаянія и для говѣющ. мірянъ. Цѣна этой брошюры 30 к., съ пересылкой 40 коп.

Отзывъ о брош. см. въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 14.

7) Его-же: **НАКАНУНЪ ИСПОВѢДИ**. Общедоступное духовно-нравственное чтеніе для говѣющихъ. Съ приложеніемъ статей о спасеніи души и духовныхъ стихотвореній. Стр. 126. Второе значительно дополненное изданіе 1897 г. Цѣна 20 к., съ пересылкой 30 к. Изд. А. Д. Ступина. Отзывъ о брошюрѣ можно читать въ „Церк. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ, за 1897 г., № 14.

8) Его-же: **НАКАНУНЪ СВ. ПРИЧАЩЕНІЯ**. Общедоступн. дух.-нравствен. чтеніе. Цѣна 20 к., съ перес. 30 к.; Изд. 2-е дополн. А. Д. Ступина.

9) Его-же: **ВОПРОСЫ НА ИСПОВѢДИ ДѢТЕЙ**. Съ подробными пастырскими наставленіями ихъ. Пособіе для пастырей при исповѣди отроковъ и для родителей при подготовкѣ дѣтей къ исповѣди. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к. Изд. А. Д. Ступина.

10) Его-же: **САМОИСПЫТАНІЕ ХРИСТИАНИНА**. Общедоступное духовно-нравственное чтеніе, преимущественно во

дпи великаго поста. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к. Изданіе А. Д. Ступяпа.

11) СЛОВА, ПОУЧЕНІЯ, БЕСѢДЫ и РѢЧИ ПАСТЫРЯ ЦЕРКВИ НА РАЗНЫЕ СЛУЧАИ въ личпой, семейной, школьной, церковно-приходской, религіозно-правственной и гражданско-общественной жизни христіанина, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, въбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и домашнему чтенію христіанъ. Составилъ преимущественно по лучшимъ проповѣдническимъ образцамъ священ. магистръ Г. Дьяченко. Ц. 2 р. 50 к. Изд. 1898 г. Всѣхъ поученій въ этой книгѣ 560, стр. 1015. На перес. прилагають за 4 ф., смотри по разстоянію.

Отзывъ объ этой книгѣ можно читать въ „Церков. Вѣд.“, изд. при Св. Синодѣ, за 1898 г. № 3, а также въ „Паст. Собесѣдникѣ“ и „Воскр. Дня“ за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.

12) Его-же КАТИХИЗИЧЕСКІЯ ПОУЧЕНІЯ, ОБЩЕДОСТУПНО ИЗЛАГАЮЩІЯ УЧЕНІЕ О ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРѢ, НАДЕЖДѢ и ЛЮБВИ, съ библейскими и церковно-историческими приложеніями къ поученіямъ, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, въбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному, чтенію христіанъ. Ц. 2 р. 50 к. Изд. 1898 г. Всѣхъ поученій 450 со 100 къ нимъ библейскими и церковно-историческими приложеніями. Страницъ 1040. На перес. за 4 ф. по разстоянію.

Одобр. отзывомъ объ этой книгѣ можно читать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 1 (яно. кн.); въ № 3 „Церк. Вѣд.“ изд. при Св. Синодѣ, за 1898 г.; въ № 9 „Воскр. Дня“ за тотъ же годъ; въ „Паст. Соб.“, въ № 10 за тотъ же годъ, и въ др. орг. печати.

18) Его-же: ОБЩЕДОСТУПНЫЯ БЕСѢДЫ О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, приспособленныя къ живой церковной проповѣди, въбогослужебнымъ собесѣдованіямъ съ народомъ и семейному чтенію христіанъ. Со многими церковно-археологическими, церковно-историческими, догматическими, нравственными и иными приложеніями.

Всѣхъ бесѣдъ 297 со 149 къ нимъ приложеніями. Стр. 1148+LX. Ц. книги 3 р. На перес. прилагается за 5 ф., смотри по разст. Изд. 1898 г. *Отзывы см. въ „Богословско-библ. листкѣ“, прилож. къ Рук. для с. наст. вып. 10, 1898 г.; въ „Цер. Вѣд.“ изд. при Св. Синодѣ за 1898 г.; „Паст. Соб.“, за тотъ же годъ и въ др. орг. печати.*

14) ХРИСТІАНСКІЯ УТѢШЕНІЯ несчастныхъ и скорбящихъ, испытывающихъ бѣдность, болѣзнь, потерю родныхъ и близкихъ сердцу, житейскія неудачи, злорѣчія, разочарованіе въ жизни, мучительную борьбу съ грѣхомъ и страстями, съ религіознымъ сомнѣніемъ и помыслами невѣрія, съ отчаяніемъ въ спасеніи своей душі, со страхомъ смерти, и многія другія тѣлесныя и духовныя скорби и страданія. Въ 2-хъ частяхъ.

1) Т. I-й. Утѣшенія въ скорбахъ тѣлесныхъ. Стр. 618. Изд. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к. безъ перес. и 2 р. 25 к. съ перес. *Одобрит. отзывы см. въ № 45 Церк. Вѣд. изд. при Св. Синодѣ за 1898 г.; № 40 М. Еп. Вѣд. за тотъ же годъ, Паст. Соб. за 1899 г. № 5 и въ др. орг. печати.*

2) Т. II. ХРИСТІАНСКІЯ УТѢШЕНІЯ въ скорбахъ духовныхъ. Цѣна 1 р. 50 к. безъ перес. и 2 р. съ перес. Стр. 508. Изд. 1898 г. Отз. см. въ № 8 М. Церк. Вѣд. за 1899 г.

И. Н. ДРОЗДОВЪ.

ОЧЕРКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Съ основанія церкви до эдикта св. Константина Великаго 313 г.

Иркутскъ. 1899 г. Цѣна 1 руб.

Складъ изданія у Тузова въ С.-Петербургѣ (Гостининый дворъ № 45), у Киммеля въ Ригѣ и у автора, преподавателя Иркутской духовной Семинаріи.

Первый примѣръ въ Россіи. Новый журналъ литературный, политическій, научный и художественный

ИЛЛЮСТРАЦІЯ

съ 1 Ноября 1899 г. будетъ выходить ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ большими номерами.

Программа изданія слѣдующая: 1. Снимки съ художественныхъ произведеній, портреты современнѣхъ и прежнихъ дѣятелей, рисунки и чертежи къ статьямъ научнымъ и другимъ, иллюстраціи къ современнымъ событіямъ и каррикатуры. 2. Беллетристика (романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ), статьи по разнымъ вопросамъ въ области наукъ и искусствъ (живопись, скульптура, театр и музыка, съ приложеніемъ нотъ), статьи историческаго содержанія, описаніе достопримѣчательныхъ древностей, біографіи современныхъ и прежнихъ дѣятелей, литературно-художественная критика, обзорніе политической и общественной жизни (русской и иностранной), свѣдѣнія по хозяйству и домоводству, игры, забавы, шутки, шарады, шахматы, смѣхъ и проч.

Такимъ образомъ „Иллюстрація“ замѣнитъ собою художественное изданіе, литературный журналъ и кромѣ того, — выходя черезъ день — замѣнитъ иллюстрированную политическую газету. Лучшіе писатели и художники обѣщали „Иллюстраціи“ свое оотрудничество. Въ первыхъ №№ начнутся печатаніемъ: „Воздушные замки“, романъ В. А. Тихонова; „Отъ глубины души“, повѣсть И. Н. Потапенко; „Батюшки“, романъ П. М. Невѣжина; рассказы кн. Д. П. Голицына; (Дм. Муравьяна); „Морская сказка“, повѣсть А. В. Амфитеатрова; „Американскіе очерки“ В. М. Дорошевича и др. Каждый номеръ состоитъ изъ 16 страницъ, изъ нихъ 4 страницы художественныхъ рисунковъ и портретовъ, печатаемыхъ на роскошной слоновой бумагѣ, и 12 страницъ текста на полуцелулевой бумагѣ.

Въ продолженіе года, не менѣе какъ въ 24 номера, рисунки будутъ художественно отпечатаны въ нѣсколько красокъ.

Подписная цѣна: 5 руб. за годъ безъ доставки 156 №№ съ доставкой и пересылкой 6 руб. За два мѣсяца одинъ руб. Контора и редакция: С.-Петербургъ, Вольн. Подъячская, 22.—Телефонъ 917. Отдѣленія конторы: Пенскій, 86, при главной конторѣ газеты „Россія“ и во всѣхъ ея отдѣленіяхъ.

Редакторъ-Издатель *Н. Я. Ростовцевъ*.

Открыта подписка на 1900 г. на журналъ политики, литературы и общественной жизни

РОДНАЯ РѢЧЬ

Въ предстоящемъ 1900 г. подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ: **24** КНИГИ каждаяго размѣромъ отъ 5—10 печатныхъ листовъ или 100—150 страницъ текста, состоящаго изъ передовыхъ статей по вопросамъ внутренней общественной жизни и по обзорнѣю внѣшнихъ политическихъ сношеній, журнальнаго и газетнаго обзорнія, статей по сельско-хозяйственной и фабрично-промышленной дѣятельности, научныхъ извѣстій, театральнo-музыкальной хроники, романовъ, повѣстей, рассказовъ, очерковъ, стихотвореній и т. д. при постоянномъ участіи извѣстныхъ русскихъ писателей и публицистовъ. Въ числѣ 24 книгъ. 2 книги будутъ заключать полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. 1 книга полное собраніе басенъ И. А. КРЫЛОВА. 1 книга повѣйшее сочиненіе графа Л. Н. ТОЛСТОГО. „Воскресеніе“ романъ въ 3-хъ частяхъ.

Такимъ образомъ подписчики журнала „Родная Рѣчь“ за баснословно дешевую цѣну всего 3 руб. получатъ помимо массы интереснаго общаго журнальнаго матеріала полнаго собранія сочиненій двухъ великихъ писателей какъ М. Ю. Лермонтовъ и И. А. Крыловъ, а также повѣйшее только что законченное сочиненіе великаго современнаго русскаго писателя — графа Л. Н. Толстого. Книги будутъ печататься на лучшей бумагѣ новѣйшими шрифтами и будутъ представлять собой цѣнное пріобрѣтеніе для самыхъ дорогихъ бібліотекъ. Подлинная цѣна на годъ съ пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 3 руб. Подписку просимъ адресовать въ главную контору журнала: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Кудринцева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

С Ъ В Е Р Ъ

XIII-й годъ изданія.

Въ 1900 году даетъ своимъ подписчикамъ бесплатно

собрание сочиненій Г. КРАШЕВСКАГО

12 томовъ „БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“, каждый томъ объемомъ отъ 160 до 240 и болѣе стр., въ которыхъ будетъ дано собраніе сочин. Г. Крашевскаго: 1) „Князь Михаилъ Винницкій“. 2) „Гетманскіе грѣхи“. 3) „Король хлоповъ“. 4) „Князь Голубы“. 5) „Послѣдніе изъ Сѣверянскихъ“. 6) „Братья Рамульги“. 7) „Два пути“. 8) „Хата за околицей“. 9) „Корлецькій“. 10) „Сфинксъ“.

Въ отдѣльной прод. эти сочинен. стоятъ около 18 руб.

Подписчики „СЪВЕРА“ въ 1900 году получатъ:

52 №№ иллюстр. журнала, изъ которыхъ 12 №№ съ цѣлѣтн. рисунк. извѣстн. художник. 52 №№ ежемѣсячнаго обзорѣнія „Съверъ“, въ форматѣ газеты. листа. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала „Хозяйство и домоводство“. 12 №№ ежемѣсячнаго моднаго журнала „Парижскія моды“. 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, монограммами, рисунками для вышиваній и пр.

Лица, по бывшія подписчиками въ 1899 г., желающіи приобрести 12 томовъ сочиненій того же автора, („Древнее сказаніе“, „Цѣль Твардовскій“, „Останъ Бопдартуитъ“, „Кунигасъ“, „Ермола“, „Янъ Собѣскій“, „Мученица на троихъ“, „Два свѣта“, „Улина“, „Черный день“, „Чудакъ“, „Гнѣвъ Божій“), доплачиваютъ 8 руб. безъ пересылки и 4 р. съ доставкой и пересыл. Годовые подписчики „Съвера“, кромѣ всѣхъ другихъ приложений, получаютъ бесплатно:

Роскошный альбомъ изъ 24 иллюстр. къ собр. соч. Юсифа Крашевскаго.

Примѣчаніе. Бесплатныя библиотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія начальныя школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники и діаконъ, земскіе врачи, фельдшера и фельдшерницы и волостныя правленія пользуются исключительно правомъ получать журналъ „Съверъ“, со всѣми къ нему приложениями и преміями, на особо-льготныхъ условіяхъ, а именно: за 5 р. съ дост. и перес. Подписка на льготные экземпляры приимается исключительно въ главной конторѣ „Съвера“ только до 1 февраля 1900 г. и не иначе какъ на годъ, безъ разсрочки, не болѣе 1 экз. на каждое лицо или учрежденіе, безъ права передачи. Подписка адресуется въ Главную контору журнала „Съверъ“ (СНВ., Невскій, 170), на имя издателя Ник. Фед. Мертца.

Иллюстрированное объявленіе высылается по первому требованію бесплатно.

Мин. Нар. Просв. журналъ „Съверъ“ допущенъ въ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и бібліотекахъ.

Подписная цѣна „Съвера“: на годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ 6 р. 1) въ Глазн. конторѣ журнала „Съверъ“ (Невскій, 170); 2) въ отдѣлѣ конторы жур. у Л. и Э. Метцль и К^о. (В. Морская, 11); 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Л. и Э. Метцль и К^о (Мясницкая, д. Спиридонова)—6 р. 25 к.; 4) въ Одессѣ, въ книжно-газетной торговлѣ Г. В. Свистунова (уг. Екатерининской и Дерибас. ул. д. Греческаго училища)—6 р. 50 к.

На годъ съ дост. и пер. во всѣ мѣстности Имперіи 7 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 60 к., за границу 11 р. (Разсрочка—въ тѣ-же сроки). Подписка приимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Открыта подписка на „НОВЫЙ МІРЪ“ на 1900 годъ.

Согласно многочисленнымъ предложеніямъ со стороны г.г. подписчиковъ, редакція „Новаго Міра“ рѣшила выдать, въ видѣ преміи къ журналу

Въ теченіе одного 1900 г. на выборъ

или ВСѢ 12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій

ЛАЖЕЧНИКОВА

или-же ВСѢ 12 переплетен. томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій

Г Е Й Н Е

Подписная цѣна за 24 №№ богато иллюстрированнаго журнала „Новый Міръ“, 24 №№ богато иллюстрированнаго журнала „Мозаика“, 12 кн. ежемес. иллюстр. журнала „Литературные Вечера“, съ бесплатнымъ приложеніемъ: 12-ти переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Лажечникова (или 12-ти переплетенныхъ томовъ полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій Гейне), и, кромѣ того, двухъ изящно переплетенныхъ книгъ „Живописной Россіи“, посвященныхъ описанію Средняго Поволжья и Приуральскаго Края, съ доставкой и пересылкой на годъ: на мелеловой бумагѣ 14 руб. на слоновой 18 руб.

Для желающихъ допускается подписка со второй половиной сочиненій Лажечникова (т.т. 7—12) и второй половиной соч. Гейне (т.т. 7—12), а также по желанію и съ первыми шестью томами соч. того и другого писателя. Желающіе получить при „Новомъ Мірѣ“ за 1900 г. всѣ 24 тома полныхъ собраній соч. Лажечникова и Гейне, и вмѣсто двухъ, четыре книги „Живописной Россіи“, — уплачиваютъ за журналъ, вмѣсто 14-ти руб., всего 26 руб. (роском. изд. 30 р.)

Допускается разсрочка: при подпискѣ не менѣе 2-хъ рублей и ежемесячно не менѣе одного рубля, до уплаты всей подписной суммы. Подписка на „Новый Міръ“ принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ: Гостиный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, № 12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 г. (VII г. изд.)
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе *П. П. Сойкина*, подъ редакціею д-ра философіи *М. М. Филиппова*.

Вышелъ 15 декабря № 12. Содержаніе: I. Хлопковый голодъ. М. И. Туганъ-Барановскаго. II. Среди пустыни по великой Средне-Азіатской рѣкѣ Аму-Дарьѣ. А. Россиновой. III. Планета Марсъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Ф. Брунса. IV. Физиологическія бесѣды. Вліяніе физическаго на моральное. Проф. А. Герцена. V. Статистика десятилѣтнаго праздника русской науки. Н. М. Сомова. VI. Современныя русскія экономисты. Народначеское ученіе. М. Филиппова. VII. Товарный фетишизмъ. Павла Сиворцова. VIII. О „новой“ теоріи рынковъ. Б. Авиллова. IX. Литературный Обзоръ: 1. Альтруизмъ или символизмъ. С. Н. Мулюбинъ. 2. Полемицескія упражненія г. Нежданова. М. Ф. Х. Книжки присланныя въ редакцію для отзыва. XI. Объявленія. XII. Приложенія: 1. Вольфъ. Космогоническія гипотезы. 2. Гельвальдъ. Происхожденіе новой культуры. 3. Людвигъ Берве. Собраніе сочиненій. Т. П. 4. М. Ковалевскій. Экономическій строй Россіи.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкой и перес., допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 июля остальные; комплекты за 1899 годъ, ц. 7 р.

Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д., № 12.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ НА
МОСКОВСКІХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВѢДОМОСТІ
еженедѣльное изданіе

Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ. Каждый № въ размѣрѣ отъ 1½ до 2 хъ печатныхъ листовъ. Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ своею цѣлю доставлять серьезное чтеніе по вопросамъ религіозно-правовенности, церковно-историческимъ и практическимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся означенными вопросами. Кромѣ этого, въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ помѣщаются: а) имѣющія то или другое приложеніе къ современнымъ вопросамъ жизни извлеченія изъ твореній св. отцовъ церкви и б) статьи съ историко-археологическимъ описаніемъ Моноховской церковной старины и чтимой святыни. „Московскія Церковныя Вѣдомости“ имѣютъ въ виду предлагать сужденія о фактахъ и явленіяхъ жизни съ точки зрѣнія ученія Православной Церкви, подвергать обсужденію тѣ вопросы, которые вытекаютъ самою жизнью и потребностями времени и потому должны предстать современному интересу. По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи. Подписка принимается: а) въ Епархіальной бібліотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ, б) въ редакціи — В. Ликинка, церковь Петра и Павла, квартира священника Іоанна Ѳеодоровича Мансветова, в) въ конторѣ Печковской — на Петровкѣ и въ известныхъ книжныхъ магазинахъ г. Москвы. Подписная цѣна: На годъ съ перес. 5 р.—безъ перес. 3 р. 50 к. На полгода съ перес. 3 р.—безъ перес. 2 руб.

Редакторъ Священникъ Іоаннъ Мансветовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 Г. XI ГОДЪ ИЗДАНІЯ
 еженедѣльный иллюстрированный журналъ
 для семейнаго чтенія

Природа и люди

Въ теченіе года подписчики получаютъ 52 иллюстрированныхъ №№, въ которыхъ будутъ помѣщаться всѣ выдающіеся событія всего міра, очерки и рассказы изъ исторіи науки, путешествій и изобрѣтеній, описаніе чудесъ Парижской Всемирной выставки 1900 г.; обзоръ XIX вѣка, романы и повѣсти съ массою иллюстрацій. **БЕЗПЛАТНО 12 ТОМОВЪ**, подъ общимъ заглавіемъ „**БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ**“ (приключенія на сушѣ и на морѣ) которые будутъ заключать въ себѣ произведенія известныхъ писателей: 3 тома составляющихъ полную серію сочин. Фалькенгорста Африканскій ножаный чулокъ: томъ I. Нѣжное сердце. II. Танганьикскій левъ. III. Корсаръ пустыни. 9 томовъ составляющихъ полное собраніе сочиненій А. ЛОРИ, въ которыхъ въ увлекательномъ изложеніи описываются путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ. Томъ 1) Капитанъ Трафальгаръ. 2) Радамехскій карликъ. 3) Изгнанника земли 4) Искатели золота. 5) Атлантика. 6) Рубинъ Великаго Ламы. 7) Тайна мага. 8) Черезъ океанъ. 9) Наслѣдникъ Робинзона. Кромѣ того, бесплатно 12 иллюстрированныхъ выпусковъ „**ВСЕМІРНАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА**“ въ которыхъ будетъ помѣщено описаніе знаменитыхъ путешествій во всѣхъ частяхъ свѣта, съ массою иллюстрацій, рисунковъ и портретовъ. На годъ безъ доставки въ Сиб. пять руб., съ доставкою въ Сиб. и перес. по всей Россіи шесть руб. За границу 8 руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка: При подпискѣ 2 руб., къ 1 марта 1 руб., къ 1 мая 1 руб. и къ 1 июля остальное. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ Стрельчаная, № 12, собствен. домъ.

Редакторъ Ф. С. ГРУЗДЕВЪ. Издатель П. П. СОЙНИНЪ.

Подробное объявленіе высылается бесплатно.

Открыта подписка на 1900 г. на БОЛЬШУЮ ежедневную политическую, общественную и литературную газету

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ

(XII годъ изданія).

„Русскій Листокъ“, самая дешовая изъ большихъ газетъ, издается безъ предварительной цензуры въ форматѣ и по программѣ большихъ и дорогихъ ежедневныхъ изданій. „Русскій Листокъ“ за послѣдніе три года достаточно зарекомендовалъ себя своей содержательностью и вполне опредѣлился, не нуждаясь въ самовосхваленіяхъ. Задача издателя „Русскаго Листка“ дать за небольшую плату русскую, поучительно-передоного направленія, газету, наиболѣе полную, изобилующую разнообразіемъ и свѣжестью матеріала. Отъ „Русскаго Листка“ не ускользнула ни одна заслуживающій вниманія фактъ изъ русской или иностранной жизни. „Русскій Листокъ“ получаетъ всѣ повости административной и петербургской жизни по телефону и даетъ ихъ одновременно съ петербургскими газетамъ. „Русскій Листокъ“ извѣсть своихъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и друг. город., а въ важныхъ случаяхъ посылаетъ специальныхъ корреспондентовъ, какъ наприм. въ 1899 г. былъ посланъ въ Гаагу и Швейцарію. „Русскій Листокъ“ въ наступающемъ 1900 году будетъ давать по нѣкоторымъ воскреснымъ днямъ, вмѣсто вкладного полулиста,—иллюстрированныя приложенія, въ форматѣ ежедневныхъ журналовъ, съ картинными листкомъ, съ рисунками, портретами, чертежами, картами, модами, рукодѣліями и проч. „Русскій Листокъ“ ежедневно помѣщаетъ въ фельетонѣ лучшіе романы и повѣсти извѣстныхъ писателей. Въ газетѣ участвуетъ болѣе 200 сотрудниковъ и корреспондентовъ. „Русскій Листокъ“ высладался въ истекшемъ году подписчикамъ прекратившихся газетъ: „Утро“, „Гласность“, „Калужскій Вѣстникъ“ и „Московскій Вѣстникъ“. Свои отдѣленія—въ Петербургѣ, Тулѣ и Калугѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой ШЕСТЬ р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к. Допускается разсрочка: 3 р. при подпискѣ и 3 р. къ 1 мая.

Адресъ главной копторы: Москва, Мясницкая ул., домъ № 20.

Открыта подписка на 1900 г. Съ 1 октября 1899 года началея третій годъ изданія ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала

„Книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ“.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ области литературы, наукъ и библіографіи у насъ въ Россіи и за границею. Въ этихъ видахъ журналъ „Книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи“ помѣщаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критическіе отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготавливаемыхъ къ печати новыхъ изданіяхъ и пр. Особый отдѣлъ журнала посвященъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журналу съ доставкой и пересылкою 1 р.; изданіе на велевеновой бумагѣ 2 р.

Объявленія для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ“ принимаются съ платою по 25 коп. за мѣсто, занимаемое одною строкою нонпарелемъ въ 1/3 ширины страницы.

Подписка и объявления принимаются въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостиный дворъ № 18 и Москва, Кузнецкій мостъ № 12.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остроумъ, 16 лин., д. 5—7.

Еженедѣльный политическій, научный и литературный журналъ

ЗНАМЯ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ.

Журналъ выходитъ по пятницамъ книжками въ 64 страницы убористаго шрифта.

По содержанию каждая книжка распадается на четыре части:

1. Беллетристика: а) Романы, повѣсти, рассказы, б) Стихотворенія. 2. Отдѣлъ научно-критическій: а) статьи научнаго содержания (преимущественно общественно-экономическія). б) Литературная критика. с) Библіографія. 3. Обзоръ иностранной жизни: а) Отдѣльныя статьи. б) Иностранная корреспонденція (изъ Царскаго, Варшавы, Франкфурта, Нью-Йорка etc.). 4. Внутреннее обозрѣніе: а) Внутренніе извѣстія. б) Обзоръ мнѣній прессы по разнымъ вопросамъ. с) Провинціальное обозрѣніе. д) Корреспонденція.

Условія подписки: безъ доставки на годъ 4 р., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс., 2 р. 50 к.

Учащіяся, учителя, священнослужители, частныя и общественыя бібліотеки пользуются скидкой въ одинъ рубль съ годоваго экземпляра. Подписныя деньги просятъ адресовать на нилъ конторы журнала „Знамя“: Москва, Варсонофьевскій пер., домъ князя Гагарина.

Редакторъ Н. Д. Облеуховъ.

Издательница А. Д. Пустошкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

САМУЮ ДЕШЕВУЮ и ПОЛНУЮ ГАЗЕТУ

„С.-ПЕТЕРБУРГЪ“

съ картинами и иллюстрированной хроникой.

Издание безцѣпурное. Годъ седьмой. Собственная типографія. Выходитъ два раза въ недѣлю.

Основы направленія газеты: независимость, человѣколюбіе и отсутствіе лицемерія.

Содержаніе: Передовыя статьи; придворныя и правительственныя новости; послѣднія извѣстія изъ заграницы, столицъ и изъ провинціи; уголовныя дѣла; историческія и научныя статьи; о спиритизмѣ; романы, повѣсти, рассказы, стихи, смѣхъ; почт. ящичекъ; списокъ умершихъ.

Подъ редакціей сотрудника „Новаго Времени“ А. Молчанова.

ЦѢНА съ доставкой и пересылкою: за годъ 2 руб., за полгода 1 руб., за три мѣсяца 50 коп. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій, д. 199. Главналъ Контора газеты „С.-Петербургъ“.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; въ первыхъ десяти
лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Вископросвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то:
„Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго обще-
ства“, „О религіозномъ салтанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того
пастырскія воззванія и увѣщанія православному христіанамъ Харьковской епархіи,
слова и рѣчи на равнине случая и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то,
„Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойна-
скаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Мос-
ковского“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсун-
скаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея свя-
щеннаго союза“. Профас. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Норясовъ“. Библио-
графическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о енобдиномъ и
независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра
Готте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено
„Изложете ученія иаолоической православной Церкви, съ указаніемъ различій, ко-
торныя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николае-
вичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ
оныхъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе
Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика
и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое послѣдованіе А. Вертеловскаго.—
„Имячество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“
Свящ. Т. Буткевича.—Статья „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли кано-
ническія или общеправныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными
имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Исто-
мина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—
„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О скандинавскомъ языкѣ
въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и совре-
менная теософія“. Н. Глубоковского.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣ-
длева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О
церковныхъ влохеринищеніяхъ“. Н. Протопелова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ пе-
реводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платѣнова.—„Очеркъ православнаго
церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области
библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О некоемъ воскресномъ днѣ“. Доппента. А.
Бляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—
„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О скандинавскомъ Богослуженіи на Запа-
дѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свящ.
Преданіи“ М. Овдѣвича.—„О православной и протестантской проповѣднической
пропискѣ“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. О. Е. О.—„Уль-
манское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1860—70 гг.) въ
краткомъ изложеніи“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—
„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи гра-
фа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ еднотѣрія“. П.
Омирова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православныя-ли intersom-
ption, предлагаемыя намъ старокатоликами“. Прот. К. К. Омирова.—„Разборъ
протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматическою точкой зрѣнія“. Прот. А.
Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и
Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М.
Остроумова, В. Спасскаго, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются
были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и
многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакцією литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакция~~ Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ **ВНАМЕНСКІЙ**
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ **КОТОМИН**